Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Мурдалов Дени Русланович

ОПЦИОННЫЕ СДЕЛКИ С ДОЛЯМИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ И АКЦИЯМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ (ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
доцент
Лаптев Василий Андреевич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ОПЦИОНАХ 19
§ 1.1. Теоретические конструкции опциона в договорном праве 19
§ 1.2. Соотношение опциона на заключение договора и опционного договора 38
§ 1.3. Правовые режимы и конструкции опционов 63
ГЛАВА 2. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА И ОПЦИОННОГО ДОГОВОРА 79
§ 2.1. Существенные условия опциона на заключение договора и опционного договора 79
§ 2.2. Правовая природа и порядок уступки прав по опционам 100
§ 2.3. Действие опциона на заключение договора и опционного договора 114
ГЛАВА 3. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА И ОПЦИОННОГО ДОГОВОРА В СДЕЛКАХ С ДОЛЯМИ В УСТАВНЫХ КАПИТАЛАХ (АКЦИЯМИ) ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ 129
§ 3.1. Влияние правового режима сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ на опционные сделки 129
§ 3.2. Влияние корпоративных прав участников (акционеров) на совершение опционных сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ 147
§ 3.3. Способы применения и функции опциона на заключение договора и опционного договора в отдельных сделках с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ 160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 175
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 178

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Несмотря на наличие в Гражданском кодексе Российской Федерации[1] норм об опционе на заключение договора и опционном договоре, а также более чем десятилетний опыт их применения, в науке и профессиональной юридической практике сохраняется неопределенность относительно ряда теоретических и прикладных проблем, связанных с многосоставным характером этих конструкций. Некоторые из проблем находят отражение в неоднородной судебной практике, другие – в работах отечественных цивилистов, и это затрудняет эффективное использование опционов. При этом остаются открытыми вопросы о предмете регулирования соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, соотношении действия опциона на заключение договора и оферты, обязательства и опционного договора, правовой природе прав, предоставляемых опционами, и ограничениях их перехода, действии конструкции во времени, включая начало действия и момент прекращения, вопросы формы опционных сделок с долями в уставных капиталах (акциями) и многие другие проблемы.

Актуальность темы диссертационного исследования проявляется в следующих аспектах.

Социально-экономическое значение опционных сделок (опцион на заключение договора и опционный договор) с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ состоит в обеспечении юридической основы для их применения участниками (акционерами) в целях привлечения инвестиций, планирования входа и выхода из совместных предприятий, перераспределения финансовых рисков, мотивации сотрудников и решения иных коммерческих задач.

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая – Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. (далее – ГК РФ).

По тексту настоящей работы под ГК РФ также понимается Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая – Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

В условиях высокой волатильности рынков возрастает спрос на предсказуемость правового режима рассматриваемых конструкций, что делает исследование их элементов и природы практически значимым.

Политико-правовая ценность исследования опционных сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ обусловлена их значением для реализации приоритетных направлений совершенствования гражданского законодательства Российской Федерации, определенных Президентом РФ, в частности: развития основных принципов гражданского законодательства, соответствующих новому уровню развития рыночных отношений; использования новейшего опыта модернизации гражданского законодательства европейских стран; обеспечения стабильности гражданского законодательства[2].

Правоприменительный аспект актуальности темы исследования состоит в отсутствии последовательной практики применения норм об опционных сделках с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ. Более того, отсутствие сформировавшихся судебных подходов к разрешению споров, связанных с заключением и прекращением опционов в гражданском и корпоративном праве, создает правовую неопределенность для участников оборота и сдерживает использование данных правовых конструкций в предпринимательской деятельности. Указанное вызывает потребность в доктринальной проработке теоретических основ применения опционных сделок для формирования научного фундамента.

Доктринальный аспект актуальности темы исследования заключается в отсутствии в современной доктрине единого подхода к определению правовой природы опционных сделок, их элементов и соотношения между ними. К примеру, в юридической науке нет консенсуса в отношении природы опционов[3]. Это создает

---

[2] См., например: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 29 (ч. 1), ст. 3482.

[3] См., например: Илюшина М. Н. Новеллы Гражданского кодекса об опционных договорах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 3–10; Севеева К. В. Правовая природа опционных соглашений в корпоративном праве // Хозяйство и право. 2023. № 4. С. 23–41.

теоретические предпосылки для противоречивых выводов относительно особенностей применения норм об опционах в сделках с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ, что требует выработки непротиворечивого научного подхода к правовому регулированию данных отношений.

Таким образом, актуальность темы диссертационного исследования детерминирована необходимостью научного осмысления указанных вопросов с учетом названных аспектов с целью формирования устойчивой правоприменительной практики, повышения правовой определенности и совершенствования правового регулирования отношений, связанных с совершением опционных сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Несмотря на свою актуальность, выбранная тема не является достаточно изученной в российской науке. Так, в настоящий момент отсутствует достаточное количество научных трудов об опционных сделках с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ.

Основы понимания современных опционов были заложены еще дореволюционными учеными, такими как К. П. Победоносцев, Г. Ф. Шершеневич и др. В советский период, несмотря на существовавшие политико-правовые противоречия по отношению к таким конструкциям, как опционы, косвенно развитию данной тематики уделяли внимание следующие ученые: С. С. Алексеев, С. Н. Братусь, Р. О. Халфина и др.

В настоящее время развитию опционных сделок способствовали работы таких ученых, как В. А. Белов, В. В. Витрянский, А. Г. Карапетов, Н. В. Козлова, А. Н. Левушкин, П. А. Меньшенин, Е. А. Суханов, М. Н. Илюшина, С. Ю. Филиппова, И. С. Шиткина и др.

Некоторые особенности опционов были рассмотрены в диссертационном исследовании Г. Н. Орлова («Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие», Санкт-Петербург,

2018 г.)[4]. Применительно к опционным соглашениям в корпоративных отношениях в диссертационном исследовании К. В. Севеевой («Опционные соглашения в корпоративном праве», Москва, 2023 г.) были рассмотрены определенные аспекты правового режима опционных соглашений, связанных с переходом прав на акции (доли в уставных капиталах хозяйственных обществ), а также способы применения и функции таких соглашений в корпоративных отношениях и отношениях, из которых возникают корпоративные отношения в связи с опционными соглашениями[5].

Следует констатировать, что среди научного сообщества до сих пор не сформировалась консолидированная точка зрения о правовой природе и режиме опционных сделок, влиянии правового режима сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ на опционные сделки, способах применения опционных сделок в отдельных сделках с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ.

Целью диссертационного исследования является формирование научно обоснованного подхода к правовой природе и правовому режиму опционных сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

– определить модель опциона, характерную для обязательственных отношений;

– установить особенности законодательных моделей опциона на заключение договора и опционного договора;

– теоретически разрешить проблему определения специальных договорных конструкций, к которым относят опцион на заключение договора и опционный договор, и обосновать их место в системе гражданского права;

---

[4] См.: Орлов Г. Н. Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2018.

[5] См.: Севеева К. В. Опционные соглашения в корпоративном праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2023.

– выявить существенные условия опциона на заключение договора и опционного договора;

– определить характер прав, предоставляемых в рамках рассматриваемых моделей опциона;

– установить момент начала действия и прекращения опциона на заключение договора и опционного договора;

– установить особенности влияния правового режима сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ на опцион на заключение договора и опционный договор;

– выявить влияние корпоративных прав участников (акционеров) на опционные сделки (опцион на заключение договора и опционный договор) с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ, и предложить решение проблемы асимметрии корпоративных прав участников и прав держателя опциона в отношении доли (акций);

– определить способы применения опционных сделок в отдельных сделках с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, складывающиеся между сторонами опционных сделок с долями в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью и акциями акционерных обществ.

Предметом диссертационного исследования выступают, прежде всего, нормы российского законодательства, нормы иностранного законодательства, российская и иностранная судебная практика и прецеденты, научные исследования отечественных ученых и практиков, а также исследования зарубежных специалистов в области права по вопросам объекта диссертационного исследования.

Ограничения объекта диссертационного исследования. Под тематику опционных сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ в зависимости от научного подхода могут подпадать различные конструкции, в том числе опцион на заключение договора, опционный договор,

биржевые и иные финансовые инструменты, а также опцион эмитента, предоставляемый покупателю на основании договора о приобретении ценных бумаг. В настоящей работе анализируются опцион на заключение договора и опционный договор как конструкции, широко применяемые в сделках с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ. Это объясняется также и тем, что регулирование отношений, связанных с выпуском и передачей ценных бумаг и иных финансовых инструментов, представляет собой иную модель взаимодействия между субъектами гражданского оборота, основанную преимущественно на публично-правовом режиме ценных бумаг и иных финансовых инструментов, а также их эмиссии. В то же время опционные сделки с долями в уставных капиталах (акциями) основаны на диспозитивной сделочной модели взаимодействия, сформулированной гражданским законодательством, которая является более гибкой для участников оборота.

Следует отметить, что сами по себе опционный договор и опцион на заключение договора могут применяться в сделках с акциями публичных акционерных обществ, но в настоящее время практике неизвестны такие случаи. Такие сделки подчиняются публично-правовому режиму, направленному на защиту прав миноритарных акционеров, обеспечение раскрытия информации и иных требований. В связи с этим вопрос правового режима опционных сделок с акциями публичных корпораций требует отдельного анализа в части публичного статуса акционерных обществ, выходящей за пределы настоящего исследования, которое сосредоточено именно на взаимодействии гражданско-правового режима опционных сделок и режима сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные труды российских дореволюционных, советских и современных правоведов, а также работы иностранных ученых как по общеправовым вопросам, так и по специальным вопросам обозначенного объекта диссертационного исследования. К авторам соответствующих теоретических работ на русском языке относятся, в частности, С. С. Алексеев, В. К. Андреев, В. А. Белов, В. С. Белых,

А. Н. Беседин, С. Н. Братусь, В. В. Витрянский, Б. М. Гонгало, В. А. Дозорцев, А. В. Егоров, И. В. Ершова, М. Н. Илюшина, А. Г. Карапетов, Н. В. Козлова, О. А. Красавчиков, В. А. Лаптев, А. Н. Левушкин, М. Н. Малеина, В. П. Мозолин, К. П. Победоносцев, В. Э. Полякова, М. А. Рожкова, С. В. Сарбаш, Е. А. Суханов, Д. И. Степанов, С. Ю. Филиппова, Р. О. Халфина, Г. Ф. Шершеневич, И. С. Шиткина и др.

Среди иностранных специалистов следует выделить следующих: Х. Бил (Beale, H.), А. Л. Корбин (Corbin, A. L.), М. Дж. Козиллио (Cozzillio, M. J.), Д. О. Макинтайр (MacIntyre, D. O.), Д. О. Макговни (McGovney, D. O.), Э. Пил (Peel, E.), Дж. Пойтрас (Poitras, G.), Ф. Поллок (Pollock, Sir F.), Дж. Трейтел (Treitel, Sir G.) и др.

При проведении диссертационного исследования автором также использовались материалы научно-практических конференций, круглых столов, в том числе сборники научных статей, публикации в периодических изданиях и общедоступные материалы в сети Интернет.

Нормативную основу диссертационного исследования преимущественно составили положения российского гражданского и корпоративного законодательства, в том числе, но не ограничиваясь: ГК РФ, Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[6], Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[7].

Эмпирическая основа диссертационного исследования включает в себя обширный массив актов российских судов, в том числе Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), арбитражных судов округов и иных; акты судов иностранных государств, публикации, официальные анонсы и объявления, размещенные в сети Интернет, а также личный практический опыт автора, накопленный в процессе

---

[6] Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 1 марта 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 1. (далее – Закон об АО).

[7] Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 1 марта 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7, ст. 785. (далее – Закон об ООО).

консультирования по вопросам российского гражданского и корпоративного права, сделок слияния и поглощения, создания совместных предприятий и т. п., консультирования по отдельным вопросам английского договорного права.

Методологию и методы диссертационного исследования составляют общенаучные и специальные методы исследования.

Общенаучные методы исследования. Системный метод был использован при рассмотрении конструкций опциона на заключение договора и опционного договора в их взаимосвязи с общими положениями об обязательствах, сделках и договоре, а также при выявлении места опционных сделок в системе гражданско-правовых институтов. Кроме того, данный метод способствовал выявлению внутренней взаимосвязи и согласованности элементов опциона на заключение договора и опционного договора.

Формально-логический метод использовался для формулирования и уточнения понятий, а также для отражения внутренней логики гл. 27 ГК РФ.

Исторический метод был использован при анализе развития конструкций опционов в российской и английской правовой традиции.

Метод анализа позволил каскадировать опцион на заключение договора на соглашение о предоставлении опциона и оферту, а опционный договор – на соглашение и обязательство. При этом метод синтеза позволил раскрыть внутреннюю правовую связь между этими элементами, функционирующими как единая конструкция.

Методы дедукции и индукции использовались для получения общих теоретических выводов из анализа отдельных правоприменительных ситуаций, а также для формулирования частных сценариев применения опционных сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ.

Методы сравнения и аналогии использовались при сопоставлении моделей опционов, в том числе обязательственных моделей, модели опциона на заключение договора и опционного договора.

Логический метод использовался для построения последовательной аргументации в каждой части диссертационного исследования.

Специальные методы исследования. Формально-юридический метод применялся при толковании правовых норм и специальных положений корпоративного законодательства об опционных сделках, при оценке их толкования учеными и судами, а также при оценке пробелов и коллизий.

Сравнительно-правовой метод был использован для выявления особенностей регулирования конструкций опциона в отечественном праве, праве Англии и Уэльса, а также при оценке возможности применения подходов английской модели опциона в российской правовой системе.

Методы толкования права (в том числе грамматический, системный, телеологический) использовались для раскрытия смысла правовых норм, регулирующих опционные сделки, и выявления границ их применения.

Применение указанных методов в совокупности позволило сформулировать авторскую позицию по ключевым вопросам правовой природы, правового режима и способов применения опционных сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ.

Научная новизна диссертационного исследования находит свое отражение в выработке нового подхода к определению правовой природы конструкций опционов, связанных с передачей доли в уставном капитале (акций) хозяйственных обществ.

На защиту выносятся следующие основные **положения и выводы**:

1. Сформулирован новый подход к определению правовой природы юридической конструкции опциона на заключение договора о передаче доли в уставном капитале либо акций хозяйственного общества, в силу которого опцион на заключение договора рассматривается как соглашение, устанавливающее специальный (временный) режим действия оферты, характеризующийся ее безотзывностью и допускающий уступку права заключить договор. Право заключить в будущем договор, существующее в рамках указанного режима, содержит в себе признаки охраняемого законом материально-правового интереса. Такой подход к правовой природе позволяет отграничить опцион на заключение договора от смежных юридических конструкций (например, оферты, соглашения с

обязательством предоставить оферту и др.), а также определить предмет соглашения о предоставлении опциона и оферты.

2. Сформулирован новый подход к определению правовой природы юридической конструкции опционного договора о передаче доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества, в силу которого опционный договор рассматривается как соглашение, устанавливающее специальный (временный) режим исполнения обязательства о передаче доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества. Такой подход позволяет отграничить опционный договор от смежных юридических конструкций (например, обязательства с условием о востребовании исполнения по требованию), определить его предмет, а также обосновать природу опционной премии как платы за специальный (временный) режим (модификацию) порядка исполнения обязательства по требованию.

3. Определена структура опциона на заключение договора и опционного договора в отношении договора купли-продажи, мены или дарения доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества (юридические конструкции опциона). Юридическая конструкция опциона на заключение договора включает в себя следующие элементы (положения, условия): соглашение, предметом которого является установление специального (временного) режима действия оферты; непосредственно оферту (о заключении договора о передаче доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества, соответствующую требованиям ст. 435 ГК РФ). Юридическая конструкция опционного договора включает в себя следующие элементы (положения, условия): соглашение, предметом которого является установление специального (временного) режима исполнения обязательства; само обязательство о передаче доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества. При этом элементы (положения, условия) рассматриваемых юридических конструкций опциона должны соответствовать требованиям, установленным для них законодательством.

4. Установлено, что права, вытекающие из опциона на заключение договора (право заключить договор) и опционного договора (право потребовать совершения действия) в отношении договора купли-продажи (мены, дарения) доли в уставном

капитале (акций) хозяйственного общества, представляют собой субъективные относительные гражданские права особого рода (sui generis), сочетающие в себе признаки традиционных прав требования (например, возможность уступки права из оферты), а также «секундарных» (преобразовательных) прав (например, право на осуществление акцепта). Учитывая данный подход, предлагается квалифицировать такие права как «опционные права», подлежащие специальному частноправовому регулированию в части их возникновения и перехода.

5. Сформулирован критерий, позволяющий определить действие во времени юридических конструкций опциона, предметом которых является заключение или исполнение договора о передаче доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества. Так, юридическая конструкция опциона порождает правовые последствия с того момента, когда присутствуют все ее элементы, если иное не установлено в соглашении о предоставлении опциона или опционном договоре (принцип комплектности, принцип свободы договора). При этом для опциона на заключение договора такими элементами являются соглашение о предоставлении опциона и оферта; для опционного договора – соглашение и обязательство. Отсутствие любого из элементов влечет прекращение действия юридической конструкции опциона.

6. Доказано, что требование к форме опциона на заключение договора о передаче доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества распространяется как на каждый элемент конструкции – соглашение о предоставлении опциона и оферту (при заключении соглашения и совершении оферты не единовременно), так и на опцион на заключение договора в целом (при единовременном оформлении опциона на заключение договора – заключении соглашения и совершении оферты). Несоблюдение установленной формы влечет недействительность юридической конструкции опциона на заключение договора.

7. В целях эффективного правоприменения и устранения правовой неопределенности при использовании конструкций опциона на заключение договора и опционного договора, заключаемых в отношении доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества, обоснована их функциональная

дифференциация в зависимости от договора (с обязательством о передаче доли в уставном капитале либо акций хозяйственного общества), подлежащего заключению или исполнению:

– опционы, опосредующие заключение и исполнение договоров купли-продажи доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества, способны реализовывать регулирующую, дисциплинирующую и стимулирующую функции;

– опционы, опосредующие заключение и исполнение договоров мены, дарения и доверительного управления долей в уставном капитале (акций) хозяйственного общества, – преимущественно регулирующую функцию.

Указанная дифференциация позволяет участникам гражданского оборота осуществлять оптимальный выбор юридической конструкции при регулировании корпоративных отношений (в частности, при осуществлении сделок слияний и поглощений, реструктуризации активов, разрешении тупиковых ситуаций, привлечении инвестиций, мотивации сотрудников и др.).

Кроме того, в работе обоснован и аргументирован ряд предложений по совершенствованию действующего гражданского и корпоративного законодательства, которые изложены ниже.

1. Универсальный срок (один год) действия опциона на заключение договора является избыточным. В связи с этим предлагается добавить в качестве существенного условия опциона на заключение договора и опционного договора согласование срока их действия. В частности, изложить п. 2 ст. 429.2 ГК РФ в следующей редакции:

«В случае, когда соглашением о предоставлении опциона на заключение договора срок для акцепта безотзывной оферты не установлен, опцион на заключение договора считается несовершенным».

Дополнить также п. 1 ст. 429.3 ГК РФ абзацем вторым в следующей редакции:

«В случае, когда опционным договором не согласован срок его действия, такой договор считается незаключенным».

2. В отношении опционного договора предлагается уточнить в норме ст. 429.3 ГК РФ, что опционная премия не подлежит возвращению при

прекращении обязательства, в отношении которого заключен опционный договор. Предлагается дополнить п. 2 ст. 429.3 ГК РФ абз. 2 в следующей редакции:

«Опционная премия не подлежит возврату при прекращении обязательства, в отношении которого заключен опционный договор».

3. Природа прав, предоставляемых в рамках опциона на заключение договора, не позволяет сделать вывод о возможности их перехода способом иным, чем тот, что предусмотрен п. 7 ст. 429.2 ГК РФ (уступка). Такой подход существенно ограничивает охраняемые законом права правопреемников (например, в рамках наследования и реорганизации хозяйственного общества). В связи с этим предлагается изложить названный пункт статьи в следующей редакции:

«Право на заключение договора, предоставленное по опциону на заключение договора, может переходить к другим лицам в порядке правопреемства, если это прямо предусмотрено соглашением сторон».

4. Для устранения асимметрии между корпоративными правами (новых) участников и правами держателя опциона на долю (акции) предлагается обязать непубличные общества вести реестр сделок, по которым уже реализованы преимущественное право и (или) согласие на переход доли в уставном капитале (акций). Это обеспечит информирование потенциального приобретателя доли в уставном капитале (акций) и повысит правовую определенность. В связи с этим предлагается дополнить, во-первых, ст. 21 Закона об ООО п. 10.1 следующего содержания:

«Общество ведет реестр сделок, по которым реализовано преимущественное право участников общества и (или) самого общества на приобретение доли или ее части в уставном капитале общества, а также получено согласие участников общества и (или) самого общества на переход доли или ее части. Сведения, содержащиеся в реестре, подлежат предоставлению лицам, имеющим охраняемый законом интерес».

Во-вторых, дополнить ст. 7 Закона об АО п. 5.1 следующего содержания:

«При наличии в уставе непубличного акционерного общества положений о преимущественном праве акционеров общества и (или) самого общества на приобретение акций и (или) при наличии в уставе общества положений о необходимости получения согласия акционеров и (или) самого общества на отчуждение акций третьим лицам, общество ведет реестр сделок, по которым реализовано преимущественное право либо получено соответствующее согласие. Сведения, содержащиеся в реестре, подлежат предоставлению лицам, имеющим охраняемый законом интерес».

Предложенный механизм может стать также способом контролировать держателем опциона предмет договора, подлежащего заключению или исполнению в рамках опционной сделки.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что работа представляет собой целостное исследование российской правовой действительности в отношении опциона на заключение договора и опционного договора, в том числе в отношениях, связанных с передачей доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества. Новым для теории права в этой части является общий подход автора к опциону на заключение договора и опционному договору. Впервые названные конструкции рассматриваются в качестве специальных договорных режимов наряду с публичным договором, договором присоединения и другими конструкциями, названными в гл. 27 ГК РФ. Сформулирован новый подход к квалификации и толкованию элементов опциона на заключение договора и опционного договора, раскрыта многосоставная структура этих конструкций и обоснованы принципы их действия во времени, раскрыта природа прав, предоставляемых этими конструкциями. Особое значение имеют выводы о форме опционных сделок с долями и акциями хозяйственных обществ, устанавливающие требования к единообразию формы элементов конструкции.

Сформулированные автором положения могут служить основой для дальнейшего развития теории об опционных правах и сделках, в том числе

связанных с передачей прав на доли в уставных капиталах (акции) хозяйственных обществ.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты и сформулированные автором выводы могут быть использованы участниками гражданского оборота при заключении опционных сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ, законодательными органами власти при подготовке предложений о совершенствовании гражданского и корпоративного законодательства, а также в преподавательской деятельности при подготовке к лекциям и семинарским занятиям по гражданскому и корпоративному праву.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Степень достоверности исследования подтверждается заявленной и примененной методологией исследования, а также комплексным анализом доктрины и судебной практики, включая иностранную доктрину и судебную практику. Апробация результатов проведенного диссертационного исследования осуществлена путем обсуждения работы на кафедре предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Теоретические положения и практические рекомендации диссертационного исследования изложены в четырех научных публикациях, которые вышли в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК при Минобрнауки России), в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Разработанные диссертантом основные теоретические положения и практические рекомендации были доложены на следующих мероприятиях: XX Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения»: Конференция «Изменения корпоративного законодательства и практики его применения» (21 января 2021 г., г. Москва, МГЮА); IX Московский юридический

форум: Всероссийская конференция «Цифровизация в корпоративном праве» (15 апреля 2022 г., г. Москва, МГЮА); XXII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения»: Всероссийская конференция «Новеллы корпоративного законодательства» (24 ноября 2022 г., г. Москва, МГЮА); V Международная научно-практическая конференция «Проблемы развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях» (27 апреля 2023 г., г. Москва, ИГП РАН); VII Всероссийская научно-практическая конференция «Лаптевские чтения»: «Право и реальный сектор экономики» (25 апреля 2025 г., г. Москва, ИГП РАН).

Структура диссертационного исследования обусловлена предметом, целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, каждая из которых состоит из трех параграфов, заключение и список использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ОПЦИОНАХ

§ 1.1. Теоретические конструкции опциона в договорном праве

В наиболее абстрактном смысле под опционом можно понимать какой-то выбор возможного поведения. К примеру, в прошлом веке некоторые американские ученые рассуждали о возможности исполнять или не исполнять обязательство по договору как некий опцион (выбор), который есть у лица[8]. Это объясняется тем, что опцион как заимствованное слово часто используется иностранцами по смыслу наличия выбора, например «у меня есть опция посетить судебное заседание» или «у меня есть опции работать из дома и из офиса», а не для наименования юридической конструкции. При этом в контексте последней опцион имеет похожий смысл. Так, если действие или бездействие в отношении себя предполагает наличие свободы выбора (опции), которое не требует наличия отношения, то предоставление выбора другому лицу требует наличия определенного отношения. Конструкцией, регулирующей такое отношение, называется опцион.

Логика всех конструкций, регулирующих отношения выбора одного лица в отношении изменения правового положения другого лица, выражена следующим. Само по себе право выбрать именно момент изменения правового положения другого лица является экономическим благом, поскольку предоставляет держателю такого права ценность в виде времени для определения относительно наиболее выгодного для себя и, соответственно, невыгодного для другого лица момента для изменения его правового положения.

В этой части можно сразу выявить признаки опционного отношения. Опционное отношение можно охарактеризовать как определенное отношение двух и более лиц, в рамках которого одному лицу предоставляется право определить заранее определенные юридические последствия (возникновение, изменение,

---

[8] См.: Corbin A. L. Option Contracts // The Yale Law Journal. 1914. Vol. 23, No. 8. P. 641–642. URL: https://doi.org/10.2307/785174 (дата обращения: 14.03.2025).

прекращение самостоятельного правоотношения) для другой стороны. Такое отношение носит сложный характер и включает два взаимосвязанных уровня: во-первых, отношение, связанное с возникновением у лица права выбора (возможность определить момент изменения правового положения другой стороны); во-вторых, связанное с ним отношение, которое возникает, изменяется или прекращается при осуществлении этого права. Предмет опционного отношения связан прежде всего с самим наличием права выбора как самостоятельного экономического блага. Предоставление такого блага обычно предполагает встречное предоставление. Поскольку это право предполагает возможность его осуществления в пределах определенного периода и на согласованных условиях, то оно поддается оценке, является измеримым и ограниченным. Осуществление права выбора представляет собой действие управомоченного лица, которому закон должен придавать юридическое значение и обеспечивать наступление предусмотренных последствий средствами правовой защиты. Указанные признаки можно рассматривать как характерные для любого опционного отношения.

Существует множество конструкций, чтобы выразить отношения, обладающие характеристиками, приведенными выше. Какие-то из них связаны со сделками, другие – с биржевыми и внебиржевыми финансовыми инструментами. К примеру, только в современном российском праве среди таковых можно выделить такие законодательные конструкции, как опцион на заключение договора, опционный договор, опцион эмитента, биржевые опционы и др. Мы полагаем, что у всех этих конструкций может быть одна общая модель, являющаяся основанием для появления прочих.

Чтобы выявить первичную конструкцию опциона, можно было бы обратиться к исторической справке, однако не представляется возможным определить точную дату появления опционов. Вместе с тем мы можем предположить, что развитие опционов связано с развитием торговых отношений. Так, вероятно, в поисках инструментария для страхования своих потерь и более выгодных условий дельцы заключали соглашения, которые могли быть направлены

на получение определенных благ в будущем. Профессор Джеффри Пойтрас приводит пример из Политики[9] Аристотеля, в которой последний упоминает историю о другом мыслителе того времени – Фалесе Милетском. Рассказ о Фалесе повествует о том, что философ на основании данных, полученных с помощью астрономии, смог предвидеть богатый урожай оливок, что позволило ему законтрактовать все маслобойни, согласовав заранее цену и уплатив соответствующий задаток; а когда наступило время урожая, Фалес смог выгодно распродать права на пресс[10]. На наш взгляд, действия философа в самой своей идее больше напоминают спекулятивную торговлю, которая существенно повлияла на развитие юридических представлений о сделках и обязательствах.

Другой пример Д. Пойтраса описывает библейскую историю о договоренности Иакова и Лавана (книга Бытия, гл. 29, стихи 26–28). В этой истории Лаван предлагает Иакову возможность жениться на своей дочери в обмен на его службу в течение семи лет. Хотя сложно прокомментировать по современным меркам действительность этого соглашения, все же мы видим, что структура отношений напоминает отдаленный прообраз опционного отношения. Примечательно и то, что пример показывает риски таких отношений, потому что за семь лет службы многое могло случиться. В обоих приведенных примерах тяжело усмотреть, какие именно юридические механизмы регулировали отношения сторон, можно только предполагать их законность. При этом, вне зависимости от формы соглашений между сторонами, применительно к обоим примерам можно сделать вывод о том, что еще до нашей эры субъекты оборота использовали определенные элементы предварительных соглашений, условных сделок, сделок с отложенным исполнением и иных соглашений. Развитие этих отношений можно назвать отправной точкой в появлении опциона. Также это свидетельствует и о том,

[9] Трактат Аристотеля о государстве, содержащий начала социальной и политической философии.

[10] См.: Poitras G. The early history of option contracts // Hafner W., Zimmermann H. (eds.). Vinzenz Bronzin's Option Pricing Models: Exposition and Appraisal. New York: Springer-Verlag, 2009. P. 487–490. URL: http://doi.org/10.1007/978-3-540-85711-2_24 (дата обращения: 21.03.2025).

что институт опциона развивался в связи с договором как первичным средством регулирования общественных отношений.

Если исходить из того, что договор – это древнейшее средство регулирования общественных отношений, то у опционов может существовать договорная модель, которая является основанием для появления прочих модификаций. С помощью такой модели мы можем взглянуть на первичную логическую форму опционов. Это позволит нам противопоставить данную модель различным законодательным модификациям, в том числе тем, что называют в российской науке моделью востребования исполнения обязательства и моделью безотзывной оферты[11].

Ввиду того, что историю появления первого опциона сложно проследить, нам необходимо найти конструкцию, которая развивалась естественным путем. За поиском такой модели опциона можно обратиться к правопорядкам, в которых договорное право развивалось на основе прецедентов, поскольку именно в таких правовых системах институт договора функционирует без существенного вмешательства со стороны законодательных органов власти. В силу того, что такими правовыми системами являются бывшие колонии Великобритании (США, Австралия и др.), реципировавшие английское право в свои правопорядки, мы считаем разумным обратиться к первоисточнику – английскому праву.

В Англии опционы развивались достаточно последовательно в результате постепенного выделения их в институт договорного права на основе экономической деятельности субъектов гражданского оборота и соответствующих прецедентов, связанных с разрешением споров в этой области. Подход этого правопорядка позволяет рассмотреть конструкцию опциона в ее естественном виде, как если бы не существовало законодательных моделей опциона. Кроме того, исследуя английский подход, мы подвергаем сомнению мнение в российской науке о том, что в системах общего права существует модель опциона о безотзывной оферте[12], поскольку такой опцион имеет, скорее, обязательственную природу.

---

[11] Карапетов А. Г. Анализ некоторых вопросов заключения, исполнения и расторжения договоров в контексте реформы обязательственного права России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 12. С. 21–61.

[12] Севеева К. В. Опционные соглашения в корпоративном праве. С. 26.

Английский подход к опциону. Чтобы прийти к тому, что представляет собой конструкция опциона в английском праве, необходимо начать с того, что такое договор в представлении этой правовой системы. Так, контракт (contract), или договор, рассматривается как юридически обязывающее соглашение, которое состоит из предложения (offer) и его принятия (acceptance). Юридически обязывающий характер соглашению придают дополнительные элементы, известные как встречное предоставление (consideration) и намерение (intention). Данный подход является фундаментом английского договорного права.

Под офертой понимается выражение желания одним лицом заключить договор с другим лицом на определенных условиях, сделанное с намерением придать такому договору обязывающий характер с момента принятия его лицом, которому оно адресовано[13]. Характерной чертой английской оферты является то, что ее можно отозвать в любое время до ее акцепта. Такой подход к оферте является естественным, поскольку возможность совершить оферту – это правомочие, которому не корреспондируют никакие обязанности, поэтому до принятия предложения лицо свободно в ее отзыве, равно как и свободно в ее совершении.

Под акцептом подразумевается окончательное и безусловное выражение согласия со всеми условиями, предусмотренными офертой[14]. Предложение отличных условий от тех, что изначально сформулированы, будет являться встречной офертой, которая подразумевает отказ первоначального адресата оферты от сделанного ему предложения[15]. Акцепт оферты, как уже ранее было отмечено, формирует соглашение, которому для обязывающего характера требуется встречное предоставление и намерение. Для того чтобы соглашение было обязывающим, стороны должны быть намерены вступить в юридические отношения. Признаки наличия последнего могут быть различными. Очевидным примером будет ситуация, когда стороны подписали соглашение, в котором прямо

---

[13] Storer v Manchester City Council [1974] 1 WLR 1403. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

[14] Peel E., Treitel G. H. The Law of Contract. 15th ed. London: Sweet & Maxwell, 2020. P. 17.

[15] Hyde v Wrench [1840] EWHC Ch J90. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

выражено желание (намерение) урегулировать отношения. При этом в английском праве по общему правилу нет каких-то обязательных требований к форме соглашения, поэтому и нет списка критериев для выражения намерения.

Что касается встречного предоставления, то в рассматриваемом правопорядке отсутствует какое-то унифицированное определение. Тем не менее попытки его сформулировать время от времени предпринимаются как в практике, так и учеными. Сэр Фредерик Поллок предложил рассматривать предоставление как «действие, или воздержание от действия, или обещание такового одной стороны являются платой за обещание другой стороны»[16]. Позднее данное определение нашло отражение в решении лорда Данидина по делу Dunlop Pneumatic Tyre Co Ltd v Selfridge Ltd [1915][17]. По мнению Дж. Трейтела, определение не в достаточной степени выражает смысл предоставления[18]. К примеру, в более раннем деле Currie v Misa [1875] суд обратил внимание на то, что предоставлением может быть не только какое-то право, интерес, прибыль или в целом выгода, получаемая стороной, но и какие-то лишения, которые может претерпевать сторона, ущерб, потери и даже ответственность, принятая на себя[19]. Указанная дефиниция в большой степени основана на двух оценочных категориях: выгода (benefit) и лишения (detriment), которые, как отмечает Дж. Трейтел, также часто критикуются британскими цивилистами[20]. Отсутствие до сих пор единого определения и подхода судов может свидетельствовать о том, что английскому договорному праву это дает больше свободы при интерпретации отношений.

Иногда встречное предоставление не требуется в связи с особой формой для сделок (deed)[21]. Последней признается письменное волеизъявление лица/лиц, которое выражено посредством соблюдения определенных формальностей.

---

[16] Pollock F. Principles of Contract. 8th ed. London: Stevens & Sons Ltd., 1911. P. 175.

[17] Dunlop Pneumatic Tyre Co Ltd v Selfridge Ltd [1915] AC 847. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

[18] Peel E., Treitel G. H. The Law of Contract. 15th ed. London: Sweet & Maxwell, 2020. P. 81.

[19] Currie v Misa [1875] LR 10 Ex 153. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

[20] Peel E., Treitel G. H. The Law of Contract. P. 80.

[21] См., например: Белых В. С. Понятие и содержание договора купли-продажи в английском праве // Бизнес, менеджмент и право. 2018. № 3. С. 12–15.

К примеру, такая сделка должна быть совершена в письменной форме, и она должна подразумеваться по форме deed. Вместе с тем, на наш взгляд, рассматривать общие правила о договоре в английском праве на примере договора по форме deed некорректно, поскольку это специальное правило, изначально предусмотренное как исключение в отношении распорядительной сделки в особой форме.

Если вернуться к теме опционов, то все вышеупомянутое представляется важным, поскольку опционные отношения воспринимаются английским правом через призму договора, на основе представлений об оферте, акцепте, встречном предоставлении и намерении. В связи с этим доминирующим подходом к опциону как к конструкции, позволяющей заключить договор в будущем, является конструкция, сочетающая в себе два элемента: оферту (offer) и соглашение (contract), предметом которого выступает обязательство ее не отзывать в течение определенного периода времени. Данная модель была сформирована на основе того, что в общем праве существует презумпция отзывности оферты. При этом негативное обязательство не отзывать оферту может быть предметом обязывающего соглашения при соблюдении принципов заключения договора[22]. Такой подход английского права, в сущности, никак не влияет на оферту и не изменяет ее свойства, он просто лишает оферента возможности ссылаться на отзывный характер оферты, поскольку это будет нарушением договора[23].

Важно понимать, что английское право может не воспринимать юридические конструкции через призму строгих элементов и их отдельных особенностей регулирования, в большой степени ориентируясь на намерение и природу отношений сторон в рамках права справедливости (equity law)[24]. К примеру, это позволяет всю конструкцию опциона толковать как единый обязательственный договор, в котором держатель опциона обладает правом требовать заключить

---

[22] См.: Dickinson v Dodds [1876] 2 Ch D 463. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025); Routledge v Grant [1828] 4 Bing 653. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

[23] McGovney D. O. Irrevocable Offers // Harvard Law Review. 1914. Vol. 27, No. 7. P. 644–663. URL: https://www.jstor.org/stable/1326457 (дата обращения: 01.03.2025).

[24] См.: Walsh v Lonsdale (1882) 21 Ch D 9. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

договор в согласованный период времени. Более того, опционное право в рамках такого договора можно передать или в случае его нарушения восстановить, если это надлежащий способ защиты. В этом смысле опциону в традиции общего права придается юридический характер того, что в отечественной науке называется договорное право требования.

Опционное право в рассматриваемом правопорядке измеримо временем, то есть существует формальное ограничение срока, в течение которого отзывать оферту нельзя. Такое ограничение временем достигается с помощью вспомогательных средств, например посредством общего правила о том, что обязательства, которые имеют какой-то имущественный характер, не могут быть вечными (rule against perpetuities)[25].

Приведенный выше подход к опциону достаточно естественный, у него есть определенная система, в которой он существует, и при этом он не нарушает сложившихся позиций в науке и судах об элементах договора, которые составляют содержание опциона. При этом было бы ошибкой считать, что в Англии не существует иных мнений об опционе. Так, британский цивилист Дж. Трейтел применительно к опционам очень коротко упоминает о том, что опционы в английских судах рассматривались в контексте: 1) договора; 2) сделки, которая не является договором, но которая дает законный интерес в собственности; 3) одностороннего договора; 4) условного договора; 5) безотзывной оферты; 6) sui generis[26]. Чтобы понять логику того или иного мнения об опционах, мы рассмотрели судебные дела, в которых опционам придается приведенное значение.

Опцион как договор. В некоторых судебных решениях опцион рассматривается в качестве обязательства по существующему договору, исполнение по которому связано с уведомлением управомоченной стороной обязанную. В подтверждение этому приведем цитату судьи Уинн-Пэрри, который в одном из своих решений указал на следующее: «Насколько я понимаю этот

[25] См.: The Rule against Perpetuities as Applied to Contracts // Columbia Law Review. 1925. Vol. 25, No. 1. P. 77–83. URL: https://www.jstor.org/stable/1113497 (дата обращения: 01.03.2025).

[26] Peel E., Treitel G. H. The Law of Contract. P. 173.

отрывок (отсылка к условию договора), он сводится к тому, что между сторонами был только один договор, а именно договор, который посредством положений договора аренды заключил опцион. В этом контексте уведомление об осуществлении прав по опциону не привело бы к созданию каких-либо новых договорных отношений между сторонами, сделав их впервые продавцами и покупателями, и не создало никаких прав в дополнение к праву, предоставляемому опционом…»[27] Насколько мы понимаем, в указанном деле фигурировал опцион как условие, включенное в текст существующего договора, реализация права по которому производится с помощью уведомления (не акцепта). Такое условие представляет собой модель востребования исполнения. При этом подобные условия в рамках опционных отношений часто являются оспоримыми в связи с нарушением принципа равенства сторон договора (см., например, Unfair Contract Terms Act 1977).

Опцион как сделка, которая не является договором, но дает законный интерес в собственности. Такой подход к опционам в основном рассматривается через призму земельных отношений. Опцион в отношении покупки земли (land) является охраняемым законом интересом, который может распространяться на третьих лиц. К примеру, опцион на покупку недвижимости – это право, предоставляемое «собственником» недвижимости (freehold owner) в обмен на плату, дающее потенциальному покупателю право на покупку актива до определенной даты (подлежит регистрации как обременение (charge)). Так, в деле Re Button’s Lease [1964] рассматривались опционы на покупку арендуемого имущества, в частности составляли ли они охраняемый законом интерес в недвижимости. Важный аргумент в решении суда был связан с тем, что сам по себе опцион не является договором купли-продажи, но при этом создает охраняемый справедливым правом (equity) интерес в недвижимости[28]. Смысл такого подхода к опциону основан на том, что опцион – больше чем просто договор (который не

[27] Re Mulholland’s Will Trusts, Bryan v Westminster Bank Ltd [1949] 1 All ER 460, at 464. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

[28] Re Button’s Lease [1964] Ch 263, at 270–271. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

связан с распоряжением землей) или оферта, поскольку он будет распространяться на правопреемников собственника недвижимости и может быть принудительно исполнен в рамках справедливого права (in equity). На самом деле такой взгляд на конструкцию связан преимущественно с вопросами регулирования земельных отношений в Англии. При этом следует отметить, что регистрация опционов как обременений является эффективным решением для защиты охраняемых законных интересов держателя опциона.

Опцион как односторонний договор. Большая часть договоров в английском праве являются двусторонними, но при этом признаются и односторонние договоры. Хорошим примером односторонней сделки в учебниках по английскому договорному праву является дело Carlill v Carbolic Smoke Ball Company [1893]. Компания, стремясь доказать эффективность своего средства от гриппа, объявила о вознаграждении в 100 фунтов для каждого, кто, воспользовавшись средством, все же заболеет, и внесла 1000 фунтов на банковский счет, тем самым демонстрируя свое намерение. Узнав о предложении, девушка решила испытать средство, приобрела его, прошла курс и все же заразилась гриппом. Уверенная в правомерности своих требований, она обратилась в суд за обещанным вознаграждением, и суд признал, что предложение компании представляло собой односторонний договор – обязательство выплатить обещанную сумму в обмен на выполнение указанных условий, которые лицо добросовестно выполнило[29]. В свою очередь, примером в отношении опционов является дело Little v Courage Ltd [1995], в рамках которого указывается, что опцион на продление аренды представляет собой односторонний договор, в котором арендодатель обязуется предоставить арендатору возможность продлить аренду при выполнении определенных условий. Также в книге Д. Читти приводится пример того, как еще опционы могут быть выражены по модели одностороннего договора: «…продавец при продаже недвижимости покупателю может пообещать, что его оферта будет

[29] Carlill v Carbolic Smoke Ball Company [1893] 1 QB 256 (CA). Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

действительной в течение месяца при условии, если покупатель предпримет усилия для поиска денежных средств»[30].

Опцион как условный договор. В некоторых делах опцион в Англии рассматривался как условный договор (e. g., Helby v. Matthews [1895][31]; Beesty v. Hallwood Estates, Ltd. [1960][32]). Так, опцион может представлять собой условный договор купли-продажи – в том смысле, что он создает ситуацию, которая может привести к заключению окончательного договора, если и когда опцион будет реализован, однако он также налагает на предоставившую его сторону обязательство, которое может быть принудительно исполнено в рамках договорного права[33]. В частности, в одном из судебных споров, связанных с арендой, судья Бакли описал опцион как «оферту..., которую арендодатель был лишен права отозвать по договору, пока опцион оставался действующим»[34]. Получается, что институционально условный договор как концепция восприятия делает акцент на самом договоре, в рамках которого сторона обещает не отзывать оферту, чем на оферте, в рамках которой предоставляется право заключить договор.

Опцион как безотзывная оферта, которая становится договором. В этом контексте делается ударение на оферту, а не на соглашение, как в предыдущем случае с условным договором. Такое представление об опционе не является распространенным, но бывают судебные решения, в которых судьи пытаются охарактеризовать опцион через призму безотзывной оферты (irrevocable offer). Так, в деле, которое приводит сам Дж. Трейтел, (Re Gray [2004]) суд указал на то, что безотзывная оферта становится двусторонним договором только после ее

---

[30] Beale H. (ed.) Chitty on Contracts. 32nd ed. London: Sweet & Maxwell, 2018. [4–193]. Accessed via Westlaw UK (дата обращения: 01.03.2025).

[31] Helby v Matthews [1895] AC 471. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

[32] Beesty v Hallwood Estates Ltd [1960] 1 WLR 549. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

[33] MacIntyre D. Lease. Option to Purchase Freehold. Running of Benefit // The Cambridge Law Journal. 1964. Vol. 22, No. 1. P. 31–34. URL: http://www.jstor.org/stable/4504915 (дата обращения: 10.03.2025).

[34] Beesly v Hallwood Estates Ltd [1960]. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

надлежащего осуществления[35]. Насколько известно из материалов дела, завещание предусматривало обязанность распорядителей (завещания) предложить третьему лицу приобрести недвижимость по фиксированной цене. Завещание также устанавливало срок в один месяц, в течение которого предложение могло быть принято. Суд квалифицировал такую конструкцию как безотзывную оферту, которую распорядитель завещания не может изменить или отозвать до истечения предусмотренного срока. Следует понимать, что фактически такая конструкция строится на воле завещателя, связанной с обязыванием распорядителей завещания, поэтому к ней применяются особые правила. В определенном смысле между завещателем и распорядителем существует договор, в соответствии с которым распорядитель принимает на себя обязанность исполнить волю завещателя. Соответственно, последующее ограничение в отзыве оферты связано с этим подразумеваемым договорным обязательством.

Опцион и sui generis. В известном деле Spiro v Glencrown Properties Ltd [1991], которое посвящено опционам с недвижимостью, суд указал на то, что, с одной стороны, «опцион не является ни офертой, ни условным договором, но имеет черты и того, и другого. В этом смысле он представляет собой правовое отношение sui generis»[36]. Объясняя данную логику, суд указывает на то, что опцион не может быть безотзывной офертой, поскольку сами термины противоречат друг другу, так как «безотзывность» подразумевает наличие обязательства у оферента, тогда как оферта по своей природе не может содержать в себе такого обязательства. С другой стороны, суд указывает, что лучший способ объяснить правовое положение продавца в период времени между предоставлением опциона и его исполнением – это условный договор, но в обычном условном договоре наступление определенного условия не зависит от воли только одной из сторон договора.

---

[35] Re Gray (Deceased) [2004] EWHC 154 (Ch). Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

[36] Spiro v Glencrown Properties Ltd [1991] Ch 537. Accessed via LexisNexis UK (дата обращения: 01.03.2025).

Проанализировав различные позиции английских судов и ученых об опционе, мы можем сделать несколько выводов. Во-первых, английский опцион подпадает под признаки для всех опционов, которые мы выделили в прошлой части параграфа. Во-вторых, в английских судах нет строгого понимания того, как может быть выражен опцион, они исходят из согласованного намерения сторон наделить одну из них соответствующим правом. В-третьих, английское право в каждом случае предполагает, что опцион регулирует договорное отношение, что в любом из подходов защищает стороны способами защиты права, предусмотренными для договоров (например, damages, specific performance etc.). В-четвертых, опцион подпадает под конструкцию договора, а его содержание связано с обменом обязательств (обязательство заплатить в обмен на обязательство не отзывать оферту) или с активацией обязательства без вознаграждения. При этом в последнем случае английские суды могут усмотреть асимметрию прав сторон правоотношения и признать такое соглашение недействительным (нарушение принципа равенства сторон). Что касается обмена обязательствами, то такой договор может строиться по модели, когда происходит обмен пассивной обязанности не делать что-то на вознаграждение. Так, английское право предполагает, что опцион подразумевает пассивную обязанность воздерживаться от действия, за выполнение которого причитается вознаграждение. В таком отношении обязанность ожидания находится не в простом ожидании воли одной стороны активировать основное правоотношение, а в обязанности не препятствовать выражению права управомоченной стороной.

На основе общих признаков опционного отношения и конструкции опциона, сформированной в системе общего права, мы можем смоделировать чисто обязательственный опцион.

Модель опциона о подготовительном обязательстве. Мы полагаем, что модель опциона может также строиться на основе только обязательственных отношений. Такой подход подобен тому, который существует в английском правопорядке в части оферты и договора (соглашения) об обязательстве ее не отзывать. При этом как в роли оферты, так и в роли соглашения об обязательстве не

отзывать оферту в чисто обязательственной модели могут выступать договоры в качестве оснований моделируемых обязательств. Такой опцион может представлять собой юридическую конструкцию двух взаимосвязанных договоров, в рамках которых в течение согласованного периода времени одна сторона обязуется осуществлять определенный волевой акт (или совокупность таких актов), который связан с подготовкой к исполнению (возможных) будущих обязанностей, а другая сторона обязуется предоставить вознаграждение за принятие такого обязательства (договор о подготовительном обязательстве); и при этом модель предполагает исполнение обязательств в рамках основного договорного отношения до востребования в согласованный срок (основной договор). В дальнейшем мы будем для удобства называть данную разновидность опциона «моделью опциона о подготовительном обязательстве» и рассмотрим его конструкцию.

Смысл приведенной модели состоит в том, чтобы решить несколько технико-юридических вопросов в отношении опционов в ГК РФ. В частности, в некоторых моделях опциона оферта представляет собой способ выразить волю одной стороны на заключение договора, но при этом она является согласованным элементом (положением) в конструкции. Другими словами, предложение в такой конструкции выполняет функцию, которая придается ему искусственно. Представляется, что оферта[37] как разновидность факта (юридического факта) может быть заменена на другой (смежный) юридический факт, например заключенный договор со сроком

---

[37] Оферту можно рассматривать как особую разновидность юридического факта. Такой юридический факт является частью юридического состава, который в силу нормы права может влечь возникновение некоторых юридических последствий. В частности, связанность оферента и адресата оферты – это юридическое последствие наступившей части юридического состава. См.: Рожкова М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 63–64.

О.А. Красавчиков, выразил мнение, что оферта является частью юридического состава, который не влечет юридических последствий. При этом если признать, что оферта является юридическим фактом, то также необходимо признать существование таких юридических фактов, которые не порождают юридических последствий. См.: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве : монография. М. : Госюриздат, 1958. С. 60-66.

На наш взгляд, оферта является юридическим фактом, который может быть как связан с юридическим составом заключения договора, так и не связан (напр., опцион и др.). При этом в обоих случаях норма права связывает наступление юридических последствий, связанных с совершением оферты. По мнению автора, оферта обладает признаками гражданско-правового юридического факта и является частью юридического состава.

исполнения до востребования. В этой конструкции сложность возникает с тем, что опцион предоставляет своему держателю право, за которое необходимо заплатить, и при этом оплата должна оставаться у лица, претерпевающего неудобства в связи с ожиданием волеизъявления управомоченной стороны, если право не реализовано. Мы полагаем, что в решении этой проблемы может помочь отдельное соглашение сторон, в котором «ожидание» обменивается на встречное предоставление (например, вознаграждение).

При моделировании конструкции нам следует воспользоваться признаками, характерными для опционного отношения (см. выше). Также необходимо принимать во внимание следующую общую специфику обязательств: обязательство существует и подлежит исполнению, либо обязательство вовсе не возникло. Если обязательство существует и не подлежит исполнению, то оно может быть мнимым. Момент исполнения обязанностей может быть поставлен в зависимость от воли одной стороны, например, до востребования («условие»). Само по себе условие представляет собой описание события, при наступлении которого должник обязан осуществить действие (исполнить обязанность).

Чтобы решить задачу, связанную с моделированием, необходимо для абстракции примера искусственно трансформировать состояние сторон в период до наступления условия в обязательство. Мы считаем, что для этого нам необходима конструкция обменного договора, в соответствии с которым одна сторона принимает на себя обязанность готовиться к совершению определенных действий и (или) не совершать определенные действия в обмен на вознаграждение. В этом случае состояние сторон в период ожидания условия может составлять предмет самостоятельного отношения, в рамках которого экономическим благом является обязательство готовиться к определенному действию в будущем и (или) не совершать определенные действия. К примеру, сторона может принять на себя обязанность готовиться к исполнению основного обязательства в обмен на вознаграждение. В этом примере фигурирует отношение, в основе которого лежит обмен «ожидания» на вознаграждение. При этом существует связь такого отношения с основным договором.

Связанность отношений может быть выстроена с помощью взаимной обусловленности, к примеру, при заявлении права прекращается подготовительное обязательство и начинается исполнение (возникновение) основного обязательства. Взаимная обусловленность может быть выражена двумя основными способами установления взаимосвязи названных договоров: либо реализация действия в рамках подготовительного обязательства обуславливает возникновение прав и обязанностей по основному договору, либо оба договора существуют, но основной договор выстроен по модели до востребования. На наш взгляд, в конструкции опциона о подготовительном обязательстве как аналоге опционного договора (ст. 429.3 ГК РФ) более корректным способом для моделирования чисто обязательственных отношений будет второй способ установления связанности. Речь идет о наличии двух существующих договорных отношений, в рамках которых договор о подготовительном обязательстве является вспомогательным (дополнительным) по отношению к основному договору.

В договоре с условием до востребования (элемент конструкции опциона) не учитывается ожидание обязанной стороны как определенное благо для одной стороны и бремя для другой стороны. При этом в случаях, когда стороны знают об опционном характере отношений, «ожидание» может составлять предмет самостоятельного соглашения как вспомогательный элемент, который помогает выразить сложное отношение. Именно поэтому для нашей модели мы трансформировали состояние «ожидания» в условную модель подготовительного обязательства. Обязанность должника в рамках последнего представляется пассивной, прекращение которой связано с востребованием кредитором исполнения основного обязательства или истечением времени согласованного ожидания. Предположим, что в случае последнего подготовительное обязательство и основное договорное отношение прекращаются, а в первом случае – активируется исполнение в рамках основного договорного отношения, а подготовительное обязательство прекращается исполнением.

Вопрос о прекращении названных обязательственных отношений может выступать отдельным поводом для дискуссии. Это объясняется тем, что

существующее обязательство должно быть измеримо временем и исполнено. Что касается последнего, то стороны договора при согласии свободны в том, чтобы освободить друг друга от взаимного исполнения при наступлении определенного срока (именно о таком механизме говорит, к примеру, п. 3 ст. 425 ГК РФ, п. 3 ст. 407 ГК РФ). В моделируемой конструкции само ожидание востребования в основном обязательстве предполагает какой-то предельный срок, согласованный сторонами. Более того, договор о подготовительном обязательстве может определять срок исполнения в основном договоре, но при этом срок «ожидания» также должен быть определен (в противном случае непонятно, за что производится плата). Для удобства в нашей модели – этот срок равен сроку исполнения подготовительного обязательства, хотя он может быть и другим (измеримость каждого обязательства временем). При этом в любом случае срок подготовительного обязательства не может быть дольше срока, предусмотренного для основного обязательства. Подготовительное обязательство прекращается волеизъявлением кредитора по основному обязательству или с истечением времени. Истечение срока подготовительного обязательства не станет поводом для активации исполнения основного обязательства.

Следует отметить, что конструкция подготовительного обязательства с определенными оговорками похожа на английскую модель. Так, если применительно к соглашению с обязательством не отзывать оферту в английском праве, пассивная обязанность легко определима, поскольку у нее есть проявление в виде волевых действий должника не отзывать оферту, то применительно к конструкции подготовительного обязательства ситуация менее очевидна в части предписываемых действий и их роли при наличии условия (до востребования). Рассмотрим более подробно действия должника с пассивными обязанностями.

Действие как активное, так и пассивное можно понимать как волевой акт, направленный на исполнение обязанности[38]. В свою очередь, обязанность наряду с правом требования считается элементом обязательства, содержанием которого

[38] Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. М. : Статут, 2005 // СПС «КонсультантПлюс».

выступает действие. Проиллюстрируем связь действия, обязанности и обязательства на примере из работы С. В. Сарбаша в отношении договора купли-продажи: «Договор купли-продажи состоит как минимум из двух обязательств: обязательство по передаче объекта и обязательство по передаче денег. Исполнение каждого из них составляет в совокупности две пары действий сторон по исполнению: передача объекта продажи – его принятие; передача суммы покупной цены – ее принятие»[39]. В узком смысле право требования в данном примере связано с совершением действия по исполнению обязанности передать объект и право требования его принять, а также обязанность передать сумму покупной цены и право требования ее принять. Каждому праву требования одного лица противопоставлена обязанность другого лица совершить действие. Соответственно, идеальное (соответствующее обязанности) действие можно рассматривать как форму исполнения обязанности.

Действие, связанное с принятием исполнения, как правило, менее активное в сравнении с действием по исполнению должником, но это не означает, что так бывает всегда. Существует множество примеров, когда активные действия одной стороны единственные в обязательственном отношении. С. В. Сарбаш в качестве абстрактного примера приводит розничную куплю-продажу, разделяя действия должника на внеобязательственные, например подготовительные (выкладка, организация продажи и т. д.), и обязательственные, которые не препятствуют покупке товара. Ученый указывает, что в рамках такого договора купли-продажи получается, что единственной обязанностью должника является обязанность воздерживаться от действий, которые могут воспрепятствовать получению товара покупателем[40]. На наш взгляд, одним из наиболее ярких примеров исследователя в этой части является случай приобретения арендатором собственности на арендуемый им объект, то есть ситуация: при которой объект, подлежащий передаче, уже находится во владении арендатора и не требует передачи[41]. Все эти

[39] Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства.
[40] Сарбаш С. В. Указ. соч.
[41] Сарбаш С. В. Указ. соч.

примеры хорошо описывают логику действий в модели опциона о подготовительном обязательстве, в котором активные действия не выражены.

В подготовительном обязательстве действия должника могут быть связаны с обязанностью воздерживаться от действий, которые могут воспрепятствовать исполнению основного обязательства, в том числе включая подготовку к исполнению обязанностей из основного обязательства (к примеру, по аналогии reserved capacity – зарезервированный ресурс). В таком обязательстве должник принимает на себя обязанность дожидаться воли кредитора в течение согласованного периода времени. В этой части может возникнуть путаница между состоянием при условии (до востребования), которое также предполагает ожидание волеизъявления кредитора. Однако, на наш взгляд, обязанность ожидать волеизъявления может быть выведена за скобки основного отношения сторон, если представляет самостоятельную добавочную экономическую ценность.

Модель подготовительного обязательства объясняет то, что происходит с обязательством, если право по опциону не реализовано, и за что предоставляется оплата, которая не подлежит возврату при ненаступлении условия активации основного договора. При этом данная конструкция, несмотря на определенную стройность, демонстрирует, насколько «перегруженным» оказывается объяснение опциона исключительно на основе обязательств. Такой опцион противоречив, поскольку искусственно возводит состояние «ожидания» в обязательство при условии востребования в определенный срок, но при этом объясняет характер премии по опциону и отличие от простого договора до востребования.

В связи с изложенным, и как это будет видно далее, можно сделать вывод, что применимость в России опционов, рассматриваемых в данном параграфе, на практике ограничена, что может быть одной из причин, почему законодатель ввел ст. 429.2 ГК РФ об опционе на заключение договора и ст. 429.3 ГК РФ об опционном договоре. При этом модель опциона о подготовительном обязательстве и английская модель опциона могут быть использованы для теоретического осмысления института опционов.

В настоящем параграфе была смоделирована чисто обязательственная модель опциона, сформулированная на основе признаков, характерных для опционных отношений, а также английской модели опциона и общей теории обязательственных отношений. Так, вышеизложенное позволило нам обосновать и предложить абстрактную договорную модель опциона о подготовительном обязательстве, представляющую собой обязательственное отношение, в рамках которого одна сторона обязуется воздерживаться от определенных действий и (или) готовиться к осуществлению определенных действий в течение согласованного срока в ожидании волеизъявления другой стороны, обладающей правом инициировать исполнение основного обязательства. Модель опциона о подготовительном обязательстве и модель английского опциона обеспечивают теоретико-правовое объяснение конструкций, характерных для регулирования опционных отношений, и могут быть использованы для сравнения с отечественными моделями опциона на заключение договора и опционного договора, предметом которых является заключение и исполнение договоров о передаче доли в уставных капиталах (акций) хозяйственного общества (купля-продажа, мена, дарение и др.).

§ 1.2. Соотношение опциона на заключение договора и опционного договора

В российской истории опционы зачастую связаны с моделью отношений, которая введена и урегулирована в рамках закона. У этого есть определенные предпосылки, а также исключения.

Примером исключения можно назвать период Российской империи XIX века, когда начали появляться биржи, места, где продавцы и покупатели могли быстро заключать сделки. Среди биржевых операций существовали и так называемые сделки с премией. Этот термин встречается, например, в учебнике по торговому праву профессора Г. Ф. Шершеневича, в разделе «Биржевые сделки» он описывает особый вид срочных сделок, при которых одна из сторон за определенную плату получала право выбрать одно из нескольких предусмотренных действий или

отказаться от исполнения договора[42]. В данном случае фигурирует прообраз опциона. При этом дореволюционные срочные биржевые сделки нередко считались спекулятивными и противозаконными, но существование запрещаемого отношения только подтверждает наличествование модели отношений как естественного этапа развития института[43].

Оборотная сторона запрещения конструкции состоит в отсутствии возможности для ее развития. Данная тенденция в определенном смысле продолжилась в советский период, когда конструкции опционов в частных общественных отношениях не могли существовать. Тем не менее определенные идеи-предпосылки, близкие к опционам, так или иначе проникали через научную среду, в том числе с помощью западной литературы. Особо здесь можно выделить работу 1948 г. И. Б. Новицкого, который перевел с французского книгу «Общая теория обязательств» Евгения Годэмэ[44]. В ней впервые на русском языке была изложена концепция опциона как самостоятельного обязательства заключить договор. В каком-то смысле подтверждает нашу мысль и внушительная по своему содержанию и источникам работа 1959 г. Р. О. Халфиной, которая посвящена английскому договорному праву. Так, рассматривая отзывность оферты в английском праве, автор приводит логику буржуазных юристов, которая связана с тем, что никто не может связать себя офертой, не получив взамен никакой выгоды, за исключением ситуации, когда заключено специальное соглашение о безотзывности оферты за определенное встречное удовлетворение[45]. В работе

---

[42] Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: в 4 томах. Т. 2. Товар. Торговые сделки. М. : Юрайт, 2022. С. 437.

[43] К. П. Победоносцев отмечал, что сделки по купле-продаже акций и расписок с отсроченной поставкой запрещались и приравнивались к азартной игре, но в 1893 г. это правило было изменено на запрет сделок по покупке и продаже на срок золотой валюты и подобных ценностей, если таковые сделки совершаются исключительно с целью получения разницы между курсом валюты, условленным сторонами на какой-либо срок, и притом если способ их осуществления поставлен, при самом заключении сделки, в зависимость от усмотрения одной из сторон». См.: Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства. М. : Статут, 2002 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2025).

[44] См.: Годэмэ Е. Общая теория обязательств / Перевод с французского И. Б. Новицкого. М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 510 с.

[45] Халфина Р. О. Договор в английском гражданском праве // Академия наук СССР; Институт права им. А. Я. Вышинского. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 131.

Р. О. Халфиной, в сущности, описывается английский опцион. При этом в советский период западные капиталистические теории не могли быть полностью восприняты в науке социалистического государства, да и сама конструкция могла напоминать порицаемую в то время спекулятивную торговлю.

Уже в современной России отчетливо прослеживаются последствия долгосрочного игнорирования развития опционов сначала в Российской империи, а потом и в советский период, поэтому место моделей, развивавшихся на основе традиции, заняли конструкции, предложенные законодателем. Можно отметить, что на начальном этапе (до 2000-х гг.) опционы были сформулированы через призму биржевых и фондовых инструментов. К примеру, в одном из законов того времени опционная сделка определялась как «вид биржевой сделки, при котором происходит уступка прав на будущую передачу прав и обязанностей в отношении биржевого товара или контракта на поставку биржевого товара»[46]. Такое определение чем-то напоминает опционный договор. Несколько позднее стали появляться опционы, связанные с ценными бумагами. Нельзя в этой части не вспомнить о Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», в котором появилось понятие «опцион эмитента», фактически не претерпевшее изменений в действующем законодательстве[47]. Важно понимать, что опцион эмитента является самостоятельным объектом гражданских прав, то есть ценной бумагой, которая закрепляет право на приобретение акций компании-эмитента. Примечательно в связи с этим, что за приобретение опциона эмитента требуется заплатить, то есть плата предусмотрена за само опционное право, а также за акции при заявлении требования. В этом смысле передача опциона

[46] Закон РФ от 20 февраля 1992 г. № 2383-1 «О товарных биржах и биржевой торговле» (в ред. до 1 января 2010 г.; утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 18, ст. 961.

[47] Под опционом эмитента следует понимать эмиссионную ценную бумагу, которая закрепляет право ее владельца на покупку в предусмотренный ней срок и (или) при наступлении указанных в ней обстоятельств определенного количества акций эмитента такого опциона по указанной в опционе цене при условии, что владелец опциона решит реализовать свое право на опцион. См.: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 1 марта 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17, ст. 1918.

эмитента может считаться еще одной законодательной моделью опциона, например по модели о ценной бумаге, которую можно сравнить с другими опционами.

До введения в ГК РФ опциона на заключение договора и опционного договора использование моделей, основанием которых является договор, можно назвать эпизодическими[48]. К примеру, в некоторых судебных решениях также видно, что стороны используют опцион, основанием которого является договор[49]. В научной среде также появляются работы, в которых исследуется опцион как конструкция. В частности, П. А. Меньшенин предлагает рассматривать опционный договор как двусторонне обязывающий договор, по которому исполнение обязательства одной из сторон отсрочено, а также поставлено в зависимость от усмотрения другой стороны[50]. Н. Красников отмечает, что опционом является заключение предварительного договора, по которому держатель опциона вправе требовать заключения договора от надписателя опциона[51]. Ученый, рассматривая опционные сделки в качестве предварительного договора, приходит к следующим выводам: во-первых, такие сделки являются возмездными, двусторонне обязывающими, у одной стороны – обязанность уплатить премию за право выбора, у другой – предоставить право выбора; во-вторых, исполнение опциона поставлено в зависимость от усмотрения одной стороны[52].

Отсутствие последовательного развития института опциона становится ключевым фактором в его развитии в России. Так, когда нет частноправовой традиции, удовлетворяющей спрос общества в регулировании отношений, он компенсируется законодательными предложениями. Как результат, институт

---

[48] См., например: Мурдалов Д. Р. Сравнительный анализ опциона на заключение договора и опционного договора // Юридические исследования. 2022. № 3. С. 1–8.

[49] См., например: Постановление ФАС Московского округа от 27 января 1999 г. по делу № А40/3549-98 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Московского округа от 24.12.2008 по делу № А40-5761/08-112-23 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Московского округа от 26.07.2012 по делу № А40-115878/11-78-465 // СПС «КонсультантПлюс».

[50] Меньшенин П. А. Опционный договор // Право и экономика. 2008. № 5. С. 19–25.

[51] Красников Н. О концепции опционного соглашения как предварительного договора по российскому праву // Юрист. 2009. № 12. С. 25–30.

[52] Красников Н. Указ. соч.

российских опционов, основанных на соглашении сторон, был введен в рамках реформы гражданского законодательства.

Из истории появления опционов в ГК РФ мы знаем, что 1 июня 2015 г. вступили в силу изменения в гражданское законодательство, которыми были введены опцион на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ) и опционный договор (ст. 429.3 ГК РФ)[53]. Принятию данных положений закона предшествовала достаточно длительная история, отправной точкой которой можно считать Указ Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»[54]. В рамках своего Указа Президент РФ поручил Совету при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и Исследовательскому центру частного права при Президенте РФ до 1 июня 2009 г. разработать концепцию развития гражданского законодательства Российской Федерации, а также предложения о мерах по ее реализации. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации была одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. (далее – Концепция).

Концепция на момент своего принятия не содержала каких-либо отсылок к опционам, однако в ней можно найти определенные предпосылки для этого. К примеру, в самой Концепции есть указание на то, что работа над ней велась с помощью заимствования удачных решений, найденных в практиках иностранных государств. В связи с этим приобретают новую актуальность слова из работы В. П. Мозолина и А. Н. Беседина: «Не имевшая традиций, отечественная цивилистика длительное время вынуждена была заимствовать научные достижения

[53] Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

[54] Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 29 (ч. 1), ст. 3482.

западноевропейских стран, развиваться ускоренными темпами»[55]. И действительно, многое из того, что было предложено, является результатом заимствования из иностранных юрисдикций. При этом в конечном счете заимствованные механизмы претерпевают изменения и адаптируются применительно к российской правовой традиции.

В научном мире Концепция широко обсуждалась с момента своего опубликования. В частности, прорывной в этой дискуссии, как минимум для судьбы опционов, стала работа А. Г. Карапетова. Ученый, рассматривая общие положения обязательственного права России, предлагает свои варианты в отношении вопросов заключения, исполнения и расторжения договоров, в том числе упоминает опционный договор. По представлению А. Г. Карапетова, такой договор предполагает основной договор со всеми существенными и остальными условиями, подписанный сторонами, но по прямому указанию в нем не вступающий в силу, пока одна из сторон не заявит о реализации своего права на опцион[56]. Примечателен тот факт, что в работе ученого косвенно выделяются две модели такого договора: первая, в рамках которой у управомоченной стороны появляется право на акцепт; и вторая «с потестативным отлагательным условием в виде соответствующего заявления одной из сторон»[57], которая предполагает наделение правом требования. Важно, что А. Г. Карапетов в своей работе не предлагает закрепить все возможные конструкции опционов, а, скорее, обращает внимание читателя на необходимость закрепления какой-то одной из них.

Некоторые авторы Концепции, определяя момент возникновения дискуссии об опционах, по существу, указывают на то, что на стадии подготовки законопроекта обнаружилась необходимость предусмотреть в ГК РФ

---

[55] Мозолин В. П., Беседин А. Н. История цивилистической мысли в России // История юридических наук в России: сб. ст. / под ред. О. Е. Кутафина. М. : МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2009. С. 56.

[56] Карапетов А. Г. Анализ некоторых вопросов заключения, исполнения и расторжения договоров в контексте реформы обязательственного права России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 12. С. 21–61.

[57] Карапетов А. Г. Там же.

законодательную модель договорной конструкции опционного договора[58] как типичную для развитого имущественного договора[59]. В качестве мотива закрепления механизма А. Г. Карапетов выделяет контекст российского правопорядка, в котором принцип свободы договора не очень высоко ценится, а непоименованные конструкции существуют в зоне повышенных рисков[60]. Сложно оспорить мнение ученого, поскольку, как мы установили, практика применения опционов и аналогичных сделок игнорировалась долгий период времени. В связи с этим при конструировании механизмов, регулирующих правовые отношения, требуется привлечение опыта зарубежных правопорядков. В результате необходимость закрепления опционов предопределена не столько невозможностью структурирования отношений аналогичным образом с использованием существовавших правовых средств, сколько донесением неопределенному кругу потенциальных пользователей информации о возможностях конструкции. В результате принятых изменений в ГК РФ введены две законодательные модели конструкции опциона.

В этой части мы подошли к основной мысли настоящего параграфа диссертации: российская конструкция опциона, так же как и в английском праве, может существовать на основе обязательственных отношений сторон, но в отсутствие развитой частноправовой традиции и практики судов в России законодатель ввел модели об опционе на заключение договора и опционном договоре, которые легализовали такой тип отношений в широком смысле на уровне

---

[58] Опцион на заключение договора в первой редакции законопроекта назывался опционным договором. В. В. Витрянский, комментируя реформу гражданского законодательства, подтверждает данный довод, когда указывает на то, что «при принятии соответствующих законоположений в окончательной редакции предложенная законопроектом стройная конструкция опционного договора (опциона) была разбита на два вида договоров: соглашение о предоставлении опциона (опцион на заключение договора) и собственно опционный договор». См.: Витрянский В. В. Общие положения о договоре в условиях реформирования российского гражданского законодательства // Кодификация российского частного права – 2015 / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2015. С. 71-100.

[59] Витрянский В. В. Общие положения о договоре в условиях реформирования российского гражданского законодательства.

[60] Карапетов А. Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 49–72.

ГК РФ. Далее мы рассмотрим модель опциона на заключение договора и модель опционного договора.

Модель опциона на заключение договора. Прежде чем мы перейдем к описанию модели опциона на заключение договора, важно подчеркнуть, что в настоящем разделе выделение законодательной модели опциона на заключение договора строится в отрыве от особенностей правового режима отдельных его элементов и конструкции в целом.

Поиск отправной точки в исследовании названной модели приводит нас к ст. 429.2 ГК РФ. Так, в соответствии с п. 1 названной статьи опцион на заключение договора определяется следующим образом: «В силу соглашения о предоставлении опциона на заключение договора (опцион на заключение договора) одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных опционом». Как видно из определения выше, опцион на заключение договора представляет собой единую конструкцию, состоящую из нескольких образующих ее элементов.

Конструкция разделена в норме на соглашение о предоставлении опциона на заключение договора: «в силу соглашения о предоставлении опциона…» – и безотзывную оферту: «…посредством безотзывной оферты…». Подтверждение данного вывода можно найти также в п. 11 ст. 21 Закона об ООО, который описывает конструкцию опциона в сделках с долями в уставных капиталах хозяйственных обществ в словах: «сделка… во исполнение опциона на заключение договора может быть совершена путем отдельного нотариального удостоверения безотзывной оферты (в том числе путем нотариального удостоверения соглашения…)…». Указанное наблюдение приводит нас к тому, что функциональным назначением оферты в конструкции является предоставление права заключить договор, а соглашение о предоставлении опциона, по нашему пониманию, формулирует условия действия этой оферты и права заключить договор. Если элементарный договор, с точки зрения его заключения, выражен только офертой и акцептом, то опцион на заключение договора формально

представляет собой не только соглашение, заключаемое посредством оферты и акцепта, но и предложения (оферты) о заключении договора. Такая структура может напоминать модель английского опциона (см. выше).

Опцион на заключение договора закрепляет само право заключить один или несколько договоров не только посредством оферты, но и с помощью соглашения. Данный вывод основан на следующей логике: если конструкция опциона на заключение договора не является только офертой, но предоставляет право заключить договор, то оба его элемента необходимы для выражения опциона на заключение договора и права, предоставляемого им. Соответственно, по отдельности оферта и соглашение о ее предоставлении не выражают содержание конструкции, которая наделяет какую-либо сторону согласованным между сторонами правом заключить договор. Таким образом, при совершении опциона по смыслу ст. 429.2 ГК РФ всегда должны соблюдаться два условия: заключение соглашения и совершение оферты. Без любой из составляющих конструкция является несовершенной (по аналогии с незаключенным договором).

Центральным элементом опциона на заключение договора выступает оферта, поскольку она предоставляет право определенному лицу заключить договор. Как часть механизма роль оферты состоит в предоставлении права заключить договор одной стороне и в выражении намерения оферента считать себя заключившим договор с адресатом, которым может быть принято предложение. В этом смысле оферта по опциону ничем не отличается от любой другой оферты. При этом важно понимать, что невозможность лица отозвать оферту по опциону по тем или иным причинам не изменяет юридическую сущность предложения, которая связана с намерением оферента заключить договор в момент совершения предложения.

Базовое представление об оферте предполагает осознание лицом, делающим предложение о заключении договора, своего намерения считать себя заключившим договор с адресатом. В момент совершения оферты у лица, совершающего ее, есть намерение заключить договор, что в том числе относится к оферте в рамках опциона на заключение договора. Со временем обстоятельства могут измениться, и актуальность заключения договора пропадет, и в таком случае такое лицо может

захотеть отозвать свое предложение. В этом смысле предоставление права заключить договор посредством оферты и оферты в рамках опциона определяются одинаковыми намерениями лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор.

В теории российской юридической науки существует мнение о том, что предоставление держателю опциона его контрагентом оферты является не частью конструкции, а исполнением стороной своих обязательств по соглашению о предоставлении опциона на заключение договора. В частности, косвенно такую позицию выразил один из авторов реформы гражданского законодательства, В. В. Витрянский[61]. С таким мнением сложно согласиться, поскольку оферта – это все же составная часть конструкции, а предоставление оферты как исполнение может быть только в контексте соответствующего обязательства, в рамках которого одна сторона обещает другой предоставить оферту. В связи с этим было бы несправедливым утверждать, что такое обещание не может быть выражено сторонами в соглашении, однако само по себе оно не будет являться частью конструкции по смыслу ст. 429.2 ГК РФ.

В этой части можно задаться вопросом о судьбе конструкции опциона на заключение договора без оферты. Возьмем, к примеру, ситуацию, когда добросовестный участник оборота по соглашению предоставил плату за опцион посредством оферты. Если оферта не была совершена вместе с соглашением о предоставлении опциона, то сторона соглашения приобретает право требовать от другой стороны ее совершения только в том случае, если такое обязательство было выражено. Когда право заключить договор не предоставлено посредством оферты, то можно ли считать соглашение о ее предоставлении, подпадающим под действие ст. 429.2 ГК РФ? Весьма вероятно, что такая сделка не будет рассматриваться через призму конструкции, не являясь таковой в отсутствии одного из двух своих существенных элементов. В лучшем случае такое соглашение может быть квалифицировано с помощью ст. 421 ГК РФ («Свобода договора») как

[61] Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

непоименованный договор и (или) ст. 429 ГК РФ («Предварительный договор») при наличии определенных оговорок. Вместе с тем в тот момент, когда оферта в соответствии с соглашением будет предоставлена обязанной стороной, такая конструкция приобретает законченный вид и может рассматриваться в соответствии со статьей об опционе на заключение договора. Следуя этой логике, оферта по опциону – это часть конструкции, выражающая ее комплектность, а обмен обязательства уплатить вознаграждение за обязательство предоставить оферту можно считать иной конструкцией.

Оферта позволяет предоставить право одной стороны заключить договор с другим лицом на уровне предпосылок к правовому отношению. Право из оферты можно считать секундарным (преобразовательным) правом. Более подробно о природе прав, предоставляемых опционами, мы рассказываем в следующей главе диссертации.

Предметом оферты как в опционе, так и вне его является предложение о заключении договора. В этом смысле модель исследуемой конструкции предполагает выражение всех существенных условий такого договора в оферте или возможности их определить. В противном случае было бы невозможно понять, в отношении какого договора стороны совершают опцион.

Второй элемент конструкции опциона на заключение договора – это соглашение о предоставлении опциона на заключение договора. Так же как и в случае с офертой, отсутствие соглашения о предоставлении опциона позволяет сделать вывод о несовершенности конструкции. Таким образом, соглашение является существенным элементом конструкции.

На основании ст. 429.2 ГК РФ сложно однозначно определить, что представляет из себя соглашение о предоставлении опциона на заключение договора в отрыве от общей модели опциона. При этом, на наш взгляд, и мы это доказываем в исследовании, роль соглашения в конструкции состоит в том, чтобы

закрепить, что совершаемая конструкция является именно законодательной моделью опциона в рамках ст. 429.2 ГК РФ[62].

Тем не менее проблема соглашения о предоставлении опциона выражена тем, что его предмет сложно определить на основе нормы. Описывая данную конструкцию в ГК РФ, авторы нормы, вероятно, вдохновлялись схожей конструкцией из английского права. На контрасте с подходом из общего права в отечественном правопорядке никаких предметных обязательств (например, обязательство не отзывать оферту) соглашением о предоставлении опциона не определяется, а безотзывность оферте придается тем или иным императивом. При этом сами обязательства могут фигурировать в отношении опциона, но они прямо не будут связаны с действительностью конструкции, например, обязательства, связанные с уплатой вознаграждения могут быть предусмотрены соответствующим соглашением. Однако не является очевидным, за что предоставляется плата, например за само право из оферты, или за срок действия этого права, или за право и срок одновременно.

Мы считаем, что именно в части предмета соглашения раскрывается особенность всей законодательной модели опциона на заключение договора. Возможно, предметом можно считать предоставление оферты на определенный срок, где срок имеет определяющее значение. В таком случае плата по опциону предоставляется за срок действия оферты, но при этом не за обязательство, как это предусмотрено в английской модели, а за условие. Если воспринимать предмет в таком ракурсе, то структура модели опциона становится более логичной.

Мы подошли к завершению обзорной части модели опциона на заключение договора. Законодательная модель опциона на заключение договора существует в системе российского гражданского законодательства на основе положений ст. 429.2 ГК РФ. В этой части возникает сущностный вопрос о восприятии правовой природы конструкции, которое может влиять на весь «жизненный цикл» механизма. Так, опцион на заключение договора можно рассматривать в двух плоскостях –

[62] См.: Мурдалов Д. Р. Правовая природа опциона на заключение договора и опционного договора // Право и политика. 2025. № 10. С. 92–98.

в техническом и идеальном (обязательственном)[63]. Первое предполагает, что опцион – это механизм, являющийся технико-юридическим средством для достижения определенной цели, которое при определенной совокупности юридических фактов предоставляет возможность выразить право заключить договор (на определенных условиях). Второе, соответственно, косвенно учитывает элементы конструкции, но смотрит на идеальную сущность намерения договаривающихся сторон, которые совершают определенные действия для претворения своей воли в жизнь, то есть обязательство заключить договор. На наш взгляд, второй подход доминирует в англо-американской системе (например, в Англии), поскольку участники оборота пользуются преимуществами «общего права» (common law) и «справедливого права» (equity law), а первый – в континентальной системе (например, в России), поскольку правовое регулирование отношений преимущественно строится на основе закона.

Когда представление о конструкции опциона основано на техническом восприятии, то можно предсказать юридический эффект действия конструкции. Подобная теория предполагает, что право заключить договор вне опциона само по себе является правом, которое возникает в результате совершения оферты. Соответственно, оно не может и не должно быть предметом соглашения, поскольку возникает на уровне предпосылки для правового отношения на основе реализованного правомочия. Попытка придать этому праву с помощью вспомогательных приемов определенную оборотоспособность приводит к конструкции опциона. В таком случае с точки зрения правоприменения вся конструкция должна восприниматься через призму своих элементов, а не вопреки им. Основной акцент в таком понимании делается на элементы конструкции.

В силу того, что сочетание названных элементов не всегда само по себе является гармоничным, всю конструкцию можно воспринимать через призму намерения сторон как определенное право, возникающее на основании подразумеваемого обязательственного отношения сторон, а не из совокупности

[63] См.: Орлов Г. Н. Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие : дис. … канд. юрид. наук. С. 19.

отдельных элементов (каждый из которых обладает собственной природой). Корректность этого юридического подхода в контексте российского законодательства не представляется очевидной, поскольку текст ст. 429.2 ГК РФ закрепляет чисто технико-юридическое право, которое возникает на уровне предпосылок к правоотношению в силу определенной совокупности юридических фактов, при этом в отдельных частях, например об уступке, можно сделать вывод об обязательственном характере этого права. Формулировки нормы устроены так, что они не дают возможности утверждать, что право заключить договор возникает именно из обязательственного отношения сторон. Напротив, возникновение самого права в ст. 429.2 ГК РФ ассоциировано с волей одной стороны предоставить право заключить договор посредством оферты на согласованных сторонами условиях.

На наш взгляд, восприятие всей конструкции как соглашения, предоставляющего право из обязательства, является избыточным, и в таком случае право на заключение договора должно ассоциироваться с технико-юридическим средством, связанным с его элементами (каждый из которых обладает собственной природой). В то же время конструкция может предполагать наличествование подразумеваемого права, возникающего из договора по аналогии с подходом из английского права, но для этого должен измениться и сам механизм. Оба подхода имеют определенные достоинства, а также несут связанные с этим риски.

Разница в восприятии опциона на заключение договора существенным образом влияет на его действие и на отношения договаривающихся сторон. В этой части основной конфликт связан с конкуренцией подразумеваемого права и положениями закона (и природой элементов). Последние все же справедливо занимают доминирующую роль в отечественном правопорядке.

Чтобы изменилось восприятие права, его необходимо придать не столько толкованием на уровне вышестоящих судов, сколько законом, потому что в попытках домысливания и подразумевания определенных прав теряется юридическая сущность механизма, что может привести к неожиданному правовому эффекту. Именно поэтому в этой работе мы рассматриваем опцион на заключение договора в рамках ст. 429.2 ГК РФ как технико-юридическую конструкцию.

В ходе исследования законодательной модели опциона на заключение договора нами были определены ее элементы, которые составляют содержание конструкции, их функции, связанность и взаимодействие, а также возможные подходы к восприятию модели. Нами была выявлена проблема в отношении предмета соглашения о предоставлении опциона на заключение договора в рамках конструкции опциона. На основании вышеизложенного мы считаем, что соглашение о предоставлении опциона на заключение договора концептуально можно рассматривать как соглашение сторон, активирующее в отношении оферты специальное регулирование ст. 429.2 ГК РФ. Следовательно, соглашение о предоставлении опциона на заключение договора можно считать элементом конструкции опциона на заключение договора, которое вводит правовой режим в отношении действия оферты в гражданском обороте. В этой части свидетельством такого подхода может быть то, что опцион на заключение договора позволяет уступить право из оферты третьему лицу и (или) что нормой ст. 429.2 ГК РФ предусмотрена универсальность срока действия оферты (безотзывность). При этом само соглашение может и не определять условия вознаграждения, но у соглашения должна быть определенная роль, чтобы установить, когда оно (соглашение) и конструкция опциона согласованы. Такую роль можно отыскать в согласовании специального (временного) договорного режима действия оферты.

При восприятии соглашения о предоставлении опциона как элемента конструкции, вводящей специальный договорный режим действия оферты, существенным образом облегчается проблема, связанная с предоставлением условия в обмен на плату. Это объясняется тем, что мы в таком случае придаем специальному режиму правового средства (как совокупность положений, условий) новое свойство к выгоде одной из сторон, что может быть предметом обменной сделки, обладающим самостоятельной имущественной ценностью. Другими словами, в рамках предлагаемого нами подхода стороны в соглашении о предоставлении опциона договариваются об установлении специального договорного режима действия оферты. Волеизъявление сторон такого соглашения направлено на согласование специального режима действия оферты и его срока.

Модель опционного договора. Положения п. 1 ст. 429.3 ГК РФ описывают законодательную модель опционного договора следующим образом: «По опционному договору одна сторона на условиях, предусмотренных этим договором, вправе потребовать в установленный договором срок от другой стороны совершения предусмотренных опционным договором действий (в том числе уплатить денежные средства, передать или принять имущество), и при этом, если управомоченная сторона не заявит требование в указанный срок, опционный договор прекращается».

Если упростить вышеприведенное определение, то опционный договор позволяет потребовать совершить действия в установленный срок. Было бы несправедливо утверждать, что возможность так договориться в принципе отсутствует у субъектов имущественного оборота вне модели опциона, поскольку, используя положения о свободе договора и вспомогательные оговорки, такую цель сторон все равно можно достигнуть. Хорошим примером такого может быть ст. 314 ГК РФ, которая позволяет определить момент исполнения обязательства (или ст. 327.1 ГК РФ). При этом названная норма не предполагает типовой возможности договориться о плате за такое условие, потому что это часть обязательства, связанная с его исполнением (осуществлением прав и обязанностей).

Если мы каскадируем конструкцию опционного договора на элементы (положения, условия), то в нем фигурирует право требования одной стороны и действие другой стороны. Как известно, право требования совершения действия предполагает существование корреспондирующей обязанности, и в таком контексте описываемая ст. 429.3 ГК РФ модель представляет собой определение, которое сложно разграничить с договорным обязательством[64]. Такое обязательство могло бы встроиться в контуры модели опциона о подготовительном обязательстве, если бы предполагало наличие пассивной обязанности ожидать и готовиться к

[64] В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т. п. либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (п. 1 ст. 307 ГК РФ).

исполнению основного обязательства, но модель опционного договора отличается. Как отмечает М. Н. Илюшина, опционный договор подразумевает востребование именно активных действий[65].

Если мы исходим из разности моделей (опционного договора, договора с условием до востребования обязательства и опциона о подготовительном обязательстве) и того, что право требовать что-либо в частных отношениях не возникает вопреки обязательствам, то нам необходимо установить, о каком праве требования и действии идет речь в опционном договоре, то есть основания их упоминания в определении опционного договора в ГК РФ.

В науке по этому вопросу сформировалось мнение, что опционный договор является основанием возникновения обязательства, исполнение которого осуществляется при условии востребования. Так, А. Г. Карапетов указывает, что в силу опционного договора одна из сторон обязуется исполнять свои обязательства при условии предъявления другой стороной в пределах установленного срока соответствующего требования[66]. Похожую позицию приводит К. В. Севеева, которая отмечает, что опционный договор представляет собой уже заключенный имущественный (товарообменный) договор, в соответствии с которым управомоченной стороне предоставляется право требовать его исполнения[67]. Получается, что опционный договор предоставляет возможность договориться об обмене условия (или права требования) как элемента обязательства, и при этом опционный договор является основанием возникновения обязательства.

Существуют и другие мнения об опционном договоре. К примеру, можно выделить мнение Е. Ю. Матвеевой, которая воспринимает конструкцию как смешанный договор с последовательным возникновением и исполнением

---

[65] См.: Илюшина М. Н. Новеллы Гражданского кодекса об опционных договорах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 3–10.

[66] См.: Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. К. Байрамкулов, О. А. Беляева, А. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. Автор комментария к ст. 429.3 ГК РФ – А. Г. Карапетов. С. 439–449.

[67] Севеева К. В. Правовая природа опционных соглашений в корпоративном праве // Хозяйство и право. 2023. № 4. С. 23–41.

обязательств[68]. Более классический подход предлагает профессор В. В. Витрянский, который отмечает, что опционный договор обладает признаками обязательственного договора и абонентского договора[69]. С помощью такого описания природы опционного договора, на наш взгляд, ученый пытается объяснить два ключевых вопроса. Во-первых, каким образом прекращается опционный договор (и его элементы) и, во-вторых, почему плата за опцион остается у должника. Первый вопрос объясняется с помощью п. 3 ст. 425 ГК РФ, который предусматривает, что «законом или договором может быть предусмотрено, что окончание срока действия договора влечет прекращение обязательств сторон по договору», а второй – структурой отношений, аналогичной абонентскому договору[70].

В вышеприведенных мнениях об опционном договоре, по нашему мнению, описываемая структура отношений достаточно спорная и не может ответить на концептуальные вопросы, связанные с природой конструкции. Так, при традиционном подходе к опционному договору (А. Г. Карапетов, В. В. Витрянский, Е. Ю. Матвеева и др.) остаются открытыми следующие вопросы: за что предоставляется плата по опционному договору, как разграничить предмет опционного договора и договора, в котором есть условие, например, до востребования.

Мы полагаем, что определение в ст. 429.3 ГК РФ в какой-то степени вводит в заблуждение, не отвечая на вопросы, выделенные выше. Возможно, это одна из причин, почему и В. В. Витрянский, и А. Г. Карапетов считают это определение не вполне удачным[71]. Проблема состоит в том, что либо опционным договором,

---

[68] Матвеева Е. Ю. Специальные договорные конструкции в гражданском праве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2025. С. 76.

[69] См.: Витрянский В. В. Общие положения о договоре // Кодификация российского частного права – 2019 / Под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2019. С. 97-150.

[70] См.: Витрянский В. В. Общие положения о договоре.

[71] См.: Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2018 ; Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. К. Байрамкулов, О. А. Беляева, А. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. Автор комментария к ст. 429.3 ГК РФ – А. Г. Карапетов. С. 439–449.

помимо права требования, предусмотренного обязательством (обязательство из опционного договора), предусмотрено дополнительное право требования, либо он предполагает плату за условие о востребовании исполнения обязательства (при этом согласование платы факультативно). В первом случае обыкновенная структура обязательства, состоящая из права требования и обязанности, включает в себя дополнительное право требования, за которое по общему правилу нужно заплатить, в сущности, за уже существующее требование по основному обязательству, что создает сложность в разграничении прав требований. При этом содержательно предполагается, что обязанность должника не меняется. Во втором случае предметом опционного договора является условие о востребовании, но в таком случае появляется проблема квалификации конструкции и нарушается логика сделок, при которой условие исполнения договора (как часть обязательства) может быть обменено на вознаграждение, которое останется у обязанной стороны при невостребованной обязанности. В каждом случае опционный договор содержит какое-то противоречие, затрудняющее восприятие и квалификацию конструкции.

Объяснив проблему, связанную с природой опционного договора, мы показали, что она встроена в определение модели в части с правом требования и действием. Тем не менее данная конструкция существует в ГК РФ и используется в гражданском обороте. Мы считаем, что для практики применения нет разницы, насколько линейно правовое средство встраивается в теорию обязательств и договора. Как результат, в настоящее время опционный договор предполагает возможность договориться о начале исполнения обязательства по требованию за определенную плату, что представляет собой определенное законодательное исключение из общего правила.

Следует полагать, что даже в вышеприведенной логике о едином договоре необходимо все же договориться о двух условиях (положениях): об опционности (условии до востребования/праве требования) и об обязательстве, то есть конструкция предполагает согласование как соглашения (например, об условии до востребования/праве требования в обмен на плату) и обязательства (например, договора). Согласование двух взаимосвязанных условий (положений), обладающих

относительно самостоятельным предметом, может представлять собой конструкцию двух взаимосвязанных соглашений (опционный договор как соглашение и договор, на основании которого возникает обязательство). При этом важно также разграничить сферы действия этих элементов так, чтобы избежать несогласованности и иметь возможность идентифицировать конструкцию.

Без ущерба для вышеупомянутого и опираясь на обязательственные модели опциона и модель опциона на заключение договора полагаем, что эту задачу можно решить, если представить, что опционный договор оперирует правом требования и действием, которые прямо не связаны с опционным договором, а последний упоминает их функционально как объект, на который воздействует. В таком случае сам опционный договор можно представить как конструкцию, которая вводит специальный режим исполнения обязательств к выгоде одной стороны, который представляет собой альтернативную модель исполнения (временную) в пределах существующего обязательства.

У каждого обязательства существует определенный срок исполнения (ст. 314 ГК РФ), который, как правило, связан с элементами обязательства (право требования исполнения, право требования принять исполнение, обязанность исполнить и обязанность принять исполнение). Это содержательная часть обязательства. В зависимости от оснований возникновения обязательства законом или соглашением сторон предусмотрен определенный порядок исполнения обязательства. Это временная часть обязательства (в динамике). Временная часть (т.е. срок исполнения) устанавливается в силу закона (например, посредством соглашения или нормы права), что также можно назвать правовым режимом исполнения обязательства (например, правовой режим позволяет ответить на вопросы, когда можно потребовать исполнить, принять исполнение, когда начинается просрочка исполнения и т.д.). Любое обязательство обладает содержательной частью, а временная часть предполагает срок исполнения, который в силу правового режима (ст. 314 ГК РФ) может меняться. При этом обязательство не может существовать без любой из частей (содержательной и временной).

Стороны обязательства в определенных ст. 314 ГК РФ случаях вправе устанавливать момент исполнения («исполнить не позднее», «исполнить в течение», «исполнить в пределах периода», «до востребования», «в определенный день» и пр.) или, например, связывать исполнение с обстоятельствами, определенными в других соглашениях, и в таком случае исполнение должно происходить в пределах определенного срока, с которого у кредитора возникает возможность требовать исполнения (принять исполнение), а у должника – исполнить (принятия исполнения).

Продолжая эту логику, мы предлагаем посмотреть на опционный договор как на соглашение, которое устанавливает специальный (временный) режим исполнения обязательства, предусмотренный ст. 429.3 ГК РФ, в отношении обязательства, срок востребования которого определяется в рамках общего правового режима, установленного ст. 314 ГК РФ. В течение срока действия опциона (как соглашения) исполнение обязанной стороны становится требуемым по востребованию (если иной порядок не предусмотрен), т.е. управомоченная сторона вправе в пределах определенного опционом срока заявить требование, тем самым модифицируя исполнение в рамках заранее установленного срока исполнения обязательства (т.е. обязательства, в отношении которого заключается опционный договор). Если требование не заявлено в срок, специальный режим прекращается, и исполнение происходит в общем порядке (режиме), как если бы специальный режим не вводился, если иное не согласовано сторонами.

Такой технико-юридический прием может напоминать заключение дополнительного соглашения об изменении порядка исполнения обязательств на определенное время в обмен на плату (к примеру, в английском праве для действительности изменения договора требуется встречное предоставление (consideration), которым может выступать в том числе согласие стороны претерпеть определенные неудобства). Если мы представим договорное отношение, то стороны могут изменить его, и это станет изменением первоначальных договоренностей. Мы же предлагаем посмотреть на конструкцию через призму технико-юридического приема для обмена специального (временного) режима (к

выгоде стороны) на вознаграждение. Такой подход позволяет выделить из обязательства его темпоральную (временную) характеристику (момент исполнения), придать ему автономность в качестве «специального режима» и сделать предметом самостоятельного возмездного соглашения на основе нормы права.

Свидетельством возможности интерпретировать таким образом являются экономическая целесообразность, расширение возможностей применения конструкции, возможность определить предмет, объяснить вознаграждение и последствия прекращения опционного договора.

Экономическая целесообразность и расширение возможностей такого подхода состоят в том, что стороны могут применить опционный договор к любому обязательству (т.е. распространить действие опционного договора на отношения в прошлом, в будущем, а также в настоящем с учетом ст. 314 ГК РФ, т.е. специальный (временный) режим ограничен только общим режимом исполнения, установленным ст. 314 ГК РФ). Опционный договор связан с правом требовать исполнения определенных действий в рамках обязательства. В норме в скобках поясняется, что к таковым относятся в том числе: уплата денежных средств, передача или принятие имущества, но не ограничиваются основания и момент возникновения обязательств для исполнения этих действий. Что касается предмета опционного договора, то категория обмениваемого «специального (временного) режима» вводится как абстракция (технико-юридический прием), позволяющая выделить критерий того, что определенное соглашение является опционным договором (т.е. согласование в качестве предмета того, что к отношениям применяются правила, предусмотренные для опционного договора). Так, стороны при согласовании невыгодного для одной из сторон специального режима исполнения обязательства могут в силу закона (как исключение) предусмотреть вознаграждение за согласие обязанной стороны претерпеть временные неудобства. В таком контексте также становится понятным, почему плата за опцион остается у обязанной стороны как претерпевающей согласованные неудобства специального режима (ожидания). Наконец, прекращение опционного договора приводит только

к окончанию специального режима исполнения обязательства, если иное не было согласовано сторонами, при этом обязательство продолжает действовать в рамках общего режима исполнения, если не было согласовано иное (т.е. опционный договор воздействует на обязательство, но сам по себе не вводит новое обязательство и не прекращает его). В этом смысле стороны свободны в установлении таких условий отношения, которые при прекращении опционного договора невостребованием права прекращают и основной договор.

Рассмотрим на примерах, как может применяться опционный договор в приведенном контексте. В качестве первого примера возьмем наиболее распространенный сценарий использования опционного договора, в соответствии с которым у держателя опциона есть право потребовать исполнение от обязанной стороны, что влечет и исполнение управомоченной стороны, то есть взаимные обменные обязательства сторон. Допустим, стороны заключают договор купли-продажи акций, согласно которому продавец обязуется передать 10 акций за 1000 рублей, а покупатель обязуется их оплатить, и при этом срок исполнения обязательств определяется опционным договором (в силу ст. 314 ГК РФ), а прекращение обязательств определяется в силу п. 3 ст. 425 ГК РФ, к примеру, если в установленный договором срок для его действия обязательство не было востребовано. Одновременно с этим договором (например, оформленным как единый документ) стороны заключают опционный договор, устанавливающий режим исполнения этих обязательств на срок 6 месяцев (такой срок одновременно является специальным в силу опциона и общим в силу отсылки в договоре), в рамках которого покупатель получает право определить момент исполнения, а продавец получает опционную премию 100 рублей за согласие установления такого режима исполнения обязательств. В предложенной ситуации право требования и совершение действия находятся в плоскости одного и того же обязательственного отношения, добавляется только режим исполнения (аналогичный общему, т.к. изначально момент исполнения основного договора связан с условиями, определенными опционом). Таким образом, обязательства по передаче акций и их оплате существуют с момента заключения договора купли-продажи, но их

исполнение в течение 6 месяцев происходит в специальном режиме, согласованном сторонами дополнительно (т.е. обмениваемым активом в рамках обязательства, о котором можно договориться и который имеет имущественную ценность, является порядок исполнения). Так, если покупатель не предъявит требование в течение 6 месяцев, специальный режим прекращается, и договор прекращается (в силу п. 3 ст. 425 ГК РФ). Разность подходов с классическим состоит в том, что в авторском – стороны могут самостоятельно выбрать последствия прекращения опционного договора и обязательства.

В качестве второго примера рассмотрим ситуацию, в которой опционный договор модифицирует исполнение длящейся обязанности в корпоративном договоре. Предположим, что между тремя участниками общества (А, Б и В) заключен корпоративный договор, которым предусмотрено, что по истечении 10 лет (отсрочка исполнения – п. 1 ст. 314 ГК РФ) с даты его заключения участник В получает право требовать от участников А и Б голосовать «за» кандидата в генеральные директора, предложенного В. Одновременно стороны заключают опционный договор, устанавливающий специальный режим исполнения данного обязательства, например, в течение срока действия опциона участник В вправе потребовать от А и Б голосовать за кандидатуру В ранее наступления указанного десятилетнего предела. Если требование в пределах срока опциона не заявлено, действует общий порядок корпоративного договора, например, до истечения 10 лет обязанность А и Б голосовать за кандидатуру В не может быть востребована, а после истечения указанного срока – может быть востребована. Прекращение опциона прекращает лишь специальный режим исполнения, не затрагивая существование самой обязанности и ее исполнение по общему порядку.

В качестве последнего примера возьмем обстоятельства, при которых в рамках договора одна сторона исполнила свои обязательства, а исполнение обязательств другой стороны поставлено в зависимость от требования стороны по опционному договору. Предположим, что по договору купли-продажи акций произведено исполнение передачи ценных бумаг, исполнение покупателя предполагается через определенный промежуток времени, например через один

год. Стороны также согласовали опционный договор, который предполагает установление специального режима исполнения обязанности по передаче денег, например в более короткий срок по требованию продавца, при этом опционная премия составляет процент от покупной стоимости акций пропорционально времени истребования, например 12 процентов при истребовании сразу после передачи акций или 1 процент, если истребование происходит на 11-й месяц (в сущности – уменьшение покупной цены). В таком случае, если опционный договор прекращается, обязательство по основному договору продолжает действовать, оно по логике отношений должно исполняться так, как если бы опционный договор никогда не был заключен.

В приведенных примерах мы постарались показать, что опционный договор предполагает какой-то актив (благо, которым располагают стороны в рамках существующего отношения), о котором стороны могут договориться на всех уровнях конструкции. Если активом является условие до востребования, то мы не можем разграничить опционный договор и договор с условием до востребования, но таких проблем не возникает, если происходит обмен «режима исполнения» на вознаграждение. Если активом является дополнительное право требования, то это нарушает обыкновенную логику обязательств (два права требования в рамках одной обязанности). Вдобавок каждый из этих подходов требует, чтобы опционный договор предусматривал «особое» обязательство, срок исполнения которого по каким-то причинам не учитывает ст. 314 ГК РФ, но при этом согласуется в рамках положения опционного договора в обмен на плату, что, на наш взгляд, противоречиво и сужает сферу применения конструкции. В авторском понимании природы опционного договора, активом является управление моментом исполнения в рамках периода, который предусмотрен обязательством, и изменение которого (например, исполнение в более ранний срок по требованию) может составлять имущественную ценность в зависимости от договоренностей сторон.

Предложенный подход к природе опционного договора функционально не отличается от традиционного подхода, но встраивается в систему действующего гражданского законодательства в качестве исключения более гармонично. Так,

была обоснована возможность интерпретировать модель опционного договора как конструкцию, устанавливающую специальный режим исполнения обязательств, при котором опционная премия является платой за согласие на модификацию общего режима исполнения[72]. Такой подход представляет собой альтернативный взгляд и позволяет по-новому осмыслить правовую природу опционного договора как специального (временного) режима.

§ 1.3. Правовые режимы и конструкции опционов

Еще в эпоху античных философов считалось, что человек от природы стремится к знанию[73]. При этом для получения нового знания нужны определенные вспомогательные инструменты. Юридическая наука далеко продвинулась в этом смысле и разработала методологический и терминологический арсенал для исследования любых общественных отношений. В результате многие современные правовые механизмы пытаются объяснить с помощью вспомогательных научных категорий. Правоведы подобно представителям естественных наук стараются выразить сложное на основе уже известных значений. Вместе с тем названные значения в праве не всегда имеют строгие очертания, поэтому подвергаются всяческим изменениям и интерпретациям.

Опцион на заключение договора и опционный договор в ГК РФ не стали исключением при их толковании. Их часто пытаются объяснить с помощью производных от устоявшегося термина «юридическая конструкция», например как договорные конструкции[74], специальные договорные конструкции[75], опционные

---

[72] См.: Мурдалов Д. Р. Правовая природа опциона на заключение договора и опционного договора // Право и политика. 2025. № 10. С. 92–98.

[73] Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М. : Мысль, 1976. С. 65.

[74] См.: Мурдалов Д. Р. Соотношение соглашений о приобретении опциона эмитента и о предоставлении опциона на заключение договора купли-продажи акций // Юрист. 2023. № 2. С. 45–48.

[75] См.: Левушкин А. Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 19–26.

договорные конструкции[76] и др. На наш взгляд, такой подход не является принципиально некорректным, а приведенные термины имеют какое-то отношение к описываемому ими правовому институту, что свидетельствует о реализации эвристической функции в контексте науки. Тем не менее иногда мультипликация производной терминологии оказывается спорной практикой, размывающей значение устоявшихся научных категорий и правовых институтов и в итоге вводящей в заблуждение относительно описываемого правового явления. Чтобы избежать подобного, в этом параграфе предпринимается попытка исследовать релевантный категориальный аппарат для опционов (ст. 429.2 и 429.3 ГК РФ).

Юридические конструкции. Термин «юридическая конструкция» не находит своего отражения в законодательстве и существует исключительно в научной плоскости. В обыденном представлении слово «конструкция» ассоциируется с определенной совокупностью составляющих ее частей, которые в своем взаимодействии решают определенную задачу. В толковых словарях также данное слово интерпретируется как состав и взаимное расположение частей какого-нибудь механизма, а также сам механизм[77]. В этом смысле приставка «юридическая» акцентирует внимание на характере принадлежности конструкции к правовой категории.

В науке термин «юридическая конструкция» трактуется в зависимости от направленности научного исследования. Существует достаточно большое количество работ[78], в которых такие конструкции рассматриваются через

---

[76] См.: Козлова К. Я. Опцион на заключение договора как драйвер развития инновационной деятельности: проблемы судебно-арбитражной практики // Вестник арбитражной практики. 2024. № 6. С. 52–58; Семякин М. Н. Опционные договорные конструкции в системе правового обеспечения предпринимательской деятельности: юридическая природа // Юрист. 2022. № 10. С. 23–32.

[77] *Конструкция*, -и, ж. 1. Состав и взаимное расположение частей какого-н. построения, сооружения, механизма, а также само такое построение, сооружение, машина с таким устройством. К. моста. Железобетонная к. 2. В грамматике: синтаксически связанное сочетание слов, словесное построение. См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2006. Слово: «конструкция».

[78] См., например: Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 2. С. 12–19; Баранов В. М., Мареев Ю. Л. Юридические конструкции: сценарий компьютерного урока // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 725–736; Пономарев Д. Е. Юридические

определенную призму. К примеру, В. В. Чевычелов предлагает определять юридические конструкции как «средство правотворческой техники, заключающееся в моделировании, определенном логическом построении нормативного материала, одновременно выступающее методом познания и толкования норм прав»[79]. Похожий подход предлагает А. В. Малько, который видит в юридических конструкциях «в широком смысле правовые явления, имеющие определенную структуру, а в узком смысле – средство правотворческой техники, заключающееся в моделировании»[80]. С. С. Алексеев, рассматривая юридические конструкции, исходит из более теоретизированного подхода и приходит к выводу о том, что «они представляют собой модели комплексов норм, соответствующих типу или виду правоотношений, юридических фактов и связи их между собой»[81]. Большинство ученых, разрабатывавших данную тематику, небезосновательно ссылаются на работу А. Ф. Черданцева, в которой предлагается рассмотреть юридические конструкции в качестве модели урегулированных правом общественных отношений или отдельных элементов, служащая методом познания права и общественных отношений, урегулированных им[82]. Такой подход основан в большей степени на том, что юридическая конструкция – это метод познания и юридическая техника[83].

конструкции: становление понятия в отечественном правоведении // Российский юридический журнал. 2004. № 4. С. 46–53; Пономарев Д. Е. Генезис и структура юридических конструкций: подходы к пониманию // Академический юридический журнал. 2005. № 2. С. 4–8; Чевычелов В. В. Юридическая конструкция: проблемы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 180 с.

[79] Чевычелов В. В. Юридическая конструкция: проблемы теории и практики : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 7–8.

[80] Малько А. В., Костенко М. А. Юридические конструкции как средство правотворческой политики // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 461–464. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-konstruktsii-kak-sredstvo-pravotvorcheskoy-politiki (дата обращения: 06.05.2025).

[81] Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. М. : Статут, 2010. С. 31–32.

[82] Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма, ИНФРА-М, 2012. С. 228.

[83] А. Ф. Черданцев выделил многообразие аспектов понимания юридической конструкции как: 1) метода познания права, 2) юридической техники, 3) средства толкования норм права и установления значимых фактов. См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. С. 253.

Несмотря на многообразие взглядов по данному вопросу, в конечном счете они сходятся в том, что юридическая конструкция является методологическим приемом анализа структурной формы организации правового материала. В таком смысле юридическая конструкция может одинаково описывать как норму и правовой режим через призму юридической техники, так и юридические факты, правоотношения и прочие юридические явления. К примеру, к юридическим конструкциям в том числе, но не ограничиваясь, можно отнести правовую конструкцию договора, сделки, обязательства, договора купли-продажи и др. Это позволяет сделать вывод, что термин «юридическая конструкция» является универсальным и методологически общим для юридической науки и указывает на способ познания и анализа. Это также означает применимость данного термина к опциону на заключение договора и опционному договору, когда рассматривается их логико-языковая форма.

Отраслевые и институциональные конструкции. Следует полагать, что развитие в научной среде теории о юридических конструкциях постепенно трансформировало данный термин по признаку отрасли права, упрощая его универсальную методологическую часть[84]. Такой подход вряд ли можно назвать в большинстве случаев удачным. К примеру, применительно к гражданскому праву С. С. Алексеев определяет юридические конструкции как «особые соединения гражданских субъективных прав и обязанностей той или иной разновидности, оснований их возникновения, гарантий, мер защиты, других санкций и элементов, обеспечивающих необходимое и рациональное регулирование данной разновидности отношений, входящих в предмет гражданского права, и достижение фактической реализации прав и обязанностей»[85]. Известный ученый не пытается ввести в оборот термин гражданско-правовых конструкций, вероятно, поскольку

---

[84] См., например: Ярош А. В. Гражданско-правовая конструкция договора на криоконсервацию и хранение эмбриона // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 108–119; Хаванова И. А. Метавселенная: проблема адаптации налогово-правовых конструкций // Журнал российского права. 2024. № 7. С. 78–93.

[85] Алексеев С. С. // Гражданское право: учебник / С. С. Алексеев, Б. М. Гонгало, Д. В. Мурзин [и др.] ; под общ. ред. чл.-корр. РАН С. С. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, Екатеринбург : Институт частного права, 2009. С. 52.

в этом, во-первых, отсутствует какая-либо необходимость, во-вторых, это смешивает методологию. При этом Сергей Сергеевич в своем определении придает отраслевой характер юридическим конструкциям в изначально заданной гражданско-правовой повестке (в учебнике по гражданскому праву).

Использование юридических конструкций с отраслевой приставкой едва ли можно назвать какой-то ошибкой. При этом с формальной точки зрения в этом усматривается в некоторых случаях избыточность, поскольку термин «юридическая конструкция» относим к универсальной абстракции формы, структуры и логики правовых явлений независимо от отрасли. Вдобавок придание конструкции отраслевого юридического характера может ввести в заблуждение, поскольку отрасль – это способ систематизации нормативного материала, а конструкция – это отсылка к логической форме, инструменту систематизации, а не отраслевой принадлежности. Получается, что смешиваются методологические уровни отрасли и общенаучной юридической категории. В этом смысле подход, использованный С. С. Алексеевым, на наш взгляд, более точно соблюдает паритет методологических приемов.

Придание отраслевого характера юридическим конструкциям, вероятно, можно назвать одним из стимулов для появления в науке институциональной приставки к термину «юридическая конструкция» или «конструкция»[86]. Подобно проблематике, выделенной нами для отраслевой приставки, существует методологическое смешение института и категории. Тем не менее институциональная приставка может восприниматься как синонимичное выражение определенного института. В качестве примера возьмем «договорные конструкции», под которыми следует понимать нечто, относящееся к договору, но выраженное через конструкцию. При этом юридическая конструкция договора, на наш взгляд, это абстрактная логико-правовая форма договора, которая включает в себя все многообразие правовых средств, необходимых для «жизненного цикла»

[86] Ахмедов А. Я. К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 22–25; Полякова В. Э. Краудфандинг: понятие, правовое регулирование и договорные конструкции // СПС «КонсультантПлюс», 2025.

договора. Отличие здесь может состоять в том, что в первом случае не очевидно, о чем идет речь, о конструкции, составе, институте или форме. Чаще всего речь идет об определенной модели, то есть фактически словосочетание «договорная конструкция» используется в значении термина «юридической конструкции договора» (обратим внимание: когда «договорная конструкция» и «юридическая конструкция договора» – разные термины, то они созвучны до степени смешения). Восприятие меняется с последующей институализацией данной категории.

Описываемую нами проблему и ее распространение можно наглядно показать на примере введенного В. В. Витрянским термина «специальные договорные конструкции»[87], который представляет собой институциональное объединение таких юридических конструкций, как публичный договор (ст. 426 ГК РФ), договор присоединения (ст. 428 ГК РФ), предварительный договор (ст. 429 ГК РФ), рамочный договор (ст. 429.1 ГК РФ), опцион на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ), абонентский договор (ст. 429.4 ГК РФ) и договор в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ)[88]. Ученый, в сущности, разделяет договоры на специальные договорные конструкции и все остальные договоры, которые таковыми не являются, их, вероятно, от обратного также можно назвать просто договорными конструкциями, примеры которых можно найти во второй части ГК РФ. На наш взгляд, представляется спорным противопоставление конструкций договора, которые связаны с отдельными видами обязательств, конструкциям договора, которые не связаны с отдельными видами обязательств. Критерий для такого противопоставления конструкций остается неочевидным.

---

[87] В. В. Витрянский определяет специальную договорную конструкцию как самостоятельную гражданско-правовую категорию, которая подлежит применению практически к любым типам (видам) договорных обязательств и обладает необходимым характерным набором признаков. См.: Витрянский В. В. Некоторые аспекты учения о гражданско-правовом договоре в условиях реформирования гражданского законодательства // Проблемы развития частного права: сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / С. С. Алексеев, А. В. Асосков, В. Ю. Бузанов [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. М. : Статут, 2011. С. 288–337.

[88] См.: Витрянский В. В. Некоторые аспекты учения о гражданско-правовом договоре в условиях реформирования гражданского законодательства; Витрянский В. В. Общие положения о договоре в условиях реформирования российского гражданского законодательства.

Через какое-то время стали появляться работы ученых, которые либо критикуют, либо развивают предложенную Василием Владимировичем категорию. С одной стороны, продолжая терминологию известного цивилиста, В. А. Хохлов определяет специальные договорные конструкции как «предусмотренные законом юридические приемы и средства, которые, не являясь самостоятельными договорами, могут применяться к различным соглашениям, изменяя баланс прав и обязанностей по сравнению с базовой договорной моделью, устанавливая преимущества для одной из сторон или определяя особый порядок заключения и исполнения договора»[89]. С другой стороны, М. Н. Малеина уже использует термин «договорные конструкции» в контексте «специальных договорных конструкций» как соглашение в форме отдельного документа или включенное в другой договор, предназначенное для обслуживания основного договора, порождающее правовые последствия, которые в виде правил применяются к разным по природе основным гражданским договорам[90]. Отметим, что А.Г. Карапетов также называет специальные договорные конструкции (например, опционный договор) «договорной конструкцией»[91]. С точки зрения терминологии получается, что договорная конструкция и специальная договорная конструкция разными учеными используется с одним смыслом, что и является, на наш взгляд, последствием той самой проблемы смешения методологических приемов.

С критикой специальных договорных конструкций по В. В. Витрянскому выступает М. К. Сулейменов, который тоже задается вопросами в отношении нового термина (категории) и его места в науке. При этом ученый все же находит специальным договорным конструкциям место в видах договоров, которые

---

[89] Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах : учебное пособие. М. : Статут, 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[90] Малеина М. Н. Договорные конструкции: понятие, классификации, место в гражданском законодательстве // Гражданское право. 2021. № 3. С. 9–12.

[91] Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. К. Байрамкулов, О. А. Беляева, А. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. Автор комментария к ст. 429.3 ГК РФ – А. Г. Карапетов. С. 439–449.

расположены в иной плоскости, чем основные договоры[92]. Хотя мы не считаем удачным термин «специальная договорная конструкция», но мнение М. К. Сулейменова достаточно корректно объясняет мысль о том, что их можно рассматривать в качестве вида договора (в широком смысле). В таком случае, если представить, что специальная договорная конструкция – это разновидность договора, то он подпадает под единую юридическую конструкцию договора. Следовательно, использование термина «специальная договорная конструкция» может противоречить общей логике.

Важным этапом в развитии рассматриваемой тематики стало научное исследование Е. Ю. Матвеевой («Специальные договорные конструкции в гражданском праве России», 2025), в которой развиваются тезисы В. В. Витрянского на уровне докторской диссертации, а специальная договорная конструкция рассматривается как «институт гражданского права, используя который стороны основных договоров в силу закона или своим волеизъявлением устанавливают порядок заключения и (или) исполнения основных договоров различной целевой направленности», при этом основной договор трактуется как «гражданско-правовой договор, который либо конструируется специальной договорной конструкцией в его существенных будущих условиях, либо модифицируется при включении в его состав условий специальной договорной конструкции»[93]. Если кратко подытожить подход ученой, то она возводит специальные договорные конструкции в институциональную категорию, указывая на то, что их отличает инструментальная роль по отношению к основному договору, а также императивно-диспозитивный и универсальный характер применения[94]. На наш взгляд, указанные признаки сложно назвать отличительным, поскольку они свойственны и другим гражданско-правовым институтам. Однако ключевая коллизия состоит в том, что основной договор в подходе Е. Ю. Матвеевой – это

---

[92] Сулейменов М. К. Специальные договорные конструкции (общие договоры) и их место в системе права. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32801264 (дата обращения: 19.04.2025).

[93] Матвеева Е. Ю. Специальные договорные конструкции в гражданском праве России : дис. ... д-ра юрид. наук. С. 17.

[94] Матвеева Е. Ю. Указ. соч. С. 35.

договорная конструкция. При этом в этом подходе не рассматривается ситуация, при которой специальная договорная конструкция совершается в отношении другой специальной договорной конструкции. В таком случае специальная договорная конструкция выступает основным договором, если руководствоваться приведенной терминологией. Если абстрагироваться от названного смешения, то возникает вопрос, к какой категории относится договор как юридическая конструкция (и (или) взаимосвязанные договоры, оферта и пр.).

На наш взгляд, в отношении специальных договорных конструкций как категории существует несколько экзистенциальных вызовов, которые не могут быть решены с помощью объединения разнородных конструкций в единую институциональную категорию договорных конструкций посредством выделения общих для многих гражданско-правовых конструкций признаков. Во-первых, между терминами «юридическая конструкция договора», «договорная конструкция» и «специальная договорная конструкция» отсутствует четкое разграничение. Эту проблему также заметил С. А. Горбачев[95]. Во-вторых, между самими специальными договорными конструкциями отсутствует какая-либо институциональная связанность как между конструкциями.

Следует подчеркнуть, что выявленная терминологическая проблема не имеет прямых последствий для правоприменения, поскольку она затрагивает уровень догматической систематизации гражданского права. Вместе с тем автор усматривает, что смешение категорий «конструкция» в определенном аспекте приводит к методологической размытости базовых понятий, что затрудняет разработку единых подходов в доктрине, усложняет восприятие юридических категорий в науке и на практике.

Опционная договорная конструкция. Опционная договорная конструкция[96] является продолжением категоризации, предложенной

---

[95] См.: Горбачев С. А. О специальных договорных конструкциях и их месте в системе гражданско-правовых договоров // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3. С. 107–114.

[96] См., например: Орлов Г. Н. Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие : дис. … канд. юрид. наук;

В. В. Витрянским. Введение в научный оборот данного термина стало закономерным следствием описываемого подхода. К примеру, в своем диссертационном исследовании Г. Н. Орлов, объединив две конструкции общим понятием, ограничивается только определением договорных конструкций, под которыми он понимает «определенные договорные условия, формирующие единый вид отношений сторон, обладающих совокупностью общих для данного вида договорных отношений признаков и общих правил правового регулирования»[97]. При этом введение категории опционных договорных конструкций обосновывается ученым попыткой избежать смешения с прочими видами договора. Аналогичную позицию воспроизводит и К. Я. Козлова[98]. На наш взгляд, такой подход в какой-то степени напоминает подход М. К. Сулейменова, поскольку придает опционным договорным конструкциям особый характер. В этом контексте получается, что опционная договорная конструкция – это видовая группа специальных договорных конструкций, которая является разновидностью «других видов договора» (видов договора, находящихся в иной плоскости, по мнению М. К. Сулейменова), что снова усложняет восприятие данной категории.

Мы понимаем, что в большинстве случаев ученые пытаются объяснить достаточно сложные явления. Хотя мы и не считаем ошибкой употребление синонимичных слов, но очевидно, что в отношении опционов и других конструкций, закрепленных в гл. 27 ГК РФ, ситуация выходит за рамки научной логико-языковой интерпретации, поскольку по цепочке появляются новые термины, в которых трудно разбираться ввиду отсутствия содержательности.

Критика содержания специальных договорных конструкций. По мере изложения результатов своего исследования мы критикуем специальные договорные конструкции в связи с терминологически спорным названием. Но, помимо данной проблемы, существуют диверсифицированные представления о содержании самой категории. Более того, у самих ученых, разрабатывающих эту

Козлова К. Я. Опцион на заключение договора как драйвер развития инновационной деятельности: проблемы судебно-арбитражной практики.

[97] Орлов Г. Н. Указ. соч. С. 12.

[98] См.: Козлова К. Я. Указ. соч.

тематику, возникают трудности с ее описанием и систематизацией. Кратко опишем разнообразие мнений о том, что входит в специальные договорные конструкции.

Для наглядности демонстрации нашей мысли в первую очередь необходимо привести мнение Е. Ю. Матвеевой о том, что категория «специальные договорные конструкции» включает в себя следующее: предварительный договор, опцион на заключение договора, договор в пользу третьего лица, договор присоединения, публичный договор, рамочный договор, опционный договор, абонентский договор, государственный контракт[99]. Мнение ученой следует считать отправной точкой, поскольку оно включает в себя наибольшее количество конструкций. Таким образом, все последующие мнения сравниваются с ним. М. К. Сулейменов не рассматривает государственный контракт среди специальных договорных конструкций[100]. В. В. Витрянский, будучи автором концепта выделения специальных договорных конструкций, не выделяет среди специальных договорных конструкций опционный договор и государственный контракт[101]. Аналогичную позицию занимает Т. С. Гудовских, только взамен опционного договора она не видит в качестве специальной договорной конструкции опцион на заключение договора[102]. В. И. Татаренко к специальным договорным конструкциям не относит предварительный договор, рамочный договор, а также опцион на заключение договора[103].

Чтобы долго не останавливаться в настоящем исследовании на полемике с названными учеными по каждой конструкции, отметим, что пять приведенных исследователей, которые рассматривали состав категории специальных договорных конструкций, не могут прийти к общему мнению о ее содержании. На наш взгляд, первопричиной этому является неоднозначная «объяснительная сила» термина.

---

[99] Матвеева Е. Ю. Указ. соч. С. 35.

[100] См.: Сулейменов М. К. Специальные договорные конструкции (общие договоры) и их место в системе права. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32801264 (дата обращения: 19.04.2025).

[101] См.: Витрянский В. В. Общие положения о договоре в условиях реформирования российского гражданского законодательства.

[102] Матвеева Е. Ю. Указ. соч. С. 31.

[103] Там же. С. 31.

К примеру, сам В. В. Витрянский до выделения специальных договорных конструкций использовал термин «типовые договорные конструкции». Мы полагаем, что ученый изменил название по причине того, что к «типовым договорным конструкциям» можно отнести любую обязательственную конструкцию (отдельные виды обязательств). При этом содержательно проблема противопоставления типовым обязательственным конструкциям конструкции договора не изменилась. Более того, к специальным договорным конструкциям можно отнести любую комбинацию конструкций договора (например, любые два взаимообусловленных договора).

Выделяемая категория специальных договорных конструкций, на наш взгляд, дискуссионная, поскольку называет различные правовые конструкции и режимы новой категорией. Так, публичный договор, договор присоединения, рамочный договор, абонентский договор и договор в пользу третьего лица – это юридические конструкции, не претендующие на какую-либо самостоятельную «договорную конструкцию», поскольку они существуют в рамках конструкции договора, его элементов и режима. Определенным свидетельством этому является тезис С. А. Горбачева о том, что в нормах о перечисленных договорах не сформулирована сама модель отношений, как это сделано в отношении отдельных видов договоров[104]. Что касается предварительного договора, то мы согласны с позицией П. А. Меньшенина, который рассматривает его как вид гражданско-правовых обязательств и специальный режим[105]. Опционный договор, по нашему заключению, также представляет собой правовой режим, который устанавливает специальные правила исполнения обязательства. Опцион на заключение договора также вписывается в контуры специального договорного режима действия оферты.

Важно подчеркнуть, что отнесение того или иного явления к правовому режиму не отменяет возможности рассматривать его как конструкцию. При этом применение специального режима не изменяет договор как конструкцию и не

---

[104] См.: Горбачев С. А. О специальных договорных конструкциях и их месте в системе гражданско-правовых договоров. С. 111.

[105] См.: Меньшенин П. А. Предварительный договор в российском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 28–30.

предает ей специальность, которую можно противопоставить юридической конструкции договора. В данном случае изменяется только правовое регулирование отношений, связанных с заключением, исполнением и прекращением договора.

Специальные договорные режимы. Несмотря на определенную терминологическую проблематику, необходимо понимать предпосылки для введения категории специальных договорных конструкций. Причиной для обобщения в специальную категорию названных конструкций стала их общая отличность как от известной и хорошо изученной модели договора, так и друг от друга. Сам В. В. Витрянский объясняет, что объединяющим фактором для специальных договорных конструкций служат два признака: «первый – это применение правил о той или иной конструкции при совпадении набора признаков с описанными в законодательной модели; второй – применимость к почти любому виду договора»[106]. В этом смысле то, что ученый выделяет как применение правил о конструкции, при совпадении определенных признаков подпадает под юридическую квалификацию любого правового средства, которую вряд ли можно назвать отличительной чертой. Более того, к примеру, характер конструкций опциона на заключение договора и опционного договора говорит о диспозитивности правового режима, применяемого к известным юридическим конструкциям. Что же касается применимости таких конструкций для большинства видов договоров, то с этим признаком сложно поспорить, но под него также подпадает большинство конструкций. Что действительно отличает разнородную совокупность правовых конструкций, так это установление разных специальных режимов в отношении договора и его элементов, возможность их сочетания и взаимодействия в рамках одного договорного отношения.

Мы полагаем, основываясь на мнении М. Н. Илюшиной, что существует правовой режим для всех сделок, но могут существовать также и специальные правовые режимы сделок. К примеру, известная ученая в своей докторской

[106] См.: Витрянский В. В. Некоторые аспекты учения о гражданско-правовом договоре в условиях реформирования гражданского законодательства.

диссертации к таковым относит публичный договор[107]. Если взять за основу существование общего режима для сделок, то ему можно противопоставить специальный. Аналогичную логику мы применили и к режимам договора.

На основе изложенного можно заключить следующее: то, что называется специальной договорной конструкцией, относится не столько к конструкции, сколько к режиму действия элементов и конструкции договора. Более того, мы не видим каких-либо новых юридических конструкций договора. В каждом случае стороны существуют в парадигме обыкновенного договорного отношения, к которому применяются определенные специальные правила, установленные законом. На наш взгляд, рассматриваемые гл. 27 ГК РФ конструкции устанавливают различные специальные правовые режимы, в том числе в части правового регулирования договорных отношений в зависимости от юридической квалификации отношений сторон. Более того, на наш взгляд, «объяснительная сила» термина «специальных договорных режимов» выше «специальных договорных конструкций».

Правовой режим и конструкция (модель) договора различаются по своей природе на категориальном уровне. Последняя может использоваться субъектами оборота, выступая в качестве абстрактной формы договора, воспроизводимой по усмотрению сторон. В свою очередь, «правовой режим»[108] – это установленный нормой и (или) соглашением[109] сторон специальный порядок регулирования частноправовой сферы общественных отношений. Все названные юридические конструкции относятся к договору, на который распространяются при

---

[107] См.: Илюшина М. Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : дис. … д-ра юрид. наук. 12.00.03. М., 2012. С. 89–90.

[108] С. С. Алексеев определяет правовой режим как порядок регулирования, который выражен в многообразном комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений и запретов (а также позитивных обязываний) и создающих особую направленность регулирования. См.: Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 6: Восхождение к праву. М. : Статут, 2010. С. 264.

[109] Правовой режим договора может быть установлен правовыми нормами, содержащимися в нормативных правовых актах или правовых обычаях, а также ненормативными правовыми положениями, содержащимися в правовых актах, в том числе в договорах. См.: Казанцев М. Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования : автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03. Екатеринбург, 2008. С. 18.

определенных условиях заданные нормой правила, таким образом, то, что объединяется в специальные договорные конструкции, можно называть специальными режимами договора. В пользу наших суждений о том, что конструкции гл. 27 ГК РФ представляют собой специальные договорные режимы, указывает также их способность к комбинированному и диспозитивному (для некоторых из них) применению в рамках одного договора. К примеру, можно легко представить комбинацию правовых режимов из публичного договора, договора присоединения и абонентского договора, применяемых к одному договору (юридической конструкции договора)[110]. Другой пример: конструкцию опциона на заключение договора можно представить как конструкцию, в отношении которой не применяются правила, предусмотренные ст. 429.2 ГК РФ.

На наш взгляд, правовая конструкция договора представляет собой модель отношений, урегулированных согласованным действием правовых средств, выраженных элементами, среди них: субъекты, субъективная сторона, форма, содержание, предмет, заключение и прочее. Эти элементы в российской системе определены и (или) подразумеваются нормой. При этом специальный договорный режим, изменяя типовой правовой режим, установленный нормой, действует как внешне надстраиваемое регулирование, которое модифицирует действие одного или нескольких названных элементов в силу закона, но не разрушает конструкцию в целом. Конструкция существует неизменно, меняются только режимы.

Среди достоинств данного термина и категории можно выделить: связанность применения режима и договора (конструкции); отсутствие возникновения новых юридических конструкций договора; указание на изменение первичного режима регулирования договора. Считаем, что ключевая причина введения термина «специальные договорные режимы» – это решение проблемы, связанной со смешением уровней анализа конструкции и режима, а также введение категории, способной объяснить специальность каждой конструкции по

---

[110] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2024 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности статей 426, 428 и 438 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Гилевской» // СПС «КонсультантПлюс».

отдельности и в сочетании. Вдобавок сохраняется первичная логика того, что любая разновидность соглашения сторон, направленная на установление, изменение и прекращение отношений, подпадает под конструкцию договора, при этом ее правовой режим может изменяться в определенной части в силу закона.

Проведенное разграничение «юридической конструкции договора», «специальной договорной конструкции» и «правового режима» имеет прикладное значение для настоящего исследования[111]. Отказ от трактовки опциона в качестве «специальной договорной конструкции» позволяет рассматривать опционы через призму общей юридической конструкции договора, сосредотачивая внимание на содержании предоставляемого опционом права, особенностях правового режима элементов опциона.

---

[111] С.С. Алексеев определяет правовой режим как целостный комплекс правовых средств в соответствии с его способами правового регулирования (особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений и запретов) и призванными достигнуть благоприятного, социально полезного результата. С.С. Алексеевым выделяет режим исключения, который представляет собой изъятие из общего порядка. При этом, как справедливо отмечает ученый, исключения не могут предполагаться, они всегда должны быть точно указаны в нормативных актах. На наш взгляд, это объясняет необходимость специального законодательного закрепления опционов в ст. 429.2-429.3 ГК РФ. Именно таким режимом-исключением можно назвать опционы: опцион на заключение договора устанавливает исключение из общего правила об отзывности и уступки прав из оферты, а опционный договор – исключение из общего порядка исполнения обязательств.

С.С. Алексеев подчеркивает технико-юридическую природу некоторых режимов, рассматривая их как технико-юридические приемы, а не самостоятельные правовые конструкции. Это принципиально важно для разграничения понятий: если конструкция договора остается неизменной моделью правоотношений, то режим выступает приемом ее регулирования, создавая климат, настрой в регулировании. См.: Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 6: Восхождение к праву. М. : Статут, 2010. С. 263-267.

Опционы не создают новую конструкцию договора, а лишь устанавливают особый климат для действия оферты (права заключить договор) или исполнения обязательства.

По мнению автора кандидатской диссертации, правовой режим (совокупность дозволений и запретов), устанавливаемый диспозитивными нормами закона на основе соглашения в отношении самостоятельных правовых средств (например, оферты, обязательства) к выгоде одной из сторон, может составлять самостоятельный предмет соглашения (как технико-юридический прием, например, для соглашения о предоставлении опциона – введение режима оферты, а для опционного договора – введение режима исполнения обязательства), обмениваемый на встречное удовлетворение (например, опционную премию).

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА И ОПЦИОННОГО ДОГОВОРА

§ 2.1. Существенные условия опциона на заключение договора и опционного договора

В предыдущей главе настоящего исследования была смоделирована обязательственная конструкция опциона на основе анализа английской модели опциона (горизонтальные модели). Это позволило заложить теоретическую основу для дальнейшего сопоставления «горизонтальных» моделей с конструкциями, закрепленными в ГК РФ в ходе реформы гражданского законодательства (вертикальные модели), в частности опционом на заключение договора и опционным договором.

В настоящем параграфе диссертационного исследования предметом анализа выступают существенные условия, необходимые для легитимации опциона на заключение договора и опционного договора.

Опцион на заключение договора. В ГК РФ ст. 429.2 посвящена правовому регулированию отношений, связанных с совершением опциона на заключение договора, которую мы рассматривали как модель в соответствующем разделе настоящей работы. Данная статья состоит из восьми пунктов. Первый пункт относится к самой модели и ее определению. Второй пункт относится к сроку действия конструкции (универсальный срок – один год); третий – к вознаграждению, также называемому опционной премией; четвертый – к предмету основного договора; пятый и шестой – к форме опциона на заключение договора и форме его выражения в иных соглашениях; седьмой – к возможности уступки, а восьмой – к возможности законодательной имплементации отдельных видов опционов.

В части модели опциона на заключение договора мы подробно разобрали ее структуру и установили, что конструкция состоит из двух относительно самостоятельных элементов: соглашения и оферты, которые связаны единой целью

предоставления права заключить договор на определенный срок. Указанные элементы представляют собой также два юридических факта и существенных условия выражения опциона на заключение договора, без которых он не может быть совершен. При этом важно понимать, что каждый из элементов должен быть совершен в соответствии с требованиями гражданского законодательства, предусмотренного для такого правового явления (оферты и соглашения). Получается, что существенными условиями выражения многосоставной конструкции являются ее легально совершенные элементы (по аналогии с существенными условиями договора). К примеру, для конструкций, в которых одним из элементов является соглашение, должны быть соблюдены все необходимые условия для его заключения, в том числе согласование предмета и иных существенных условий, соблюдение формы и другие требования.

Оферта в опционе на заключение договора является существенным элементом опциона, при этом она практически ничем не отличается от любой другой оферты. Так, совершение оферты является юридическим фактом[112], который свидетельствует о выражении воли лица на заключение договора. Напомним, что под офертой понимается адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определено и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение (п. 1 ст. 435 ГК РФ). В случае со ст. 435 ГК РФ лицо, которое хочет сделать предложение о заключении договора, должно соблюсти определенные правила, устанавливаемые гражданским законодательством.

К таким правилам на основании определения оферты относится, во-первых, совершение предложения с определенным предметом того, о чем предлагается договориться. В этой части п. 4 ст. 429.2 ГК РФ закрепляет, что опцион на заключение договора должен содержать условия, позволяющие определить предмет договора, подлежащего заключению. Во-вторых, в оферте должен быть

---

[112] Представляется спорным квалифицировать оферту как одностороннюю сделку. См., например: Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Заключение договора // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5. С. 60–104.

определен адресат – тот, кому предлагается заключить договор. В-третьих, предложение должно выражать намерение лица считать себя заключившим договор с адресатом. Намерение – это определенный комплекс технико-юридических действий оферента, направленный на придание юридической силы волеизъявлению (например, возможность определить дату, лицо, совершающее оферту, доведения до сведения адресата и прочее). В контексте опциона на заключение договора в части намерения можно рекомендовать совершение оферты с целью заключить договор именно в рамках опциона на заключение договора, поскольку при разделении оферты с соглашением во времени может быть неочевидно, относится ли предложение к конструкции ст. 429.2 или ст. 435 ГК РФ.

Обратим внимание, что между офертами в рамках опциона и в ст. 435 ГК РФ существуют незначительные концептуальные расхождения. Так, оферта в ст. 435 ГК РФ является следствием намерения одного лица, а оферта в ст. 429.2 ГК РФ является следствием выражения намерения одного лица, которое согласовано сторонами опциона. Эта характеристика относится также и к случаям, когда сначала была сделана оферта, а впоследствии было заключено соглашение о предоставлении опциона. Важным является, что во всех случаях за офертой закрепляется волевой характер, поскольку как в ст. 435 ГК РФ, так и в ст. 429.2 ГК РФ она совершается только одним лицом. При этом оферта, совершенная вне согласованных условий соглашения, не приводит к общей конструкции, а оставляет такое предложение в контексте ст. 435 ГК РФ. Другими словами, любое предложение может быть офертой, но не каждое из них способно быть офертой в рамках конструкции опциона, поскольку для этого требуется согласование воли двух сторон.

Продолжая тематику согласования волеизъявления, не вызывает сомнений, что адресат оферты не всегда может знать о том, что ему поступит какое-то предложение о вступлении в договорное отношение, когда как в конструкции опциона такого просто быть не может. Стороны при совершении конструкции опциона на заключение договора всегда знают об оферте, какой она может быть и о чем, на какой срок ее предоставляют, какие могут быть условия для реализации

права заключить договор и т. д. В одном случае оферта – это обыкновенное предложение о чем-то договориться, а в другом – оферта является вспомогательным элементом конструкции, действительность которой поставлена в зависимость от совершения оферты на согласованных условиях.

В ст. 429.2 ГК РФ оферта упоминается в сочетании с дескриптивным прилагательным «безотзывная», что не может не подталкивать на сопоставление такой характеристики оферты с безотзывностью, о которой упоминается в ст. 436 ГК РФ («Безотзывность оферты»). К примеру, мы знаем, что модель российской оферты с самой первой редакции ГК РФ предполагает определенную степень безотзывности. Общее правило ст. 436 ГК РФ закрепляет, что полученная адресатом оферта не может быть отозвана в течение срока, установленного для ее акцепта, если иное не оговорено в самой оферте либо не вытекает из существа предложения или обстановки, в которой оно было сделано. Следовательно, срок, с момента которого оферта получена адресатом, до момента, установленного для ее акцепта, называется периодом безотзывности. В норме об опционе не поясняется, связана ли безотзывная оферта со ст. 436 ГК РФ, но при этом очевидно, что в обоих случаях оферту отозвать нельзя.

В этой части может оставаться вопрос о том, насколько соотносятся термины «безотзывная оферта» в ст. 429.2 ГК РФ и «безотзывность оферты», описанная в ст. 436 ГК РФ. На наш взгляд, указанные термины описывают одинаковую характеристику, связанную с тем, что оферту нельзя отозвать. Дело в том, что ст. 436 ГК РФ определяет характеристику для оферты (нельзя отозвать оферту), но прямо не устанавливает основания, которые являются причиной такой безотзывности. Как правило, лицо, совершающее оферту, всегда само определяет срок для акцепта, и в силу этого оно становится связанным своим предложением до истечения этого срока, что и называется безотзывностью. Если сторона не определит срок для акцепта, то такую оферту можно отозвать, и в таком случае оферта – отзывная (абз. 3 п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 49). Тем не менее безотзывность также может устанавливаться в силу закона (т.е. на основаниях, определенным законом, а не на основании срока, который определен оферентом).

На наш взгляд, оферта в опционе всегда безотзывная, что предполагает невозможность ее отозвать, но основание такой безотзывности определяется (устанавливается) ст. 429.2 ГК РФ.

В теории существует три основания, по которым такая безотзывность может быть установлена. Первое: офертой определяется срок для акцепта. В таком случае сильно нарушается баланс интересов сторон в конструкции опциона, поскольку стороны могут договориться об одном, а оферта будет предоставлена на иной срок. Хотя это и не самый удачный аргумент, поскольку предоставление оферты на согласованных условиях зависит от воли одной стороны, но он может быть приведен в контексте сравнения различных вариантов того, в каком элементе должен устанавливаться срок, в течение которого может быть совершен акцепт. Например, в ситуации, когда соглашение о предоставлении опциона выражает предложение, то каких-либо существенных противоречий этому нет, потому что конструкция будет рассматриваться во взаимодействии своих элементов. Второе, более логичное основание, когда срок для реализации права заключить договор формулируется соглашением о предоставлении опциона. В таком случае становится очевидно, что плата или иное встречное предоставление противопоставляется сроку действия опциона, то есть имеется прямая корреляция между сроком действия условий предоставления права и «стоимостью» этого срока. Третьим вариантом следует считать основание, предусмотренное ГК РФ в части универсального срока на случай, если стороны по какой-то причине самостоятельно не определят, каким сроком обладает держатель опциона для реализации своего права.

Из названных возможных вариантов того, чем определяется безотзывность оферты, существует всего два основных подхода, которые могли быть предусмотрены. Либо законодатель наделил только одну сторону правом выбирать срок для акцепта в опционе, либо безотзывность устанавливается ст. 429.2 ГК РФ, т.е. стороны своим соглашением определяют срок, в течение которого возможен акцепт. Так, когда в опционе на заключение договора срок определен офертой, то только одна сторона формально выбирает, каким он будет. В ситуации, при которой

срок для акцепта сформулирован соглашением сторон, отсутствует односторонний волевой характер определения оферентом срока, в течение которого другая сторона может совершить акцепт. Аналогичная логика уместна и в ситуации с универсальным сроком для акцепта.

Применительно к безотзывности, установленной в силу закона, существует норма, которая больше подходит оферте в рамках опциона, поскольку предусматривает определенные исключения. Это п. 1 ст. 441 ГК РФ об оферте, не определяющей срок для акцепта, согласно которому «когда в письменной оферте не определен срок для акцепта, договор считается заключенным, если акцепт получен лицом, направившим оферту, до окончания срока, установленного законом или иными правовыми актами…». Так, в нашем случае такой срок установлен ГК РФ в п. 2 ст. 429.2: «…в случае, когда опционом на заключение договора срок для акцепта безотзывной оферты не установлен, этот срок считается равным одному году, если иное не вытекает из существа договора или обычаев». Если расширительно рассматривать установление соглашением срока для акцепта оферты как предусмотренной законом возможности на основании ст. 429.2 ГК РФ, то оферту в опционе также можно толковать через призму п. 1 ст. 441 ГК РФ как оферту, которая не устанавливает срок для акцепта. Если согласиться с таким подходом, то оферта в опционе всегда не предусматривает срок для акцепта, потому что такой срок устанавливается в силу закона соглашением сторон.

Если углубиться в тему того, в каком элементе опциона логически должно содержаться условие о сроке, в течение которого оферта не может быть отозвана; то, на наш взгляд, наиболее правильным ответом будет соглашение о предоставлении опциона. Любая конструкция опциона представляет ценность только в контексте того времени, которое есть у управомоченной стороны для принятия решения. Если само право заключить договор возникает из оферты, то срок, в течение которого это право сохраняется, составляет часть предмета соглашения о предоставлении опциона. К примеру, такая логика подразумевается в английском опционе. Именно этот срок является тем, за что противоположная сторона готова заплатить опционную премию, а другая готова взять на себя риски,

связанные с возложением на себя бремени претерпевания неопределенности. Мы полагаем, что приводимая логика сопровождается двумя дополнительными аргументами. Во-первых, своим соглашением стороны могут изменить срок действия опциона (режим действия оферты), потому что воля из двусторонней сделки лиц может выражать условия существования оферты, при этом воля из оферты не может распространяться на соглашение сторон. Во-вторых, в отсутствие определенного сторонами срока действия опциона применяется универсальный срок (один год), но опцион отличается от оферты именно согласованной волей, определенной соглашением, что свидетельствует о связанности срока и соглашения. Все это указывает на то, что срок действия опциона должен определяться соглашением сторон.

Без ущерба для упомянутого выше под опционом на заключение договора следует понимать совокупность взаимосвязанных элементов, что позволяет при системном толковании определять такой срок с помощью оферты. Однако мы все же отметим, что в таком случае могут возникнуть вопросы о соотношении срока, установленного ГК РФ, и срока, определенного в оферте, а также срока, определенного соглашением об опционе, и срока, определенного в оферте. Следует полагать, что все же наиболее юридически точным будет подход, при котором срок установлен соглашением сторон, поскольку определение срока в оферте может вызывать неоднозначные последствия, связанные с моментом начала и окончания права заключить договор на условиях опциона. На основании этого можно сделать вывод, что безотзывная оферта по смыслу конструкции ст. 429.2 ГК РФ предполагает, что ее нельзя отозвать в течение срока, установленного соглашением или ГК РФ, а не в силу срока, предусмотренного офертой для акцепта.

На основании приведенной логики можно сделать осторожный вывод о том, что оферта в опционе на заключение договора является безотзывной в силу, установленного законом срока для акцепта (срока, установленного соглашением) для оферты, не определяющей срок для акцепта. Возвращаясь к первоначальному контексту сравнения оферты в соответствии со ст. 435 ГК РФ и ст. 429.2 ГК РФ,

подчеркнем, что основания для безотзывного характера рассматриваемых оферт также является различием.

Подводя промежуточный итог последним нескольким абзацам, отметим, что главными выводами этой части является следующее: во-первых, предоставление права заключить договор офертой в ст. 435 ГК РФ и опционом определяется одинаковыми намерениями лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор (т.е. в обоих случаях оферент хочет заключить договор, а не «обменивает» оферту на «деньги», при этом в отдельных случаях обязательство предоставить оферту может быть обменено на обязательство уплатить деньги). Во-вторых, безотзывный характер оферте в опционе придается соглашением, которое устанавливает специальный (временный) режим ее действия, устанавливающий безотзывность оферты в период своего действия (в силу установленного законом основания для безотзывности). Следовательно, срок действия опциона должен определяться соглашением о предоставлении опциона.

Когда мы характеризовали опцион на заключение договора, были отмечены некоторые проблемы, связанные с соглашением о предоставлении опциона в законодательной модели российского опциона. Также мы сделали вывод о том, что опцион на заключение договора следует рассматривать через призму введения соглашением о предоставлении опциона специального (временного) режима в отношении оферты как технико-юридический прием. По мере изложения в настоящей главе особенностей правового регулирования отношений, связанных с опционом на заключение договора, причины такого подхода будут приобретать больший смысл, чем любое иное представление о природе конструкции.

Соглашение о предоставлении опциона на заключение договора является еще одним существенным условием выражения конструкции опциона на заключение договора. Любое соглашение сторон в качестве своего существенного условия имеет предмет и иные существенные условия, определенные законом или сторонами. При этом в этой части важно обратить внимание, что законодатель выделяет соглашение о предоставлении опциона именно в качестве соглашения. В российской доктрине критерием отграничения договора от соглашения является

возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей[113]. Так, договор всегда предполагает возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а соглашение не всегда. Применительно к опциону на заключение договора у этого есть определенный смысл.

Если основываться на п. 1 ст. 429.2 ГК РФ, право заключить договор отнесено к сфере действия оферты, но в таком случае не очевидно, что относится к предмету соглашения о предоставлении опциона на заключение договора. В этом смысле сложно определить на основании ст. 429.2 ГК РФ, что представляет из себя соглашение о предоставлении опциона на заключение договора[114]. На наш взгляд, эта сделка в российском праве находится в большинстве случаев в плоскости исключений из общего правила по нескольким следующим причинам.

Предметом этого соглашения технически не может быть само право заключить договор, потому что оно выступает частью конструкции опциона, за который отвечает другой элемент (оферта). По аналогичной причине некорректно утверждать, что соглашение устанавливает обязательство предоставить оферту, поскольку последняя является частью самой конструкции. Вдобавок в самой норме ст. 429.2 ГК РФ не упоминаются какие-либо обязательства в части предоставления права. При этом ст. 429.2 ГК РФ закрепляет, как заключается опцион на заключение договора, используя формулировку «в силу соглашения о предоставлении опциона… посредством… оферты…».

Установив, что соглашение о предоставлении опциона не предполагает наличие каких-либо предметных обязательств, связанных с предоставлением права заключить договор, мы приходим к мысли о том, что оно может являться организационным соглашением, в рамках которого предметом выступает организация отношений. Мнение об организационной природе соглашения о предоставлении опциона на заключение договора не является новым и уже

---

[113] См.: Подузова Е. Б. Квалификация соглашений в предпринимательской деятельности: проблемы и противоречия // Гражданское право. 2017. № 1. С. 26–29.

[114] См.: Мурдалов Д. Р. Правовая природа опциона на заключение договора и опционного договора // Право и политика. 2025. № 10. С. 92–98.

высказывалось в науке[115]. При этом остается вопрос о том, какие именно отношения «организует» данное соглашение, и вероятным ответом будет не организация будущих отношений по основному договору, а организация отношений, связанных с офертой и правом заключить договор.

Было бы неправильным утверждать, что соглашение о предоставлении опциона не содержит каких-либо обязательств, ведь, помимо организации действия оферты, ст. 429.2 ГК РФ упоминает о том, что «опцион… предоставляется за плату…», если стороны не определят иначе. Предполагается, что именно соглашением предусмотрена плата (условие) в обмен на какое-то благо. Вместе с тем в отечественном договорном праве обязательность такого условия для заключения договора отсутствует, что находит свое отражение и в диспозитивности установления соглашением вознаграждения за предоставление опциона. Тем не менее можно отметить, что организационная природа данного соглашения дополняется имущественным характером[116]. Однако придание определенного характера соглашению не отвечает на вопрос, за что предусмотрена плата. В этой части основное противоречие соглашения о предоставлении опциона состоит в том, что оно формально не имеет того, на что обменивается плата. К примеру, когда мы определяли английскую модель опциона, мы констатировали, что в ней используются обязательства в отношении соглашения о предоставлении опциона (договор о том, чтобы не отзывать оферту), то есть предметом такого договора является обмен обязательства не отзывать оферту и (или) предоставить в течение определенного времени длящееся право заключить договор на опционную премию.

В теории можно представить, что предметом соглашения является условие о сроке, обмениваемое на вознаграждение по опциону в рамках законодательного исключения, но такая гипотеза кажется сомнительной, в том числе потому, что нормой предусмотрен универсальный срок (один год) действия опциона при отсутствии согласованного решения о нем. Срок представляется лишь одним

---

[115] Севеева К. В. Опционные соглашения в корпоративном праве : дис. … канд. юрид. наук. С. 39–40.

[116] Севеева К. В. Указ. соч. С. 39–40.

из организационных условий, которые стороны могут согласовать в рамках соглашения.

Отсутствие определенного обязательственного предмета соглашения о предоставлении опциона в сочетании с п. 2 ст. 429.2 ГК РФ, который закрепляет, что в случае, когда опционом на заключение договора срок для акцепта безотзывной оферты не установлен, этот срок считается равным одному году, может приводить к абсурдным правовым ситуациям, особенно если учитывать, что действие конструкции не существует вопреки сложившемуся правовому регулированию.

Представим ситуацию, при которой стороны ведут переговоры, и в какой-то момент один из переговаривающихся направляет другому оферту о заключении договора купли-продажи акций. Адресат (второй переговаривающийся) сообщает, что условия оферты ему не подходят, и обещает предоставить свое финальное предложение. В свою очередь первый оферент соглашается с этим. Возникает вопрос квалификации отношений сторон: можно ли считать в приведенном примере, что стороны совершили опцион на заключение договора? Скорее всего, нет, потому что, как мы уже отмечали, сама конструкция состоит из двух элементов. Продолжая наш пример, предположим, что оферта без срока для акцепта была направлена в адрес первого оферента. Можно ли теперь сделать вывод о том, что стороны совершили опцион на заключение договора? Так, если следовать логике ст. 429.2 ГК РФ, то в момент предоставления оферты в силу соглашения (в примере – соглашение заключено посредством предложения о предоставлении финального предложения и принятия этого предложения) появляется конструкция опциона, где у первого оферента не только есть право в течение одного года заключить договор о приобретении акций, но и уступить его третьему лицу. Проблема состоит в том, что положения закона в части опциона на заключение договора имеют «низкие требования» для совершения конструкции, что во многом связано с тем, что соглашение о предоставлении опциона не закрепляет, что именно предоставляется за опционную премию.

В рассмотренной ситуации проблема состоит в том, что соглашение о предоставлении опциона не содержит явно выраженного предмета, который стороны должны согласовать, а саму конструкцию сложно отличить от оферты (и иных конструкций), поскольку почти все условия механизма носят универсальный характер, не считая волевого характера совершения оферты.

Если руководствоваться тем, что конструкция опциона на заключение договора строится по модели из английского правопорядка, то также можно помыслить в качестве предмета соглашения о предоставлении опциона обязательство не отзывать оферту. Так, в отечественном законе безусловная отзывность оферты предусмотрена только в отношении оферты без указания срока для ее акцепта. Данное утверждение сформулировано на основе абз. 3 п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 49: «Если срок для акцепта не установлен, ставшая обязательной для оферента оферта может быть отозвана в любой момент до направления акцепта или до момента, когда оферент узнал о совершении иных действий, свидетельствующих об акцепте»[117]. Если попытаться следовать первоначальной логике механизма, то в российском варианте опциона соглашение о предоставлении опциона могло бы выполнять аналогичную роль закрепления обещания (обязательства) не отзывать оферту в течение определенного периода времени. Обратим внимание, что такая модель опциона действительно может существовать в российском праве, но ее оформление должно строиться вопреки конструкции ст. 429.2 ГК РФ.

В последних нескольких абзацах мы пришли к нескольким выводам, имеющим существенное значение для определения места соглашения о предоставлении опциона. Так, предметом соглашения не может быть следующее: во-первых, обязательство предоставить оферту, поскольку оферта – это часть конструкции; во-вторых, обязательство не отзывать оферту, потому что существует универсальный срок (один год) действия опциона; в-третьих, им не может быть

[117] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

само условие о сроке, потому что существует универсальный срок (один год) действия опциона. При этом, на наш взгляд, в силу свободы договора и ст. 429.2 ГК РФ нет строгих ограничений для применения теории выгод (benefit) и лишений (detriment) (см. выше) в российском праве.

Мы также отметили, что соглашение о предоставлении опциона «организует» условия действия оферты, а само соглашение предполагает возмездный характер. При этом были отмечены риски, связанные с универсальными условиями опциона. Все эти выводы позволяют нам констатировать, что предметом соглашения о предоставлении опциона является введение специального режима в отношении действия оферты и права заключить договор в пользу держателя опциона в обмен на встречное предоставление, уплачиваемое обязанному лицу. На наш взгляд, именно такой предмет является существенным условием соглашения о предоставлении опциона на заключение договора. В таком случае только согласованность такого предмета может преобразовать обыкновенную оферту, предоставляющую право заключить договор, в конструкцию опциона на заключение договора. Более того, в рамках такого технико-юридического подхода может развиваться теория об обменных сделках через концепции выгоды и лишения с учетом специфики российского законодательства (см. выше).

Что касается иных существенных условий соглашения о предоставлении опциона, то законом не сформулировано таковых, однако это не ограничивает возможность сторон заявить иные условия в качестве существенных.

Без ущерба для упомянутого ранее, в этой части параграфа мы установили, что существенным условием конструкции опциона на заключение договора являются ее элементы, совершенные в соответствии с требованиями закона. Мы определили существенные условия каждого элемента опциона, в том числе указав, что предметом соглашения о предоставлении опциона является введение специального режима в отношении действия оферты и права заключить договор в пользу держателя опциона в обмен на встречное предоставление, уплачиваемое обязанному лицу.

Опционный договор. Что касается конструкции опционного договора, то в ГК РФ ей посвящена ст. 429.3, которая устанавливает правила регулирования отношений, связанных с заключением опционного договора. Первый пункт ст. 429.3 ГК РФ относится к модели отношений, второй – к регулированию отношений сторон в части возмездности предоставления права по опционному договору, третий – к правовому регулированию отношений, которые относятся к прекращению конструкции, четвертый пункт не имеет прямого отношения к регулированию отношений, так же как и п. 8 ст. 429.2 ГК РФ, поскольку декларирует возможность появления отдельных видов опционного договора посредством закона.

Как и опцион на заключение договора, опционный договор в нашем представлении состоит из определенных элементов. Такими элементами являются само опционное соглашение (опционный договор) и обязательство, в отношении которого оно заключается. Это также означает, что существенными условиями выражения опционного договора как многосоставной конструкции являются его легально действующие элементы, в частности обязательство и соглашение.

Обратим также внимание, что опционный договор – это договор, то есть соглашение двух и более лиц, которое направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (п. 1 ст. 420 ГК РФ). Здесь следует выделить различия в законодательном подходе опционного договора и соглашения о предоставлении опциона в части разграничения договора и соглашения, отметив, что договор всегда отличается от соглашения наличием отношения, связанного с установлением, изменением и прекращением прав и обязанностей. Руководствуясь нормой ст. 429.3 ГК РФ, мы не можем утверждать или опровергнуть, что опционный договор является основанием возникновения обязательственного отношения. Тем не менее мы можем также рассматривать данную конструкцию как соглашения воздействующее на обязательство (опционный договор и обязательство, которое опционный договор модифицирует).

Норма об опционном договоре не является обширной, поэтому к нему применяются общие правила о сделках и договоре, при этом к обязательствам,

возникшим из опционного договора, применяются общие положения об обязательствах. В этой части важно обратить внимание, что в силу нормы (ст. 429.3 ГК РФ) возникновение обязательств в опционном договоре, необходимые для его заключения не предусматриваются (т.е. в нашем представлении для конструкции опционного договора необходимо обязательство, на которое он воздействует, но это не означает, что опционный договор во всех случаях является основанием возникновения этого обязательства). Данный подход аналогичен тому, который был применен к опциону на заключение договора, когда было установлено, что соглашение о предоставлении опциона воздействует на оферту (а опционный договор воздействует на обязательство, а указание в норме на «действия» предполагает отсылку к действиям из обязательства).

Предмет любого договора является существенным условием его заключения. Иных существенных условий норма об опционном договоре не предусматривает, что, так же как и в соглашении о предоставлении опциона, предполагает возможность каждой стороны заявить о существенности того или иного условия.

Продолжая контекст рассуждений о предмете, напомним, что по опционному договору одна сторона вправе потребовать совершения действия от должника. Правовую связь между правом требования и действием должника можно установить на основе следующего. Следует еще раз обратить внимание на то, что право требования само по себе существует в рамках элемента конструкции – обязательства, при этом действие является содержанием обязанности, а право и обязанность составляют обязательство. К примеру, прекращение права требования и, соответственно, основного обязательства является основанием для прекращения и опционного договора. Данный вывод уже был косвенно сделан судами, которые, рассматривая споры о возмещении опционной премии, пришли к выводу о том, что премия должна быть возвращена при прекращении опционного договора по основаниям, не связанным с истечением срока по опционному договору в связи с невостребованием[118]. В качестве такого основания

[118] См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 октября 2024 г. по делу № 2-408/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Первого кассационного

рассматривался отказ потребителей от договора (например, оказания услуг). Получается, что отказ от основного договора, в отношении которого был заключен опционный договор, прекращает последний. Это свидетельствует о том, что конструкция воздействует на обязательства и имеет акцессорный характер по отношению к такому обязательству. Именно так, на наш взгляд, проявляется связанность права требования и действия по опционному договору и обязательству. Опционный договор не вводит новое право требования и новое действие, а вводит специальный режим исполнения обязанности по требованию, обусловленному волей стороны (т.е. меняется не обязательство, а режим его исполнения). Мы полагаем, что предмет опционного договора должен выражать именно намерение сторон о введении режима «опционного договора», поскольку в противном случае возникает вопрос о квалификации опционного договора и разграничение его с иными конструкциями (см. выше).

Рассматривая предмет соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, мы смогли сделать вывод о том, что его предметом является установление специального режима действия оферты и права заключить договор в пользу держателя опциона в обмен на встречное предоставление, уплачиваемое обязанному лицу. На наш взгляд, с учетом того, что оба опциона представляют собой двухэлементные конструкции, но в опционном договоре вместо оферты похожую функциональную роль выполняет обязательство, предмет опционного договора можно также определить как введение специального режима в отношении исполнения обязательства по требованию в пользу держателя опциона в обмен на встречное предоставление, уплачиваемое обязанному лицу.

Важно подчеркнуть именно воздействие опционного договора на исполнение обязательств. В обыкновенном обязательственном отношении каждая сторона обладает правом требования и корреспондирующей обязанностью (право требовать исполнения, право требовать принятия исполнения, обязанность исполнить,

---

суда общей юрисдикции от 4 сентября 2024 г. по делу № 88-27913/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2024 г. по делу № 8Г-27061/2024// СПС «КонсультантПлюс».

обязанность принять исполнение – все эти элементы также выражают условия исполнения обязательства в рамках общего правового режима для исполнения обязательств). Мы можем прийти к выводу, что опционный договор воздействует на обязательство (но не изменяет ни его структуру, ни условия исполнения) и позволяет на основе отдельного соглашения договориться об определении одной стороной момента исполнения обязательства как о модификации текущего режима исполнения, установленного законом для исполнения обязательства, на специальный, предусмотренный ст. 429.3 ГК РФ. В таком случае в качестве технико-юридического приема можно помыслить, что опционный договор устанавливает специальный (временный) режим исполнения обязательства, потому что это наименее противоречивый подход по сравнению с существующими.

Отметим, что в науке существует другая позиция, например, о том, что «предмет опционного договора и соглашения о предоставлении опциона является двойственным, поскольку к предмету относится предоставление права выбора относительно заключения и (или) исполнения основного договора, то есть сама опционная модель, и к предмету также относится основной договор, то есть действия сторон по заключению и (или) исполнению основного договора и его существенные условия» является необоснованным»[119]. На наш взгляд, данная позиция не учитывает тот факт, что конструкции опциона состоят из двух элементов, каждый из которых обладает своим предметом, поэтому нет необходимости их объединять в особый «двойственный предмет». К примеру, предмет опционного договора, посредством которого устанавливается специальный порядок исполнения основного договора, не может свидетельствовать о двойственности, поскольку уже есть договор, в силу которого предмет обязательства определен. Двойственный предмет в таком случае подобен предмету дополнительного соглашения, которым изменяется действие основного договора, или обыкновенной оферты, которая предоставляет право выбора относительно заключения основного договора и к ее предмету также относится основной договор

[119] Севеева К. В. Опционные соглашения в корпоративном праве : дис. … канд. юрид. наук. С. 55.

Обратим также внимание, что существует позиция судов, которая свидетельствует о том, что опционный договор ставит до востребования не только исполнение основного обязательства, но и востребование исполнения встречных обязательств[120]. К примеру, АС Северо-Кавказского округа выразил мнение о том, что отличие опционного договора от обычного, в котором исполнение обязательства одной из сторон поставлено до востребования, в том, что опционный договор не только ставит до востребования исполнение обязательства одной из сторон, но и ставит под условие такого востребования и исполнение встречных обязательств управомоченной на востребование стороны[121]. В другом судебном решении была приведена похожая позиция, согласно которой опционный договор ставит до востребования одной из сторон осуществление экономической операции по обмену встречными предоставлениями[122]. В данном случае речь идет о том, что опционный договор запускает договорное отношение и не может встраиваться только в какую-то одну часть договорного обязательственного отношения. Подобное мнение высказывалось и А. Г. Карапетовым[123]. На наш взгляд, данный подход строится на попытке дополнить норму ст. 429.3 ГК РФ.

Можно предположить, что в основе логики вышеописанного подхода судов стоит аргумент, что стороны могут злоупотреблять в части исполнения встречных обязательств в отношениях, связанных с непрофессиональными участниками оборота. Такое нельзя исключать, но это не означает, что правовую норму можно интерпретировать, придавая ей иное свойство и природу. Если норма указывает на «право требования действия», то имеется в виду одно обязательство; если бы норма указывала на «право требования исполнения обязательства, обуславливающего

---

[120] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 октября 2022 г. по делу № 88-23120/2022 (УИД 16RS0039-01-2021-002496-21) // СПС «КонсультантПлюс».

[121] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 августа 2022 г. по делу № А63-17664/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[122] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 ноября 2023 г. по делу № 88-35256/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[123] Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. К. Байрамкулов, О. А. Беляева, А. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. Автор комментария к ст. 429.3 ГК РФ – А. Г. Карапетов. С. 439–449.

возникновение встречного обязательства», то можно было бы прийти к другому выводу.

Мы хотели бы обратить внимание, что установление специального режима исполнения обязательства по требованию в пользу держателя опциона происходит по общему правилу в обмен на встречное предоставление, уплачиваемое обязанному лицу. Само заключение опционного договора предполагает определенное вознаграждение, выплачиваемое стороне. Логика у такого решения достаточно простая: лицо соглашается претерпевать ожидание в обмен на денежную компенсацию. В качестве исключения из этого правила п. 2 ст. 429.3 ГК РФ предусматривает возможность исключить возмездность, если опционным договором, в том числе заключенным между коммерческими организациями, предусмотрена его безвозмездность либо если заключение такого договора обусловлено иным обязательством или иным охраняемым законом интересом, которые вытекают из отношений сторон.

Стоит отметить, что норма ст. 429.3 ГК РФ не закрепляет каких-то дополнительных существенных условий для опционного договора, помимо предмета. При этом судебной практикой было установлено, что срок, на который заключается опционный договор, является существенным для договора такого типа[124]. Аналогичную позицию занимают и в научном сообществе, выделяя срок в качестве существенного условия опционного договора, по причине невозможности быть вечно связанным. К примеру, К. В. Севеева отмечает, что срок опционного договора является существенным условием по признаку необходимости для договора данного вида, поскольку обязанная сторона не может находиться в состоянии вечной связанности, и такой срок варьируется в зависимости от задач, которые стороны решают с помощью опционных соглашений[125]. На наш взгляд, данный вывод представляется спорным, основанным на том, что опционный договор определяет условия исполнения обязательства, но

[124] См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 июня 2018 г. по делу № А41-60107/16 // СПС «КонсультантПлюс».

[125] Севеева К. В. Указ.соч. С. 14.

такие условия определены самим обязательством, а опционный договор (как соглашение) встраивается в основное отношение, воздействуя на обязательство. Далее мы объясним причину такой позиции.

Проблема вечной связанности не возникает в опционном договоре, поскольку он не может существовать вопреки обязательству, что подтверждено приведенными примерами судебных решений. При этом, на наш взгляд, прекращение опционного договора не приводит автоматически к прекращению основного обязательства без соответствующих оговорок. Помимо того, что подобная взаимосвязь обязательства и опционного договора снова свидетельствует в пользу восприятия опционного договора как специального договорного режима, это также указывает на ограниченность срока действия опционного договора сроком существования обязательства (т.е. срок опционного договора не может быть дольше срока исполнения обязательства и не может выполнять роль определения этого срока). В этом смысле было бы более правильно указать, что срок опционного договора связан с обязательством, в отношении которого он совершается, а такое обязательство не может вечно связывать должника и кредитора (т.е. в каждом случае срок опционного договора ограничен сроком исполнения обязательства). Вероятно, именно это стало причиной, почему норма об опционном договоре не закрепляет необходимость согласования срока в качестве существенного условия.

Примечательно в связи с этим и то, что универсальный срок (один год) действия предусмотрен ГК РФ только для опциона на заключение договора, а в отношении опционного договора – нет. Мы полагаем, что применение универсального срока, предусмотренного п. 2 ст. 429.2 ГК РФ, по аналогии закона нецелесообразно, поскольку данный срок также представляется избыточным. При этом, на наш взгляд, в обеих конструкциях опциона срок должен быть выделен в качестве существенного условия совершения конструкции, поскольку без него сложно установить намерение сторон о введении именно режима действия в отношении определенного элемента конструкции договора. Срок действия конструкции должен являться определяющей частью предмета, то есть того, о чем стороны договариваются. Полагаем также, что в обеих конструкциях «ударение»

сделано не столько на секундарном (преобразовательном) праве, сколько на периоде его действия, что и представляет ценность для целей уплаты вознаграждения (т.е. плата не за оферту или условие о востребовании, а за согласованный период времени их действия в определенном режиме). В связи с этим также считаем, что в ст. 429.2 ГК РФ допущена серьезная технико-юридическая ошибка в части универсального срока действия опциона. Такой подход должен быть существенно переосмыслен и изменен, принимая во внимание, что юридическая гармония элементов опциона в системе действующего законодательства представляет особенную ценность для профессиональных участников оборота в части прогнозируемости правовых последствий.

В данной части параграфа мы смогли выявить, что существенными условиями опционного договора (конструкции) являются его элементы, совершенные в соответствии с требованиями закона, и сделать вывод о том, что предметом опционного договора (как соглашения) может являться установление специального режима исполнения обязательства по требованию в пользу держателя опциона в обмен на встречное предоставление, уплачиваемое обязанному лицу.

В заключение настоящего параграфа обобщим установленное нами ранее. Опцион на заключение договора и опционный договор являются многосоставными конструкциями, требующими для своего выражения соблюдения существенных условий в форме легально совершенных элементов. Для опциона на заключение договора такими элементами выступают соглашение о предоставлении опциона, предметом которого является установление специального режима действия оферты, и оферта, совершенная в соответствии с требованиями ст. 435 ГК РФ. Для опционного договора такими элементами являются соглашение, предметом которого выступает установление специального режима исполнения обязательства по требованию, и основное обязательство, в отношении которого устанавливается специальный режим исполнения. Легальность совершения каждого элемента предполагает соблюдение всех существенных условий, предусмотренных гражданским законодательством для соответствующих правовых явлений.

§ 2.2. Правовая природа и порядок уступки прав по опционам

В прошлых частях диссертационного исследования мы достаточно подробно рассмотрели различные модели опционов, в том числе модель из английского правопорядка, связанную с договором о негативном обязательстве (не отзывать оферту), модель о подготовительном обязательстве, российские модели опциона на заключение договора и опционного договора и особенности их возникновения в соответствии с законодательством Российской Федерации. Мы полагаем, что в зависимости от используемой конструкции опциона и ее наполнения природа предоставляемых прав (например, право на акцепт, право требовать исполнения и пр.) может меняться. Природа права, предоставляемого рассматриваемыми конструкциями, является ключевым свойством для определения порядка его перехода. В связи с этим мы считаем необходимым для научного развития области исследуемых отношений определить природу прав, предоставляемых той или иной конструкцией опциона, чтобы сделать вывод о возможностях и ограничениях правового режима их перехода.

Если рассматривать опцион как конструкцию, предоставляющую выбор одной стороне определить момент изменения правового положения другой стороны, то право предоставляемой конструкцией можно связать с мерой возможного поведения правомочного субъекта. В контексте гражданского права такой выбор обычно называют субъективным гражданским правом. Последнее, по мнению С. Н. Братуся, также представляет собой меру возможного поведения управомоченного лица, обеспеченную законом и поведением обязанного лица[126]. Субъективное гражданское право как категория в юридической науке континентальных правопорядков достаточно долго разрабатывалось, и до сих пор между учеными нет однозначного согласия о его сущности и содержании[127]. Вместе

---

[126] Долинская В. В. Субъективные права, их осуществление и защита // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 3–14.

[127] См.: Теория государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М. : Проспект, 2016. С. 144–148; Третьяков С. В. Логическая редукция как альтернатива

с тем общая полезность данной научной категории выходит за пределы теоретико-философской классификации, поскольку помогает понимать содержание, общее и различия между разными правами.

Все субъективные гражданские права, руководствуясь позицией В. С. Ема, можно разделить на абсолютные субъективные права (Herrschaftsrechte) и относительные субъективные права (Relativerechte), при этом последние делятся на следующие три группы прав: права требования (Forderungsrechte) или притязания (Anspruch), секундарные права (Gestaltungsrechte) и права на возражения (Gegenrechte)[128]. Приведенная классификация субъективных прав поможет нам определить правовую природу прав, которыми обладают держатели опциона.

Обратим внимание, что в науке в отношении данной классификации существуют разные мнения. К примеру, если следовать определению субъективного права С.Н. Братуся, то преобразовательное (секундарное) право является разновидностью субъективного права[129]. Существует и иное мнение о том, что преобразовательное (секундарное) право не является субъективным правом, поскольку оно определяет судьбу правоотношения (субъективного права)[130]. Для целей нашего исследования не является принципиальным классификационное разделение субъективных прав, однако мы руководствуемся приведенным подходом В. С. Ема и полагаем, что для исследования можно рассматривать права по опциону через призму как прав требования (Forderungsrechte), так и преобразовательных (секундарных) прав (Gestaltungsrechte).

риторической генерализации: концепция субъективного гражданского права О. С. Иоффе // Вестник гражданского права. 2023. № 4. С. 192–232.

[128] Гражданское право : учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 91–92. Автор главы – В. С. Ем.

[129] Третьяков С. В. «Триада Александрова» как вариант решения проблемы структуры субъективного гражданского права // Гражданско-правовые отношения: проблемы доктрины, законодательства и судебной практики: сб. ст., посвященный 75-летию доктора юрид. наук, проф. Е. А. Суханова / коллектив авторов; отв. ред. В. В. Витрянский. М. : Статут, 2023 // Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (далее – СПС «Гарант»).

[130] См.: Карнушин В. Е. Общая теория гражданского права : учебник. М. : Юстицинформ, 2024 // СПС «Гарант».

Следует сразу отметить, что группу секундарных (преобразовательных) прав часто критикуют. К примеру, А. В. Габов охарактеризовал секундарные права как категорию, наделенную неопределенностью, размытостью и противоречивостью[131]. Данная группа прав часто ассоциируется с правомочиями, которые могут существовать как в рамках правового отношения, так и вне его. Более того, группа этих прав включает в себя достаточно разнородные явления, относительно которых правоведы не всегда могут договориться. Как отмечает С. В. Третьяков, «в рамках понятия секундарного права объединяются два качественно различных феномена: секундарным правом считается как абстрактная и всеобщая возможность приобретения прав и обязанностей субъектом для себя по собственной инициативе, так и конкретная, приобретенная определенным субъектом возможность односторонним действием создать (изменить или прекратить) права и обязанности для другого лица независимо от его воли»[132]. Продолжая эту мысль, следует отметить, что в немецкой цивилистике, формировавшейся столетиями, категория секундарных (преобразовательных) прав существует достаточно гармонично. На наш взгляд, стройность концепции секундарных (преобразовательных) прав в российской доктрине вызывает сомнения. Тем не менее множество современных ученых часто пытаются внедрить эту категорию в российскую науку, часто не учитывая некоторых особенностей отечественного подхода в отношении большой и достаточно разнородной группы прав. В результате неоднозначные конструкции российского опциона расшифровывают с помощью еще более комплексной категории секундарных (преобразовательных) прав. В связи с этим может показаться, что попытка просто переложить подходы из западной цивилистики приводит к путанице. На наш взгляд, секундарные (преобразовательные) права действительно отличаются от прочих, их объединяет преобразовательный эффект, который сложно отрицать.

---

[131] Габов А. В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М. : Статут, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

[132] Третьяков С. В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (к публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 253–270.

В настоящей работе, не считая отдельных частей диссертационного исследования, мы стараемся избегать категорию секундарных (преобразовательных) прав в отношении прав, предоставляемых отечественными конструкциями опционов, по следующим причинам: во-первых, как мы уже обращали внимание, категория секундарных (преобразовательных) прав применяется к очень широкой группе прав и отношений, которые можно назвать малоизученными в российской науке; во-вторых, применение термина секундарных (преобразовательных) прав в России, по справедливому замечанию С. В. Третьякова, не всегда отражает то, что в него вкладывается немецкой доктриной[133]. Более того, зачастую использование категории секундарных (преобразовательных) прав не облегчает, а существенно препятствует восприятию прав, описываемых таким способом. Совершенно очевидный пример: чтобы разобраться в том, что представляет из себя та или иная конструкция опциона, необходимо ознакомиться с соответствующей нормой, возможно, прочитать комментарии и публикации на одноименную тематику. Очевидно, что и у опытного читателя, глядя на использование этого терминологического арсенала применительно к российскому механизму, возникают новые «вопросы»[134] о природе этой категории прав, однозначный ответ на которые он не получит ни в немецкой (поскольку немецкое право не может ответить на системные вопросы российского права), ни в российской доктрине. Несмотря на определенную проблематику, связанную с категорией секундарных (преобразовательных) прав в российской науке, мы все же исходим из ее существования для целей исследования прав, предоставляемых конструкциями опциона.

Возвращаясь к первичной теме данного параграфа, право по опциону может являться субъективным относительным правом. При этом не во всех случаях очевидно, к какой подгруппе это право относится. Если следовать

---

[133] См.: Третьяков С. В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (к публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве»).

[134] Егоров А. В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 241–274.

вышеприведенной классификации субъективных прав В. С. Ема, выбор подгруппы может быть между группой прав требования (Forderungsrechte) и секундарных (преобразовательных) прав (Gestaltungsrechte). Разница между указанными правами состоит в том, что первая категория относится к требованию действия от другой стороны, тогда как вторая – к собственным действиям, осуществление которых изменяет правовое положение другого лица. Чтобы прийти к какому-то выводу, мы будем по отдельности рассматривать природу прав в рамках каждой приведенной ранее конструкции опциона.

В английском правопорядке конструкция опциона, опосредующего заключение договора, подразумевает наличие оферты и соглашения, которое обеспечивает безотзывность оферты обязательством не отзывать оферту. Если исходить из технико-юридического подхода, то у держателя опциона в рамках соглашения есть право требовать исполнения негативного обязательства, что означает, что это право относится к категории прав требования (Forderungsrechte), в рамках оферты адресат приобретает право на акцепт.

Природа права произвести акцепт в юридической литературе определяется по-разному. Это объясняется тем, что некоторые относят право на акцепт к секундарным (преобразовательным) правам[135]. При этом существует и иное мнение, которое отказывает праву на акцепт в секундарном (преобразовательном) характере. К примеру, А. А. Кравченко указывает на то, что право на акцепт не относится к секундарному (преобразовательному) праву, поскольку правовые последствия в виде заключения договора наступают не принудительно, а добровольно, ввиду того что лицо, направляя оферту, дает согласие на заключение договора (согласует свою волю с действиями акцептанта)[136]. В данном случае подход ученого соотносится с определением А. В. Егорова о секундарных (преобразовательных) правах, под которыми он понимает такие права, благодаря которым управомоченное лицо непосредственно воздействует на правовое

[135] См.: Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 204–252.

[136] Кравченко А. А. К вопросу об определении правовой природы секундарных прав // Законодательство и экономика. 2015. № 2. С. 49.

положение другого лица, против которого реализуется право, без какого-либо содействия с его стороны[137]. На наш взгляд, причина по которой А. А. Кравченко отказывает праву на акцепт в преобразовательном (секундарном) характере состоит в непризнании самостоятельных преобразовательных (секундарных) прав. К примеру, С. В. Третьяков объясняет природу секундарного (преобразовательного) права тем, что они могут делиться на самостоятельные и несамостоятельные[138]. Исследователь полагает, что право на акцепт является самостоятельным секундарным (преобразовательным) правом наряду с правом на принятие наследства. На наш взгляд, право на принятие наследства тождественно по своей природе праву на акцепт (в определенном смысле), поскольку управомоченное лицо выбирает из двух вариантов – принять или не принять предложение, которое ему было сделано. В одном случае речь идет о волеизъявлении в рамках намерения заключить договор, а в другом – о законном порядке предположения (выведения) воли (намерения) покойного. А. В. Егоров выделяет также среди самостоятельных (преобразовательных) прав, в том числе право обратной покупки, право присвоения. Мы полагаем, что большинство тех прав, которые относят к самостоятельным (преобразовательным) правам, основано на сценариях предложения, которое выражено посредством либо волевого предложения лица (офертой), либо предложения в силу закона, которое основано на регулировании отношений, связанных, к примеру, с наследованием или правом на присвоение. Подобный тип прав сильно отличается от несамостоятельных секундарных (преобразовательных) прав, которые существуют в рамках правового отношения и связаны с правом требования. В этом смысле объединяющим фактором между самостоятельными и несамостоятельными секундарными (преобразовательными) правами является только преобразовательный эффект правового положения лица при их реализации. Если отталкиваться от приведенных

---

[137] Егоров А. В. Указ. соч.

[138] Третьяков С. В. «Триада Александрова» как вариант решения проблемы структуры субъективного гражданского права // Гражданско-правовые отношения: проблемы доктрины, законодательства и судебной практики: сб. ст., посвященный 75-летию доктора юрид. наук, проф. Е. А. Суханова / коллектив авторов; отв. ред. В. В. Витрянский. М. : Статут, 2023 // Доступ из СПС «Гарант».

позиций, то право на акцепт представляет самостоятельное секундарное (преобразовательное) право. Здесь важно обратить внимание, что самостоятельные преобразовательные права в немецком правопорядке являются, как правило, непередаваемыми[139].

Возвращаясь к тематике права на акцепт в рамках опциона в английском праве, мы исходим из того, что его следует квалифицировать в качестве самостоятельного секундарного (преобразовательного) права. Здесь важно напомнить, что английское право исходит из идеального подхода к конструкции опциона, поскольку право справедливости (equity law) усматривает договорную (обязательственную) природу права во всей конструкции опциона, не пытаясь строго разграничить права требования (Forderungsrechte) и секундарные (преобразовательные) права (Gestaltungsrechte). В данном случае опцион рассматривается как специфический вид обязательственного отношения, в котором секундарное (преобразовательное) право играет вспомогательную роль, тем самым придавая ему сущность несамостоятельного секундарного (преобразовательного) права.

Придание обязательственного характера ко всей конструкции опциона – это оправданный подход для традиции общего права, которое развивается на основе выделения намерения договаривающихся сторон в рамках права справедливости (equity law). Мы полагаем, что английское право связывает право на акцепт с правом требовать заключить договор. Именно поэтому права по опциону в данной конструкции можно передать (например, уступить, унаследовать и т.д.).

С точки зрения технико-юридического подхода применительно к английской модели наличие как права требования в определенной части, так и самостоятельного секундарного (преобразовательного) права на акцепт в другой части не вызывает у нас сомнений. При этом во всей конструкции в рамках права справедливости (equity law) подразумевается обязательственное отношение с односторонним волеизъявлением на заключение договора. Полагаем, что такой

[139] Егоров А. В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 241–274.

подход указывает на смешанный характер всей конструкции, что свидетельствует о том, что права, предоставляемые данной моделью опциона, можно отнести одновременно как к категории прав требования (Forderungsrechte), так и к категории секундарных (преобразовательных) прав (Gestaltungsrechte), которые связаны подразумеваемым отношением.

Английский подход не предполагает возможности разделить два права, то есть право из оферты не может по общему правилу перейти, а переход права требования из соглашения не имеет экономического смысла. Также права по опциону имеют равнозначный характер по отношению друг к другу, то есть секундарное (преобразовательное) право нельзя выделить в качестве акцессорного или напрямую связанного с правом требовать не отзывать оферту и наоборот, но мы можем назвать его, равно как и право требования по соглашению, вспомогательным по отношению ко всей конструкции, предоставляющей право заключить договор. В связи с этим мы считаем, что право на акцепт и право требовать соблюдения обязанности не отзывать оферту формируют в английской модели неразрывную связанность равнозначных прав, в том числе изменяя их природу, для целей выражения в конструкции. Это может свидетельствовать о том, что опцион в приводимой английской модели предоставляет своему держателю смешанное право. Более того, функционально такой подход может быть основан на введение режима в отношении права из опциона, поскольку такой концепт сформирован на основе подходов судов (in equity) и подразумеваемых условиях (implied terms).

В опционе о подготовительном обязательстве ситуация чем-то напоминает подход из английского права, поскольку вместо акцепта преобразовательную функцию косвенно выполняет право требовать. Соответственно, держатель опциона своим односторонним волеизъявлением изменяет правовое положение лица (обязанного). Такая конструкция предполагает связанность секундарного (преобразовательного) права с правом требования (Forderungsrechte) осуществления действий в рамках подготовительного обязательства. Данный подход следует считать традиционным для несамостоятельных секундарных (преобразовательных) прав.

В отличие от английского права при моделировании конструкции мы не пытались придать конструкции двух обязательств идеальный характер единого намерения сторон. Выстроив структуру отношения с учетом технико-юридического подхода, мы разделили конструкцию на два связанных обязательственных отношения. В этой конструкции также существует связь между правом требования по подготовительному обязательству и преобразовательным волеизъявлением, а также правом требования по основному обязательству и подготовительным обязательством. В теории такую связь можно разделить, но в такой операции отсутствует экономический смысл ввиду связанности договора о подготовительном обязательстве и основного договора. Мы полагаем, что в этой конструкции также может существовать определенная связь прав, которая свидетельствует о смешанном характере права. К примеру, в части связанности двух договорных отношений, одно из которых по природе вспомогательное по отношению к основному и при этом связано с секундарным (преобразовательным) правом.

Отечественный подход к опциону на заключение договора и опционному договору менее однозначный. К примеру, существует группа правоведов, таких как А. Г. Карапетов[140], М. Н. Илюшина[141], Г. Н. Орлов[142], И. С. Чупрунов[143], В. В. Ралько[144] и др., которая считает, что российские опционы предоставляют секундарное (преобразовательное) право своим односторонним волеизъявлением инициировать реализацию обменной сделки. На контрасте с мнением вышеназванных ученых К. В. Севеева отмечает, что секундарные права предоставляются только соглашением о предоставлении опциона[145]. Объясняя,

---

[140] Карапетов А. Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 49–72.

[141] Илюшина М. Н. Новеллы Гражданского кодекса об опционных договорах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 3–10.

[142] Орлов Г. Н. Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие : дис. … канд. юрид. наук. С. 178.

[143] Чупрунов И. С. К вопросу о конструкции преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 94–219.

[144] Ралько В. В. Опцион на заключение договора и опционный договор в российском праве // Нотариус. 2016. № 5. С. 38–44.

[145] Севеева К. В. Правовая природа опционных соглашений в корпоративном праве // Хозяйство и право. 2023. № 4. С. 23–41.

почему опционный договор не предоставляет секундарное право, ученая делает следующий вывод: «…при заявлении требования об исполнении опционного договора управомоченной стороной для другой стороны новые обязанности не возникают, поскольку обязанность исполнить основной договор принимается стороной на себя уже в момент заключения опционного договора»[146]. Таким образом, К. В. Севеева отрицает секундарность (преобразовательность) права по опционному договору. С мнением ученой нам сложно согласиться. Во-первых, поскольку секундарное (преобразовательное) право в рамках опциона на заключение договора предоставляется в силу оферты, а не соглашения о предоставлении опциона. Во-вторых, заявление права требования по опционному договору носит характер уведомления, которое изменяет правовое положение должника, при этом без заявления права требования предполагается, что обязанность действия прекращается либо изменяется в том случае, если мы рассматриваем опционный договор в качестве конструкции, вводящей специальный режим в отношении исполнения обязательства. Таким образом, по общему правилу отрицать преобразовательность права в опционном договоре не представляется возможным.

Отметим, что в рамках опциона на заключение договора предполагается, что держатель опциона обладает правом произвести акцепт оферты, что приведет к преобразованию правового положения лица. При этом, как мы установили, никаких обязательств в конструкции, связанных именно с предоставлением права на акцепт, не предусмотрено. Так, если английская модель подразумевала наличие обязательственного отношения в какой-то части, в частности принятой должником обязанности не отзывать оферту, то опционом на заключение договора такую обязанность не требуется поддерживать в силу закона как по причине универсального срока действия опциона, так и потому, что срок действия опциона не предполагает каких-либо обязательственных отношений кредитора и должника. Таким образом, нельзя сделать вывод, что опционом на заключение договора

[146] Севеева К. В. Опционные соглашения в корпоративном праве : дис. … канд. юрид. наук. С. 42–43.

предусмотрено право требования (Forderungsrechte), но при этом можно отметить, что право на акцепт в рамках опциона предполагает самостоятельное секундарное (преобразовательное) право. В то же время право по опциону на заключение договора имеет признаки, характерные для несамостоятельного секундарного (преобразовательного) права, что в обычном случае предполагает также связанность с правом требования, которого нет в опционе на заключение договора. В частности, таким признаком можно считать возможность уступить право по опциону. На наш взгляд, при таком подходе к опциону это возводит права, предоставляемые держателю, в разряд смешанных прав.

В связи с этим сложно не обратить внимание на п. 7 ст. 429.2 ГК РФ, который прямо разрешает уступать права по опциону. Мы уже отмечали, что соглашение о предоставлении опциона следует рассматривать как соглашение, устанавливающее специальный режим действия оферты, которое предполагает организационный характер действия оферты, но при этом сама норма предоставляет возможность уступить право из конструкции. Это наиболее значимое отличие оферты в опционе и оферты в соответствии со ст. 435 ГК РФ.

По общему правилу оферта – это адресованное определенному лицу предложение, и оно не предполагает, что его можно передать третьему лицу. Это же мы отмечали в части общего правила для немецкого подхода о том, что самостоятельные секундарные (преобразовательные) права не могут уступаться. Так, Пленум ВС РФ, ссылаясь на ст. 438 и п. 1 ст. 421 ГК РФ, разъяснил, что право принять предложение о заключении договора не может быть передано другому лицу, если иное не установлено законом или условиями оферты[147]. С учетом п. 7 ст. 429.2 ГК РФ такая позиция закона свидетельствует о том, что право из оферты по опциону может быть уступлено. На наш взгляд, такую возможность надо рассматривать в качестве исключения из общего правила, установленного в силу закона для специального режима действия оферты в рамках конструкции. Таким

[147] См.: п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

образом, не считая уступки права по опциону на заключение договора, иные способы передачи данного права из оферты по опциону не представляются возможными (например, при наследовании или реорганизации) ввиду наличия в рамках такого права признаков самостоятельного секундарного (преобразовательного) права, которое не подлежит переходу.

На практике уступка прав по опциону совершается аналогично уступке права требования[148]. Очевидно, что норма ст. 429.2 ГК РФ в части уступки не учитывает природу тех юридических элементов, которые составляют содержание конструкции. В противном случае подход к опциону на заключение договора в части уступки был бы предусмотрен таким образом, чтобы он соответствовал ст. 435 ГК РФ. К примеру, альтернативный способ передачи права из оферты – совершенное предложение может устанавливать в силу свободы заключения договора условия о том, кто может произвести акцепт. Так, предложение может быть адресовано нескольким лицам, оно может определять как признаки группы лиц, которые могут принять предложение, так и устанавливать возможность для адресата оферты условно выбирать потенциального акцептанта. Каких-то ограничений в этой части ни законом, ни общей юридической логикой не установлено. Мы полагаем, что такой механизм может представлять (технико-юридическую) альтернативу уступке, которая соответствует требованиям действующего законодательства и общепринятым подходам к оферте.

Права, предоставляемые опционным договором, чем-то похожи на предыдущую конструкцию. Однако, на наш взгляд, проблема, существующая в опционе на заключение договора об отсутствующем праве требования (Forderungsrechte), менее выражена. Структура опционного договора обусловлена тем, что конструкция вводит режим действия исполнения обязательства по требованию на основе элементов обязательства (право требования и обязанность) в отношении срока исполнения обязательства. Последнее (секундарное (потестативное) право) предполагает характер несамостоятельного

[148] См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2023 г. по делу № А40-4116/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

секундарного (преобразовательного) права (Gestaltungsrechte) ввиду одностороннего уведомительного характера о востребовании, связанного с правом требования (Forderungsrechte). Правовой режим опционного договора не может быть разделен с правом требования по основному обязательству при его передаче. При этом, на наш взгляд, воздействие режима опционного договора на право, связанное с востребованием исполнения обязательств также свидетельствует о смешанном характере прав, предоставляемых опционным договором (т.е. само право требования (Forderungsrechte) существует в специальном режиме, если основываться на природе конструкции, которую ранее мы предложили).

В ГК РФ нет отдельной нормы об уступке по опционному договору. Однако в юридической литературе давно созрело мнение о том, что право по опционному договору может быть уступлено третьему лицу по правилам гл. 24 ГК РФ («О цессии»)[149]. С учетом характера опционного договора как специального договорного режима мы полагаем, что к нему применимо правило из п. 1 ст. 384 ГК РФ, которое закрепляет, что «если иное не предусмотрено, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права».

Еще одним важным свойством для анализа природы прав по опционам следует считать «мерцающий» характер секундарного (преобразовательного) права. В данном случае речь идет о том, что право на акцепт и право востребовать исполнение в опционе на заключение договора и опционном договоре не всегда могут быть выражены активным действием, потому что такая часть может быть заменена на заранее предусмотренную конструкцию реализации права держателя опциона. К примеру, А. Г. Карапетов отказывает опционному договору в секундарном (преобразовательном) праве в случае автоматического наступления обязанности из опционного договора при наступлении определенного события, то есть без активного требования (уведомления). Как отмечает А. Г. Карапетов, «в этом случае договор не предусматривает секундарное право востребования,

[149] Кархалев Д. Н. Опционный договор // Вестник арбитражной практики. 2021. № 2. С. 32–37.

а ставит созревание обязательств под отлагательное условие»[150]. С мнением ученого сложно не согласиться, поскольку секундарные (преобразовательные) права предполагают активное одностороннее действие для их реализации. Мы полагаем, что аналогичная логика для утраты секундарного (преобразовательного) права уместна и для акцепта оферты в рамках ситуации, когда происходит автоматический акцепт при наступлении оговоренного сторонами условия, то есть без активного выражения воли (например, п. 2 ст. 438 ГК РФ). Другими словами, права по опционам в российских моделях не всегда имеют часть, связанную с секундарным (преобразовательным) правом, а в некоторых случаях могут иметь комбинированный характер (например, активная часть в пределах определенного срока и автоматическая часть при наступлении определенного события). Фактически в любой рассмотренной конструкции опциона может быть предусмотрен автоматический запуск основного отношения, что лишает любую из конструкций активного преобразовательного признака. Вместе с тем данный подход можно аргументировать с помощью заранее реализованного секундарного (преобразовательного) права. В связи с этим не представляется очевидным, может ли такая конструкция считаться опционом, если в ней отсутствует активный механизм реализации права. Если рассматривать подобную (автоматическую в части реализации права) структуру отношений с учетом уступки, то, на наш взгляд, такая конструкция является своеобразным видом опционов, в которой секундарное (преобразовательное) право реализуется в момент совершения конструкции.

Ранее мы установили, что из четырех опционов две модели – английский опцион и опцион на заключение договора – предоставляют права, признаки которых не соотносятся с какой-то одной категорией прав. Другие две модели – опционный договор и опцион о подготовительном обязательстве – вводят структуру обычной связанности права требования и несамостоятельного секундарного (преобразовательного) права, существующие в определенных

[150] Карапетов А. Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 49–72.

условиях. Во всех рассмотренных моделях опциона права обладают уникальными характеристиками, такими как возможность уступки, «мерцающий» характер секундарного (преобразовательного) права, существование прав на основании разных элементов конструкции. Подобное приводит нас к мысли о том, что право в опционе, существуя в рамках сложносоставного отношения, может формировать свою уникальную природу. Учитывая изложенное, мы считаем возможным выделить права, предоставляемые в рамках опционов, в самостоятельную категорию субъективных относительных прав sui generis, которые характеризуются смешанной природой, объединяющей признаки прав требования и секундарных (преобразовательных) прав в рамках единой конструкции, что обуславливает необходимость особого регулирования и исключает возможность отнесения этого права к существующей классификации субъективных гражданских прав, в том числе предложенной В. С. Емом. Мы предлагаем назвать на текущем этапе исследования такие права «опционными правами», при этом мы допускаем существование похожих смешанных прав, которые могут быть впоследствии объединены в самостоятельную группу субъективных гражданских относительных прав.

§ 2.3. Действие опциона на заключение договора и опционного договора

Опционы характеризуются сложным составом и требуют для своего выражения совокупность элементов. Вне опционной связи (конструкции) элементы опционов (положения, условия) могут существовать самостоятельно (при этом юридическая конструкция опциона не возникает). В опционе на заключение договора такими элементами являются оферта и соглашение, а в опционном договоре – обязательство и опционный договор (соглашение). Начало действия и прекращение специального (временного) договорного режима связаны с согласованным действием названных элементов в едином временном промежутке.

Элементы опциона на заключение договора определенным образом взаимодействуют. Связанность элементов опциона на заключение договора носит содержательный характер (т.к. меняется правовой режим оферты). Соглашение о предоставлении опциона вне оферты теряет возможность быть квалифицированным как опцион на заключение договора, но остается соглашением. Равно как и обратная ситуация будет свидетельствовать о том, что оферта вне соглашения о ее предоставлении не является опционом на заключение договора. Именно согласованная совокупность совершенных юридических фактов преобразует их в опцион на заключение договора и связана с активацией специального (временного) режима действия оферты.

Рассмотрим начало действия опциона на заключение договора в ситуациях, когда соглашение о предоставлении опциона на заключение договора (как юридический факт) и оферта (как юридический факт) разделены во времени и совершены единовременно. Для опциона на заключение договора это означает следующие три возможных сценария начала действия специального (временного) режима: во-первых, ситуация, при которой сначала совершается оферта (к примеру, п. 3 ст. 425 ГК РФ позволяет распространить действие соглашения на отношения в прошлом), а потом ее режим действия изменяется заключением соглашения о предоставлении опциона на заключение договора; во-вторых, ситуация, при которой оба юридических факта совершаются в одном временном отрезке, то есть единовременно; в-третьих, ситуация, в рамках которой сначала заключается соглашение о предоставлении опциона на заключение договора (к примеру, ст. 421 ГК РФ позволяет распространить действие соглашения на отношения в будущем), а впоследствии совершается оферта.

Для начала представим первый сценарий, при котором совершается оферта, а позднее стороны заключают соглашение о предоставлении опциона на заключение договора. Экономическая логика такого сценария состоит в том, что оферент, делая предложение, и адресат не имели намерения совершить опцион на заключение договора, но впоследствии такое намерение появилось. С момента совершения оферты отношения сторон полностью охватываются правовым

регулированием, связанным со ст. 435 ГК РФ, к примеру у ее адресата есть право принять предложение. Если офертой установлен срок для акцепта, то по общему правилу такую оферту отозвать нельзя в течение определенного периода времени. Соответственно, если в оферте не установлен срок для акцепта, то она может быть отозвана в любой момент. В тот момент, когда стороны пришли к соглашению в отношении предмета соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, то режим действия оферты дополняется специальным режимом действия опциона на заключение договора. Так, первоначальную оферту нельзя отозвать в течение одного года, если стороны не согласовали иное, такую оферту можно передать третьему лицу и прочее. Это также означает, что опцион на заключение договора как конструкция не существовал в период до момента заключения соответствующего соглашения. Таким образом, началом действия опциона на заключение договора в данной ситуации является заключение соглашения о предоставлении опциона на заключение договора.

Для примера приведем сценарий взаимодействия двух акционеров. Один предлагает другому купить у него акции по определенной цене. Другой акционер не готов сразу принять предложение, потому что хочет еще подумать, и предлагает оференту заключить соглашение о предоставлении опциона на заключение договора сроком на один год. Первоначальный оферент соглашается с предложением адресата, но просит вознаграждение за предоставление указанного времени для принятия решения. Заключив соглашение, стороны находятся в течение одного года в отношениях, урегулированных опционом на заключение договора. Тем не менее важным является также то, что происходит по окончании указанного периода без принятия соответствующего решения об акцепте.

В рассматриваемой ситуации прекращается только соглашение о предоставлении опциона, при этом оферта остается действительной, поскольку она была надлежащим образом совершена. Оферта не была изначально связана действием соглашения о предоставлении опциона на заключение договора. Последнее лишь ввело определенный режим ее действия. В таком случае оференту для прекращения действия оферты необходимо отозвать свое предложение, если он

не хочет, чтобы у адресата оставалось право заключить договор, если иное не было согласовано сторонами. При этом в ситуации, если офертой предусмотрен срок, который действует дольше режима действия опциона на заключение договора, то такую оферту нельзя будет отозвать в течение всего срока действия, установленного для ее акцепта (см. ст. 436 ГК РФ).

Другим сценарием может быть ситуация, при которой соглашение о предоставлении опциона и оферта совершены единовременно. Это наиболее типичная ситуация для возникновения опционного отношения, которая не требует приведения отдельных примеров. Экономическая логика такой сделки обусловлена различными факторами, но прежде всего связана с намерением сторон сразу заключить опцион на заключение договора. Стороны опциона, единовременно совершая его элементы, вступают в отношения. Действие оферты напрямую (изначально) связано с соглашением о предоставлении опциона на заключение договора.

Следует полагать, что наиболее редким, в каком-то смысле специфическим, будет сценарий, при котором сначала происходит заключение соглашения о предоставлении опциона на заключение договора и впоследствии совершение оферты. В данном случае экономическая логика может состоять в попытке урегулировать отношения на будущее, когда сторона хочет установления определенного режима действия оферты при ее предоставлении в заранее установленных рамках. К примеру, представим коммерческую компанию в области юридического сервиса в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью. Участники данного общества решили предусмотреть мотивационную систему для сотрудников, связанную с их правом докупить какую-то часть доли в уставном капитале, которая заранее была выделена в другую компанию SPV (special purpose vehicle – компания специального назначения). Принимая во внимание, что юридический бизнес – многокомпонентный и состоит из разных типов работы, в том числе той, которая может быть связана с управлением, привлечением новых клиентов или оказанием услуг, они решили, что эти компоненты должны оцениваться в отношении

сотрудников. Для этого они заключили соглашение о предоставлении опциона с каждым желающим сотрудником, по которому любой сотрудник мог сделать предложение о приобретении доли в уставном капитале у SPV при условии достижения согласованных показателей эффективности. Такая структура обусловлена тем, что сотрудников много, а доля для распределения у фирмы ограничена. Соответственно, после соблюдения всех условий желающие сотрудники могут сделать предложение, а уже комитет по вознаграждению в SPV примет решение в отношении сотрудников для получения доли в компании. Соглашение о предоставлении опциона в данном случае регулирует не только условия в рамках предоставленной оферты, но и возможность, например, выкупить долю в уставном капитале обратно, если сотрудник уволится.

Следуя общей логике, получается, что в тот момент, когда оферта будет совершена, права по опциону на заключение договора возникнут, при этом само соглашение о предоставлении опциона заключается до совершения оферты. Соответственно, если обязательства о предоставлении оферты не были сформулированы (см. выше), а оферта не может быть выведена из положений такого соглашения, то конструкция будет несовершенной.

Мы полагаем, что разделение во времени таких элементов, как опционный договор (как соглашение) и обязательство, в отношении которого он заключен, взаимодействует таким же образом, как и в сценариях, описанных для опциона на заключение договора. Так, наиболее типичным вариантом возникновения отношений по опционному договору является его заключение вместе с основным обязательственным договором (см. примеры структуры опционного договора и обязательства о передаче доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества в следующем параграфе). К примеру, при заключении опционного договора в отношении договора купли-продажи акций как способа преодоления тупиковой ситуации (deadlock)[151] в акционерном обществе стороны часто

[151] Степанов Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 10. С. 60–115.

единовременно заключают, в сущности, два договора: первый договор предусматривает, что один акционер выкупает акции второго, а опционный договор предусматривает условия активации такого приобретения. Следовательно, начало действия конструкции связано с единовременным выражением элементов. Другим примером может быть ситуация, когда сначала был совершен опционный договор, а позднее его стороны вступили в отношение, которое урегулировано этим договором. Возникновение конструкции в таком случае может быть связано с наступлением согласованного условия (к примеру, норма об опционном договоре упоминает возможность его обусловленного возникновения). Наконец, опционный договор может быть заключен после возникновения основного обязательства. В таком случае начало действия конструкции должно быть связано с достижением определенных договоренностей сторон. В этом примере остается вопрос о том, требуется ли в опционном договоре дополнительно согласовать порядок приостановления (продления или изменения) осуществления прав и обязанностей, например по основному договору (на наш взгляд, без дополнительных оговорок срок действия опционного договора не может выходить за пределы срока исполнения основного обязательства). Полагаем, что в данном случае опционный договор также может изменять порядок исполнения основного обязательства как самостоятельное соглашение, предполагающее изменение условий исполнения обязательства.

Приведенная логика взаимодействия элементов конструкций в отношении сценариев, описанных выше, может быть уместна и в случаях, когда существует порок оферты и (или) соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, а также обязательства и опционного договора. Например, в ситуации, когда в оферте не указаны все существенные условия заключаемого соглашения. До тех пор, пока не будет совершена оферта в соответствующей форме, специальный (временный) режим не возникнет. Аналогичный подход уместен и в ситуации недействительности соглашения о предоставлении опциона, опционного договора и, например, договора (обязательства), в отношении которого действует опционный договор.

Подводя промежуточный вывод о начале действия опциона на заключение договора и опционного договора, нами было показано, что применительно к опциону на заключение договора по общему правилу момент начала действия связан с заключением соглашения о предоставлении опциона на заключение договора или с совершением оферты в соответствии с ним в зависимости от того, какой юридический факт наступил позднее. Что касается опционного договора, то для него по общему правилу начало действия определяется моментом заключения опционного договора (как соглашения) или возникновения обязательства, в отношении которого он заключен, в зависимости от того, что наступило позднее.

Продолжая мысль о том, что юридический механизм должен быть достаточно определенным и предсказуемым с точки зрения правовых последствий, чтобы предоставлять участникам гражданского оборота наиболее эффективные решения, мы неизбежно приходим к вопросу об основаниях прекращения конструкции опциона на заключение договора и опционного договора.

Будучи конструкцией, выраженной сложным составом из нескольких элементов, опцион на заключение договора при определенных обстоятельствах может быть прекращен либо в части, то есть посредством прекращения действия одного из элементов и (или) в целом. Иными словами, прекращение одного элемента опциона не во всех случаях прекращает другой, но прекращение любого из элементов прекращает специальный (временный) режим (оферты, обязательства).

Основания прекращения опциона на заключение могут быть самые разные, но мы попытаемся кратко рассмотреть наиболее часто встречаемые случаи прекращения данной конструкции с учетом ее специфики. Так, одной из главных причин, по которой прекращается почти каждый опцион на заключение договора, является реализация акцепта. Общая логика заключения договора предполагает, что совершенному предложению о заключении договора корреспондирует право адресата заключить договор. Право заключить договор реализуется с помощью акцепта, который должен быть полным и безоговорочным, поскольку какого-то

дополнительного уточнения сторонами условий заключаемого договора не предполагается. К примеру, чтобы избежать в этой части разногласий между сторонами, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа пояснил, что субъектам оборота необходимо «договориться обо всех параметрах основного договора уже при заключении опциона»[152].

Важно обратить внимание, что акцепт приводит к преобразованию только оферты в основной договор, но при этом действие соглашения не всегда теряет свою силу, что также свидетельствует об определенной автономии между элементами. К примеру, косвенно указывает о верности нашего мнения спорная формулировка п. 1 ст. 429.2 ГК РФ, которая закрепляет возможность заключить «один или несколько договоров» на основании опциона. Здесь важно понимать, что по общему правилу обыкновенное предложение о заключении договора не предполагает заключения нескольких договоров (см. выше определение оферты). Так, с помощью одного предложения можно заключить только один договор. Хотя можно представить предложение о заключении нескольких договоров, но это будет частным исключением, так как любой договор (соглашение) заключается посредством одной оферты и одного акцепта (см. ст. 433 ГК РФ). В этом смысле, основываясь на общей логике гражданского законодательства, традиционный подход не допускает возможности предоставить два акцепта на одну оферту, если само предложение не предполагает ее повторного акцепта. В то же время мы предполагаем, что законодательная формулировка о предоставлении права заключить «один или несколько договоров», скорее всего, относится к тому, что с помощью одного соглашения о предоставлении опциона можно урегулировать несколько предложений, что свидетельствует об установлении одного режима в отношении нескольких оферт. Тем не менее, на наш взгляд, в этом вопросе существует определенное противоречие в части толкования, поскольку п. 1 ст. 429.2 ГК РФ объясняет больше, чем сама специальная норма ГК РФ об оферте, в частности то, что в рамках одной или нескольких оферт (как содержание) могут

[152] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12 февраля 2020 г. по делу № А32-22379/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

быть заключены «один или несколько договоров», хотя это и было очевидно без дополнительных пояснений, и, скорее, вводит в заблуждение[153]. В связи с этим мы усматриваем избыточность формулировки «один или несколько» в тексте нормы. Существуют и другие ситуации, при которых действие соглашения остается в силе, например при наличии соответствующих условий о рассрочке, конфиденциальности и прочее. Таким образом, реализация права на акцепт не всегда приводит к прекращению соглашения о предоставлении опциона.

Правовыми последствиями совершения акцепта в рамках опциона на заключение договора является заключение договора, предусмотренного офертой. Стороны приобретают права и обязанности, связанные с основным договором. Если мы возьмем в качестве определяющего критерия преобразовательную способность акцепта в опционе на заключение договора, а также его правовую природу и особенность правового регулирования, то очевидно, что у акцепта нет никаких расхождений с общими правилами об акцепте в соответствии со ст. 438 ГК РФ. Таким образом, можно подытожить эту мысль, отметив, что акцепты[154] на основании ст. 429.2, 435, 438 ГК РФ являются абсолютно идентичными юридическими средствами[155]. Это еще раз подчеркивает, что норма об опционе на заключение договора распространяется исключительно на режим действия оферты (права заключить договор).

Другим распространенным основанием прекращения опциона на заключение договора следует считать ситуацию, при которой право по опциону на заключение договора не востребовано, то есть в течение всего срока, предоставленного в рамках режима, введенного соглашением, держатель не реализовал свое право на акцепт. Предполагается, что опцион на заключение договора прекращается автоматически при истечении срока действия, хотя, на наш взгляд, многое зависит

---

[153] См.: Мурдалов Д. Р. Некоторые правовые аспекты опциона на заключение договора // Юридический мир. 2025. № 6. С. 37–40.

[154] Акцепт (как и оферту – см. выше) можно рассматривать как особую разновидность юридического факта, который является частью юридического состава, необходимого для заключения договора, и как одностороннюю сделку.

[155] Акцепт не является частью конструкции опциона на заключение договора, т.к. является частью юридического состава заключения договора.

от содержания условий его элементов. Так, если в документах отсутствуют определенные оговорки о прекращении оферты в связи с истечением срока опциона, то при прекращении опциона в связи с рассматриваемым основанием оферта не может прекратить действие сама по себе, поскольку это правомочие стороны ее совершить и отозвать. Таким образом, для прекращения права заключить договор по истечении срока может быть необходимость прямо или косвенно выразить волю для отзыва оферты.

Похожий подход может существовать и при иных основаниях прекращения рассматриваемого механизма. К примеру, опцион может быть прекращен соглашением сторон. Это общее основание, у которого нет каких-то существенных ограничений или противоречий.

В ситуации добровольного прекращения опциона на заключение договора логика механизма вполне сбалансированная, она учитывает как особенности взаимодействия элементов конструкции, так и интересы сторон. Тем не менее если прекращение опциона связано с иными причинами, то паритет интересов сторон менее выраженный.

Представим, что держатель опциона сам совершил отказ от оферты или осуществил акцепт оферты на иных условиях, тогда остается ли у него право совершить акцепт по опциону? На наш взгляд, при отказе адресатом от оферты должно применяться общее правило о прекращении оферты. Так, оферта прекращает свое действие с момента получения оферентом отказа акцептовать оферту[156]. А. Г. Карапетов также выразил мнение о том, что отказ от опциона будет приводить к прекращению оферты[157]. Продолжая эту мысль, к акцепту на иных условиях должно применяться правило ст. 443 ГК РФ, которое также устанавливает прекращение оферты в связи с отказом. Таким образом, при отказе от оферты каким-либо способом ее действие в рамках опциона прекращается. Мы полагаем,

---

[156] См.: п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

[157] Карапетов А. Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 49–72.

что в данном сценарии действия соглашения о предоставлении опциона может зависеть от его условий.

На контрасте в американской доктрине существует позиция о том, что ни отказ от оферты, ни встречное предложение не влияют на действие оферты в опционе, но вместе с этим есть и противоположное мнение о том, что действие оферты прекращается при подобных обстоятельствах[158]. В одном случае все объясняется договорным характером опционов в системе общего права, а в другом – общими основаниями прекращения оферты. Как видно, снова появляется проблема восприятия конструкции опционов (см. выше).

Особенно наглядно данная проблема раскрывается при прекращении опциона на заключение договора в связи со смертью или ликвидацией одной из сторон. В этой части, на наш взгляд, основной конфликт интересов состоит в возможности перехода прав по опциону к правопреемникам. Мы уже рассматривали природу прав и возможности их перехода, сделав вывод о том, что несамостоятельные секундарные (преобразовательные) права могут переходить вместе с правом требования, например опционный договор, а самостоятельные (преобразовательные) права могут только в силу законодательного исключения, например опцион на заключение договора. Это правило, насколько мы понимаем, распространяется и на случаи смерти или ликвидации и является универсальным для любой оферты, предоставляющей адресату секундарное (преобразовательное) право. При этом право по опциону представляет собой смешанное право, которое предоставляет возможность его передать третьему лицу.

Существует два варианта развития событий при смерти или ликвидации, к примеру держателя опциона (на заключение договора): либо он (опцион) прекращается, либо переходит к правопреемникам. Отметим, что по общему правилу оферта (право заключить договор) прекращается со смертью лица, которое ее совершило. Так, представляется некорректным, если бы договор заключался на

---

[158] См.: Cozzillio M. J. The Option Contract: Irrevocable Not Irrejectable // Catholic University Law Review. 1990. Vol. 39, No. 2. P. 491–523. URL: https://scholarship.law.edu/lawreview/vol39/iss2/7 (дата обращения: 01.03.2025).

основании оферты в отсутствии субъекта права как стороны (п. 1 ст. 433 ГК РФ). Другими словами, с технико-юридической точки зрения оферта не может переходить по наследству или правопреемнику юридического лица. В то же время суррогатный характер права, предоставляемого в силу опциона на заключение договора, проявляется в возможности его уступки. Тем не менее мы полагаем, что возможность уступки в опционе на заключение договора существует в рамках законодательного исключения, поэтому сам факт такой возможности не должен менять устоявшихся подходов к природе элементов конструкции. Это также означает, что оферту по опциону нельзя принять, если одна из сторон умерла или ликвидирована, в отсутствие законодательной регламентации.

У данной позиции могут быть противники, которые воспринимают опцион на заключение договора как обязательственную конструкцию и будут ссылаться, например, на ст. 418 и 1112 ГК РФ, которые свидетельствует о том, что обязательство не прекращается смертью должника, если исполнение может быть произведено без его личного участия, а право по опциону относится к имущественному праву (по мнению автора, придание опционному праву имущественного характера имеет ряд негативных последствий, в том числе налоговых и др.), которое входит в состав наследственной массы. Вдобавок существует практика судов, которая указывает на то, что предварительный договор, который часто сравнивают с опционом на заключение договора, может переходить к правопреемникам, объясняя это тем, что гражданское законодательство не содержит запрета на переход обязанности заключить основной договор в порядке наследования к наследникам, принявшим наследство, если обязательство, возникшее из договора, не связано неразрывно с личностью должника[159]. На наш взгляд, справедливо, что для опциона на заключение договора никакого личного участия, как правило, не требуется. Более того, право заключить договор действительно имеет определенный имущественный характер (например, опционное право sui generis), однако опцион на заключение договора не содержит

[159] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 мая 2019 г. по делу № 56-КГ19-2 // СПС «КонсультантПлюс».

обязательств (в том числе связанных с заключением договора) и состоит из оферты и соглашения о введении в отношении нее специального режима.

На наш взгляд, прекращение опциона в связи со смертью или ликвидацией одной из сторон не является социально справедливым результатом, но при этом такой подход поддерживает юридическую стабильность элементов конструкции (общие правовые аспекты оферты и соглашения). В связи с этим полагаем, что для соблюдения последовательности в отношении конструкции опциона на заключение договора необходимо в соответствующей норме (ст. 429.2 ГК РФ) добавить, наряду с уступкой прав по опциону, также возможность перехода опциона в рамках универсального правопреемства.

Что касается прекращения опционного договора по аналогичным обстоятельствам (случаи универсального правопреемства), которые мы рассмотрели для опциона на заключение договора, то нет никаких препятствий к переходу прав по нему к правопреемникам в рамках наследования или процедур ликвидации юридического лица. Такое право, как мы уже обращали внимание, представляет собой по сути несамостоятельное секундарное (преобразовательное) право, переход которого возможен вместе с правом требования. На наш взгляд, режим, вводимый в отношении обязательства, будет переходить вместе с имущественным правом по общим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством.

Опционный договор может быть прекращен посредством соглашения сторон, однако наиболее общим основанием его прекращения является истечение времени либо установленного сторонами, либо сроком исполнения обязательства. Если основываться на подходе, при котором опционным договором вводится режим действия исполнения обязательств, то при прекращении договора прекращается только режим, при этом обязательства остаются, если иное не было согласовано должником и кредитором. В этом смысле стороны обладают широким кругом возможностей для того, чтобы предусмотреть основания прекращения основного обязательственного отношения, например с помощью п. 3 ст. 407 ГК РФ. Вместе с тем существует и обратная корреляция.

Мы уже отмечали, что опционный договор связан с существованием того обязательства, в отношении которого он заключен, что указывает на то, что он прекращается при любом прекращении основного обязательства. Здесь важно понимать связанность исполнения и содержания обязательств. К примеру, в соответствии со ст. 408 ГК РФ обязательство прекращается в связи с исполнением основного обязательства. Данное основание прекращения обязательства в период действия опционного договора актуально только в том случае, если соответствующее требование будет заявлено в рамках права по опциону, если иное не было согласовано сторонами.

Существуют и иные основания прекращения обязательства, в том числе, но не ограничиваясь, в связи с отступным (ст. 409 ГК РФ), совпадением должника и кредитора в одном лице (ст. 413 ГК РФ), новированием обязательства (ст. 414 ГК РФ), прощением долга (ст. 415 ГК РФ) и прочее. Такие основания прекращения обязательства, как правило, требуют согласованного волеизъявления сторон, в отличие, например, от тех, которые не зависят, к примеру в случае зачета (ст. 410 ГК РФ), невозможности исполнения (ст. 416 ГК РФ), решения госоргана (ст. 417 ГК РФ). Все названные основания прекращения основного обязательства также прекращают опционный договор, который был заключен в отношении порядка их исполнения. Соответственно, логика соотношения элементов состоит в том, что при прекращении обязательства опционный договор также прекращается.

Более того, мы полагаем, что любое изменение обязательства в части предмета обязанности (то есть того действия, которое необходимо совершить) будет приводить к прекращению опционного договора. Это объясняется тем, что опционный договор связан с исполнением определенного действия в рамках обязанности, предусмотренной обязательством, изменение которого влечет невозможность требования измененного действия.

Приводя к единству выраженные выводы, заключим, что определение временных параметров действия опциона на заключение договора и опционного договора может осуществляться на основе критерия единовременной комплектности элементов конструкции: для начала действия – наступление более

позднего из составляющих конструкцию элементов; для прекращения действия – прекращение первого из составляющих конструкцию элементов. Отсутствие любого из элементов конструкции препятствует активации специального (временного) правового режима, однако не исключает самостоятельную действительность элементов вне рамок конструкции. Также в параграфе была выявлена проблема прекращения опциона на заключение договора в связи с ликвидацией и смертью держателя опциона, что обусловливает необходимость дополнения п. 7 ст. 429.2 ГК РФ положениями о переходе прав по опциону в порядке универсального правопреемства.

ГЛАВА 3. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА И ОПЦИОННОГО ДОГОВОРА В СДЕЛКАХ С ДОЛЯМИ В УСТАВНЫХ КАПИТАЛАХ (АКЦИЯМИ) ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

§ 3.1. Влияние правового режима сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ на опционные сделки

Одну из причин востребованности опционных сделок в корпоративных отношениях можно связать с гибкостью их применения, которая так ценится участниками профессионального оборота. Однако наиболее ценным качеством любой конструкции, используемой для регулирования корпоративных отношений, является возможность достигнуть прогнозируемого результата. Чтобы понять, насколько опционы гармонично отражают свою цель существования для участников и акционеров хозяйственных обществ, необходимо преломить результаты нашего исследования в предыдущих главах диссертационного исследования на сделки с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ **(«доли (акции)»)**.

Прежде всего необходимо объяснить, как мы понимаем опционные сделки с долями (акциями) хозяйственных обществ. Так, мы уже обращали внимание на то, что опцион на заключение договора и опционный договор являются универсальными конструкциями. Последнее проявляется в том, что они могут опосредовать заключение и исполнение практически любых договоров, в том числе тех, которые регулируют отношения, связанные с передачей доли (акций). При этом, как мы уже выяснили в предыдущих частях исследования, опционы используются по-разному. Так, конструкция опциона на заключение договора опосредует именно заключение договора, а конструкция опционного договора опосредует исполнение обязательств.

Для того чтобы рассматривать опцион на заключение договора и опционный договор в одном контексте, у них должна быть единая функциональная направленность. В связи с этим нам необходимо адаптировать опционный договор

как более гибкий механизм таким образом, чтобы он соответствовал опциону на заключение договора. Существует два основных способа достижения с помощью опционного договора результата, похожего на действие опциона на заключение договора.

Первый способ предполагает, что стороны заключают опционный договор, в котором секундарное (преобразовательное) волеизъявление обуславливает начало исполнения обязательства, исполнение которого является триггером для возникновения встречных обязательств. В случае если сторона не заявит свое право в рамках опционного договора, договор, в отношении исполнения которого он заключен, прекращает действие. Приведем пример: опционный договор купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью предполагает два договора – опционный договор (необходимо договориться об опционном договоре) и договор купли-продажи доли в уставном капитале (необходимо договориться о купле-продаже). Опционный договор управомочивает своего держателя потребовать совершения действия, которым в договоре купли-продажи может являться либо передача доли в уставном капитале, либо передача денег. Для продолжения примера используем передачу денег, после которой производится передача доли в уставном капитале на основании распорядительной сделки. При этом по условиям договоренностей сторон, если держатель опциона не заявит свое право, договор купли-продажи прекращается. Здесь следует сразу отметить, что использование опционного договора в договоре купли-продажи потребует заключения также распорядительной сделки, в рамках которой доля общества с ограниченной ответственностью может быть передана потенциальному покупателю. На контрасте опцион на заключение договора в аналогичной ситуации не требует совершения отдельной распорядительной сделки ввиду предусмотренного Законом об ООО исключения для этой конструкции.

Второй способ строится на сочетании элементов предварительного договора и опционного договора. К примеру, такая структура опционного договора и

отношения использовалась в деле, рассмотренном АС Поволжского округа[160]. В данном способе планирования отношений опционный договор встраивается в обязательственный предварительный договор в части сроков исполнения обязательств, связанных с заключением договора в будущем[161].

В приведенных выше примерах опционный договор будет выполнять похожую на опцион на заключение договора функцию, и в таком случае обе конструкции можно исследовать (функционально) как единый тип конструкций, опосредующих заключение (исполнение) соответствующего договора.

По мере изложения результатов нашего исследования мы часто обращали внимание на многосоставный характер опциона на заключение договора и опционного договора. В настоящей главе для удобства восприятия информации мы рассматриваем опцион на заключение договора и опционный договор вместе (далее – **опционная сделка**) как конструкции, опосредующие преимущественно заключение (исполнение) договора, направленного на передачу доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества. При этом мы вводим термин «**основной договор»**, который применительно к опциону на заключение договора относится к оферте в рамках одноименной конструкции, а применительно к опционному договору – договор, в отношении исполнения обязательств которого совершается опционный договор. Также в некоторых частях исследования мы используем термин «**опционные соглашения**», к которому относится соглашение о предоставлении опциона (как соглашение) и опционный договор (как соглашение). Соответственно, воздействие опционного соглашения на основной договор и их взаимодействие в единстве представляет собой опционную сделку.

Определившись со структурой опционной сделки и используемой терминологией, нам необходимо уточнить, какие договоры (сделки) направлены на

---

[160] См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 9 ноября 2023 г. по делу № А57-23987/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[161] На основе приведенного дела (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 9 ноября 2023 г. по делу № А57-23987/2022) усматривается проблема квалификации опционного договора, которую в прошлых частых исследования мы предложили решить посредством восприятия опционного договора как конструкцию, устанавливающую специальный (временный) режим исполнения обязательства.

передачу доли (акций), в отношении которых могут использоваться рассматриваемые конструкции. Для начала нам необходимо систематизировать перечень таких договоров, поскольку существует большое количество оснований, связанных с передачей доли (акций) хозяйственного общества.

Можно выстроить следующую логику на примере сделок с долями в уставных капиталах ООО. Так, в соответствии с п. 1 ст. 21 Закона об ООО переход доли или части доли в уставном капитале общества осуществляется на основании сделки. При этом п. 2 этой же нормы устанавливает, что участник общества вправе продать или осуществить отчуждение иным образом своей доли или части доли в уставном капитале общества. Как известно, понятие сделки шире понятия договора, а понятие перехода шире понятия отчуждения. В связи с этим в отношении именно договоров с долями в уставных капиталах мы полагаем, что все договоры можно условно разделить на две группы договоров, которые направлены на (А) отчуждательный переход и (Б) временную передачу доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества. К первой группе (А) мы относим договоры купли-продажи, мены, дарения и иные сделки, связанные с отчуждением доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества, а ко второй (Б) – договоры залога и доверительного управления. Обратим внимание, что в рамках данного подхода мы не рассматриваем деление сделок на обязательственные и распорядительные, поскольку они связаны в нашем случае как причина и следствие.

Опционные сделки в отношении доли (акций) хозяйственного общества, также можно разделить на (А) – те, что связаны с отчуждением доли в уставном капитале (акций), и (Б) – те, что связаны с временной передачей доли (акций) хозяйственного общества. Важно еще раз подчеркнуть, что опционные сделки являются юридическими конструкциями, которые регулируют отношения, связанные с наделением своего держателя правом на заранее определенных условиях заключить основной договор или определить момент его исполнения, то есть экономическая целесообразность состоит в наличии права в течение определенного времени (период времени до реализации права). В ракурсе нашего

исследования такие отношения опосредуют заключение или исполнение договоров, связанных с переходом доли (акций). В таком случае все опционные сделки с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ можно для удобства разделить по характеру основного договора на следующие[162]: (А) *опционные сделки, опосредующие заключение или исполнение отчуждательной сделки доли в уставном капитале (акций),* которые включают в себя, в том числе опционные сделки, опосредующие заключение (исполнение) таких договоров, как: договор купли-продажи, мены, дарения доли (акций), а также иные договоры (например, соглашение об отступном, соглашение о разделе имущества между супругами и др.); (Б) *опционные сделки, опосредующие заключение или исполнение сделок о временной передаче доли в уставном капитале (акций)*, которые включают в себя в том числе опционные сделки, опосредующие заключение (исполнение) договора доверительного управления доли в уставном капитале (акций).

Опционные сделки, опосредующие заключение или исполнение отчуждательной сделки и сделки о временной передаче доли (акций), имеют некоторые общие правовые аспекты и требуют на практике соблюдения режима, предусмотренного гражданским законодательством для сделок с долями (акциями). Прежде всего речь идет о юридических процедурах, которые необходимо соблюсти сторонам опционной сделки для обеспечения баланса своих интересов, баланса интересов между участниками (акционерами), третьими лицами, публичными интересами. К таким процедурным аспектам режима, имеющим эссенциальное значение для совершения опционных сделок относятся: во-первых, ограничения, связанные с согласиями третьих лиц и с преимущественными правами участников (акционеров)[163]; во-вторых, вопросы формы сделки, предусмотренной для сделок с долями (акциями), как общеправовой аспект соблюдения интересов всех третьих лиц и сторон сделки.

---

[162] Настоящая классификация не учитывает договор залога доли в уставном капитале (акций) хозяйственных обществ, который может предполагать временную передачу доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества, но не может рассматриваться вне обеспечиваемого им обязательства.

[163] Вопросы корпоративных прав участников рассматриваются в следующем параграфе диссертационного исследования.

Обеспечение интересов третьих лиц. Помимо аспекта, связанного с формой опционной сделки, режим оборота доли (акций) хозяйственных обществ накладывает определенные ограничения на совершение опционных сделок, опосредующих заключение и исполнение сделок с долями (акциями). Указанные ограничения прежде всего касаются обеспечения баланса интересов различных заинтересованных субъектов.

К таким регуляторным ограничениям можно отнести, например, внутрикорпоративный разрешительный порядок совершения сделок, которые могут привести к отчуждению доли (акций), что включает в себя опционные сделки, опосредующие заключение или исполнение договора в отношении доли (акций). Как правило, специальный порядок предусматривается уставом непубличных хозяйственных обществ, в которых доля (акции) может перейти к третьему лицу. К примеру, уставом непубличного общества может быть закреплен разрешительный порядок отчуждения доли (акций), который предполагает получение согласия остальных участников (акционеров) общества (и (или) самого общества) на совершение сделки. Более того, уставом непубличного общества может быть предусмотрен запрет на всякое отчуждение или переход доли (акций). При этом в публичном обществе такие ограничения не могут быть установлены. Разрешительный порядок совершения опционных сделок с долями (акциями) призван обеспечить интересы участников (акционеров) непубличного общества и сохранить состав участников (акционеров).

Следующие ограничения, которые могут касаться опционных сделок, опосредующих заключение или исполнение договоров в отношении доли (акций), связаны со статусом сторон опционной сделки. Если стороной сделки выступает, например, корпоративная организация, то такая сделка может потребовать одобрения ее органов управления на совершение сделки. Если стороной сделки выступает физическое лицо, состоящее в браке, то ему (ей) может понадобиться получить согласие супруга на заключение опционной сделки. Например,

в соответствии с п. 3 ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ)[164] для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие супруга. Применительно к опционным сделкам распорядительного характера с долями в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью, для которых предусмотрена обязательная нотариальная форма, это означает необходимость получить согласие на совершение сделки от другого супруга. При этом лучшие практики предполагают также получение рассматриваемых согласий в отношении сделок, которые не требуют нотариальной формы для сделки.

Третий тип ограничений, накладываемый в связи с применением режима оборота доли (акций), связан с публичными интересами. Сюда относится достаточно широкая группа ограничений на совершение опционных сделок, опосредующих заключение или исполнение договоров в отношении доли (акций). При этом ограничения возникают не для всех опционных сделок с долями (акциями), а только для тех, которые могут быть квалицированы в соответствии с законом как имеющие высокий уровень вовлеченности государственных интересов, например в области конкуренции, обороны, недропользования и др. К примеру, опционная сделка с долей (акциями) потенциально может требовать предварительного одобрения антимонопольного органа как подпадающая под ст. 28 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[165] и (или) ст. 7 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности

[164] Семейный кодекс Российской Федерации – Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. № 17.

[165] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3434.

государства»[166]. К этой группе ограничений также можно отнести сделки, одобряемые Правительственной комиссией или Банком России в связи с Распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц»[167], Указом Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций»[168], Указом Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации»[169] и Указом Президента РФ от 8 сентября 2022 г. № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами»[170].

Нарушение порядка совершения опционных сделок с долями (акциями) в части разрешений и одобрений, требуемых для ее совершения, может привести к ее недействительности по различным основаниям для оспоримых сделок, например при отсутствии согласия органов управления (п. 1 ст. 173.1 ГК РФ), а также ничтожных сделок, например нарушающих публичный порядок в части совершения сделки с недружественным нерезидентом (п. 2 ст. 168 ГК РФ).

---

[166] Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18, ст. 1940.

[167] Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

[168] Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СПС «КонсультантПлюс».

[169] Указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10, ст. 1466.

[170] Указ Президента РФ от 8 сентября 2022 г. № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами» (в ред. от 15 октября 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 37, ст. 6316.

Форма опционной сделки. К опционной сделке по общему правилу применяются правила о форме для сделок и договоров. Особенность наличия нескольких элементов в опционных сделках позволяет анализировать преломление формы сделок и договоров как в контексте всей конструкции, так и на уровне отдельных ее элементов, например опционное соглашение и основной договор.

Форма сделки (договора) представляет собой способ выражения воли лица (лиц) на совершение сделки (договора) и ее (его) содержание[171]. Данной тематике в ГК РФ отведено несколько норм. Если кратко резюмировать их содержание, то в соответствии со ст. 158 ГК РФ сделки могут совершаться устно (ст. 159 ГК РФ) и письменно (ст. 160 ГК РФ). Последние могут быть совершены в простой (ст. 161 ГК РФ) или квалифицированной (нотариальной) формах (ст. 163 ГК РФ). К вопросу формы также относится заключение договора (оформление) в виде обмена сообщениями или единого документа, который подписан сторонами (ст. 434 ГК РФ).

Генеральное отличие устной, простой письменной и нотариальной формы (а также способа оформления договора в виде единого документа или обмена сообщениями) друг от друга состоит в степени строгости процедур, которые необходимо соблюсти, чтобы выразить волю, что, в свою очередь, обеспечивает защиту интересов сторон сделки и третьих лиц.

Закон устанавливает некоторые ограничения и оговорки для использования той или иной формы. К примеру, для отдельных видов договоров может быть предусмотрена только письменная форма или нотариальная, поэтому существуют определенные правила об иерархии их применения. Эти правила, прежде всего, основаны на толковании[172] гражданско-правовых принципов lex specialis derogat generali[173] («о приоритете специальной нормы над общей») и «свободы

---

[171] См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2025 г. № 19-КГ25-5-К5 (УИД 26RS0028-01-2024-000225-37) // СПС «КонсультантПлюс».

[172] См., например: Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

[173] См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Симакова Сергея Ивановича

договора»[174]. В случае того или иного заключаемого договора это означает, что к нему применяются в первую очередь правила о форме, предусмотренные специальными нормами (e. g., ст. 1017 ГК РФ), а потом общие нормы (e. g., п. 1 ст. 161 ГК РФ), применимые к договорам и сделкам. При этом также важно учитывать свободу договора и разъяснения Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) о ней, которые обеспечивают эффект храпового механизма, в том числе когда требуемый нормой минимально допустимый императив может быть изменен соглашением в сторону более высоких требований[175]. Для формы договора это означает возможность договориться о более строгой степени формализма, чем та, что установлена законом. К примеру, А. Н. Танага отмечает, что диспозитивность формы договора, для которого требуется простая письменная форма, раскрывается в возможности придать сделке нотариальную форму[176]. Симметричный подход, на наш взгляд, должен применяться и к опционным соглашениям с учетом особенностей их связанности с основным отношением.

Форма опционного соглашения связана с основным договором, подлежащим заключению или исполнению. В частности, для опциона на заключение договора п. 5 ст. 429.2 ГК РФ устанавливает общее правило о том, что он совершается в форме, установленной для договора, подлежащего заключению. При этом для опционного договора (как соглашения) аналогичных правил не предусмотрено, но мы полагаем, что ввиду неразрывной связанности опционного договора с договором, в отношении которого он заключается, к форме опционного договора должны применяться правила такие же, как и к опциону на заключение договора. Другими словами, общее правило для опционного договора (как соглашения) должно состоять в том, чтобы он совершался в форме, установленной для договора

на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».

[174] См.: Танага А. Н. Момент заключения договора в российском гражданском праве : монография. М. : Проспект, 2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[175] См. п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах».

[176] Танага А. Н. Указ. соч.

(обязательства), в отношении которого он устанавливает специальный режим исполнения.

Следует отметить, что многосоставной характер рассматриваемых конструкций и отсутствие четких правил, регламентирующих их действие, иногда приводят к менее однозначным выводам. Так, наличие единовременно нескольких относительно автономных элементов в конструкции опциона вынуждает задаться вопросом о том, могут ли они быть выражены в разной форме. К примеру, когда речь касается императивного требования нормы к форме договора, подлежащего заключению или исполнению в рамках опционной сделки, то могут возникать противоречивые мнения. Рассмотрим этот вопрос на примере опционных сделок, опосредующих заключение (исполнение) отчуждательных сделок с долями.

В соответствии с абз. 1 п. 11 ст. 21 Закона об ООО сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, подлежит нотариальному удостоверению путем составления одного документа, подписанного сторонами. При этом абз. 4 п. 11 ст. 21 Закона об ООО устанавливает, что сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, во исполнение опциона на заключение договора может быть совершена путем отдельного нотариального удостоверения оферты (в том числе путем нотариального удостоверения соглашения о предоставлении опциона на заключение договора[177]), а впоследствии нотариального удостоверения акцепта.

Следует сразу обратить внимание, что в отечественном правопорядке существует разделение сделок с долями в обществах с ограниченной ответственностью на обязательственные и распорядительные, в рамках которого предполагается, что обязательственная сделка с долей не требует нотариального удостоверения, а распорядительная – требует. Сначала такой подход был

[177] По мнению автора диссертации, абз. 4 п. 11 ст. 21 Закона об ООО (с учетом общих положений ГК РФ) позволяет оформить опцион на заключение договора, связанного с передачей доли в уставном капитале, тремя способами: первый – заключение соглашения о предоставлении опциона, которое включает в себя совершение оферты; второй – заключение соглашения о предоставлении опциона и совершение оферты в разное время; третий – совершение оферты о заключении соглашения о предоставлении опциона, которое включает в себя оферту заключить договор (принцип двухуровневой оферты).

сформулирован в доктрине[178]. Впоследствии и в некоторых судебных решениях стали появляться отголоски этой позиции из теории. В одном из своих решений Арбитражный суд Центрального округа объяснил, что «нотариальному удостоверению подлежит договор, в рамках которого переходит право на долю в уставном капитале, а не договор, которым предусматривается обязательство распорядиться долей в будущем при наступлении определенного условия, поскольку он не обладает распорядительным эффектом»[179]. Применительно к опциону на заключение договора это означает, что его совершение в нотариальной форме не требуется, если договор, подлежащий заключению, имеет обязательственный характер, но при этом при распорядительной сделке такая форма является единственно возможной. Для опционного договора и договора, в отношении которого он заключается, по общему правилу не требуется нотариальная форма, потому что они всегда имеют характер сделки, в которой отсутствует распоряжение долей в уставном капитале при заключении соответствующего договора. При этом для опциона на заключение договора, как видно из приведенного выше правила, распорядительный эффект может наступать при акцепте оферты в рамках конструкции.

Определившись с общими правилами применения нотариальной формы в сделках с долями в обществах с ограниченной ответственностью, необходимо установить, на какие элементы опционной сделки распространяется форма, предписываемая для договора, подлежащего заключению или исполнению. Применительно к опциону на заключение договора существует доктринальная позиция о том, что соглашение о предоставлении опциона может заключаться в форме менее строгой, чем оферта и акцепт, когда для договора установлена специальная форма. Так, С. Ю. Филиппова и Н. В. Козлова полагают, что применительно к опциону на заключение отчуждательной сделки (купля-продажа,

---

[178] См.: Карапетов А. Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 49–72; Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 51–107.

[179] См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 ноября 2024 г. по делу № А35-6164/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

мена, дарение) в отношении доли в уставном капитале нотариальному удостоверению подлежит только оферта и акцепт[180]. При этом ученые допускают, что соглашение о предоставлении опциона не требует нотариальной формы и может быть совершено в простой письменной форме[181]. Тем самым приводится позиция о том, что если закон устанавливает форму для основного договора, то оферта и акцепт во исполнение опциона совершаются по форме, установленной для договора, подлежащего заключению, а соглашение о предоставлении опциона может быть совершено в иной форме, в том числе менее строгой, чем требуется для основного договора. Такое мнение достаточно распространенное[182]. Более того, мы предполагаем, что позиция ученых по аналогии может распространяться и на опционный договор (как соглашение), заключаемый в отношении исполнения обязательств в рамках основного договора.

Полагаем, что позиция о делении сделок на распорядительные и обязательственные сделки в отношении долей в уставных капиталах, требующих нотариального удостоверения, может отчасти объяснить причину, по которой некоторые считают, что нотариальному удостоверению подлежат оферта и акцепт, а соглашение о предоставлении опциона на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале непубличного общества как соглашение, не имеющее распорядительного эффекта, не должно нотариально удостоверяться. Дополнительным основанием, которое может лежать в основе приведенного мнения, следует считать неоднозначные формулировки абз. 4, п. 11, ст. 21 Закона об ООО. Из текста указанной нормы прямо следует, что оферта и акцепт в рамках опциона на заключение договора требуют нотариального удостоверения,

---

[180] См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 т. / В. А. Вайпан, А. В. Габов, Е. П. Губин [и др.]; под ред. И. С. Шиткиной. М. : Статут, 2021. Т. 1. 622 с. Автор комментария к ст. 21 – С. Ю. Филиппова, Н. В. Козлова // СПС «КонсультантПлюс».

[181] Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: гражданско-правовые проблемы правового режима и оборота. М. : Статут, 2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[182] См.: Бродский А. А. Сделки с долями в ООО: цена распоряжения // Закон. 2023. № 2. С. 143–153.

но не представляется возможным установить, подлежит ли соглашение о предоставлении опциона вне оферты такому удостоверению[183].

На наш взгляд, подход ученых может быть переосмыслен в контексте той правовой природы, которую мы задали в предыдущих частях исследования, как противоречащий п. 5 ст. 429.2 ГК РФ. К примеру, из буквального толкования п. 1 названной статьи ГК РФ следует, что опцион на заключение договора состоит из двух элементов (юридических фактов), которые в своем взаимодействии предназначены передать право заключить договор одной стороне. Именно такая взаимосвязь элементов называется опционом на заключение договора, для которого п. 5 ст. 429.2 ГК РФ предусмотрена форма, требуемая для основного договора. Применительно к распорядительному договору купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью такой формой считается нотариальная. Следовательно, для опциона на заключение одноименного договора, в том числе соглашения о предоставлении опциона и оферты, потребуется соблюсти предписанную форму.

На концептуальном уровне мы также видим, что соглашение о предоставлении опциона выполняет заданную функцию, состоящую в установлении режима действия оферты, а не обязательственных отношений, которые упоминаются некоторыми представителями науки[184].

Можно также аргументировать нашу позицию обратной логикой. Так, Закон об ООО не предусматривает возможности совершения отчуждательной сделки в отношении доли в уставном капитале посредством оферты и акцепта, в том числе при реализации преимущественного права при продаже доли в уставном капитале хозяйственного общества[185]. При этом на основании оферты и акцепта

---

[183] Сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, во исполнение опциона на заключение договора может быть совершена путем отдельного нотариального удостоверения безотзывной оферты (в том числе путем нотариального удостоверения соглашения о предоставлении опциона на заключение договора), а впоследствии нотариального удостоверения акцепта (абз. 4, п. 11, ст. 21 Закона об ООО).

[184] См.: Бродский А. А. Указ. соч. С. 143–153.

[185] См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 мая 2017 г. по делу № А71-14645/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

во исполнение опциона на заключение договора может осуществляться распорядительное отчуждение доли в уставном капитале (абз. 4, п. 11, ст. 21 Закона об ООО). Другими словами, закон подчеркивает возможность совершения такой сделки только на основании всей конструкции в определенной форме.

Среди прочих аргументов, которые можно положить в основу позиции о необходимости соблюдения формы, в отношении приведенного примера с долями в уставных капиталах, следует считать невозможность проверки нотариусом законности элементов опциона на заключение договора. Так, нотариальное удостоверение конструкции опциона подразумевает проверку законности сделки, в том числе, но не ограничиваясь, наличия у каждой из сторон права на ее совершение (см., например, ст. 43, 45, 48 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1[186]). Применительно к опциону на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале важно, чтобы нотариус проверил соблюдение требований законодательства на момент заключения соглашения о предоставлении опциона, а также совершения оферты и акцепта, потому что это позволит ему удостовериться в законности всей конструкции.

Вдобавок важно понимать, что на практике существует достаточно ригидная позиция о возможности совершения в разной форме составных частей договора. Так, Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ отметила, что «договор должен быть заключен в какой-либо одной форме по выбору контрагентов, возможности заключения одной сделки или одного договора одновременно в нескольких формах закон не предусматривает»[187]. Такое мнение судебной инстанции выразила об устном обязательстве, которое было согласовано сторонами дополнительно к письменному договору. Помимо этого, существует и позиция Конституционного Суда РФ, которая упоминает, что требования к форме сделок и

---

[186] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. 1993. № 49.

[187] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2025 г. № 19-КГ25-5-К5 (УИД 26RS0028-01-2024-000225-37) // СПС «КонсультантПлюс».

последствий ее несоблюдения имеют целью обеспечение правовой определенности при их совершении[188]. В связи с этим использование разных форм в отношении элементов единой конструкции вряд ли можно назвать соответствующим принципу правовой определенности. Не вызывает сомнений, что суды могут адаптировать подобную логику и распространить ее действие на опционы, квалифицируя его элементы как один (единый) договор. На наш взгляд, такой подход чрезмерно строгий и было более гибко применять разную форму с учетом принципов иерархии форм, когда элементы конструкции могут совершаться в разной форме, но не менее строгой, чем та, что установлена законом. Тем не менее мы понимаем, что не существует веской причины для совершения элементов единой конструкции в разной форме, и при сопоставлении принципов свободы договора и принципа правовой определенности в рассматриваемом контексте последний, на наш взгляд, имеет приоритет.

Другой вопрос, который может возникнуть на практике и который отчасти связан с предыдущей проблемой, – это способ оформления договора в виде обмена сообщениями или единого документа, который подписан сторонами. Что касается обмена сообщениями, то это наиболее гибкий способ оформления опциона в силу многообразия возможностей. Так, в ст. 160 ГК РФ главный акцент делается на достоверности определения лица, выразившего волю в каком-либо письменном виде (e. g., с помощью электронных и технических средств связи). Когда для основного договора предусмотрена форма единого документа, подписанного сторонами, то оформление опционной сделки может быть осложнено.

Речь идет о п. 4 ст. 434 ГК РФ, в рамках которого предусматривается, что в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон, договор в письменной форме может быть заключен только путем составления одного документа, подписанного сторонами договора. В силу закона такая форма

---

[188] Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гнездилова Алексея Владимировича, Гнездиловой Анны Владимировны и Плющевой Евгении Анатольевны на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 160, пунктом 1 статьи 161, пунктом 2 статьи 162, статьей 362 и пунктом 1 статьи 432 Гражданского кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

предусмотрена, к примеру, для корпоративного договора (п. 3 ст. 67.2 ГК РФ), договоров, направленных на распоряжение долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (ст. 19.1, 21 Закона об ООО) и др.

Если представить опционную сделку в отношении одного из вышеназванных договоров, то возникает два последовательных вопроса. Во-первых, сам опцион требует формы как для договора, подлежащего заключению или исполнению, то есть «путем составления одного документа, подписанного сторонами»[189]. Применительно к опционным сделкам это означает, что опционное соглашение и основной договор не могут быть разорваны во времени в силу требований о едином документе. Во-вторых, когда отношение касается опциона на заключение договора, то в обычной ситуации реализация опционного права приводит к автоматическому заключению договора. Однако в случае, когда требуется единый документ, который подписывается сторонами, форма в отношении основного договора при совершении акцепта не соблюдается, что по общему правилу требует также оформления единого договора, подлежащего заключению. К примеру, подобная проблема до сих пор существует в рамках реализации преимущественного права участников в связи с продажей доли в уставном капитале третьему лицу. Так, лицо, намеренное осуществить возмездное отчуждение доли в уставном капитале должно посредством оферты известить других участников общества, при этом акцепт такой оферты в любой форме сам по себе не будет являться основанием для перехода доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Сторонам по общему правилу требуется дополнительно оформить единый документ, подписанный сторонами, который будет удостоверен нотариусом[190].

В сделках с долями в уставных капиталах ООО эта проблема была решена с помощью законодательной регламентации. В частности, в абз. 4 п. 11 ст. 21 Закона об ООО была регламентирована возможность перехода доли в уставном

---

[189] Корпоративный договор заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами (п. 3, ст. 67.2 ГК РФ).

[190] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 августа 2022 г. по делу № А62-4800/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

капитале посредством «отдельного нотариального удостоверения безотзывной оферты (в том числе путем нотариального удостоверения соглашения о предоставлении опциона на заключение договора), а впоследствии нотариального удостоверения акцепта»[191]. Здесь важно отметить, что до изменений подобные сделки как основание перехода доли в уставном капитале всегда требовали единого документа, подписанного сторонами. Мы полагаем, что основной причиной указанных изменений явилась как раз невозможность преодолеть ограничения, связанные с оформлением опциона в форме единого документа.

Последствия несоблюдения формы для опционов прямо не определены гражданским законодательством. Полагаем, что последствия несоблюдения формы опциона на заключение договора могут быть аналогичны тем, что предусмотрены для основного договора. Тем не менее применение общих норм о последствиях несоблюдения формы сделки к опционам порождает дополнительные вопросы, обусловленные двухэлементной конструкцией. Дело в том, что нет специальной нормы, разрешающей: (1) какие последствия применяются при несоблюдении формы только одного из элементов опциона; (2) препятствует ли несоблюдение формы активации специального (временного) правового режима. На наш взгляд, нарушение формы любого из элементов конструкции препятствует активации специального (временного) правового режима, однако не исключает действительность элементов вне рамок конструкции опциона.

Суммируя выводы, в настоящем параграфе диссертационного исследования были установлены особенности влияния режима сделок с долями на опцион на заключение договора и опционный договор. Было доказано, что элементы опционов не могут быть совершены в разной форме, при этом если договор, подлежащий заключению или исполнению, предполагает специальную форму, то такая форма является минимально допустимой для конструкции опциона на заключение договора и опционного договора, что предполагает возможность

---

[191] Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 11.

сторон повысить уровень строгости формы на основании принципа свободы договора. Было установлено, что требование к форме единого документа, подписанного сторонами, к договору, подлежащему заключению или исполнению, ограничивает возможность совершения элементов опционов в разное время.

§ 3.2. Влияние корпоративных прав участников (акционеров) на совершение опционных сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ

В хозяйственных обществах участники и акционеры могут обладать корпоративными правами, которые могут существенно повлиять на опционные сделки, опосредующие заключение (исполнение) сделок, направленных на передачу доли (акций). Совокупность прав, которыми обладает член (участник) хозяйственного общества, называется правами участия. В академической науке существует деление последних на три условные группы прав: неимущественные, имущественные и преимущественные права[192]. К неимущественным относят права, связанные с управлением корпорацией, к имущественным правам – права, связанные с правом на получение имущества.

Что касается группы преимущественных прав, то эта группа прав, по мнению И. С. Шиткиной, может включать в себя преимущественное право приобретения долей участия в обществах с ограниченной ответственностью, отчуждаемых участниками в пользу третьих лиц, преимущественное право приобретения акций непубличного акционерного общества, отчуждаемых в пользу третьих лиц, и преимущественное право покупки дополнительно выпускаемых акций[193]. Совершение опционных сделок находится в сфере влияния первых двух видов преимущественных прав. Более того, они представляют собой единую общую

---

[192] См.: Корпоративное право: учебник / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина [и др.]; отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[193] См.: Корпоративное право: учебник / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина [и др.]; отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

группу преимущественных прав, которую можно разделить на преимущественное право самого общества и преимущественное право его участников.

Существуют и другие права участников и акционеров, которые сложно отнести к какой-то одной группе, но реализация которых может существенно препятствовать реализации опционных сделок с долями (акциями). К таким правам следует отнести право предоставить согласие (отказ) на переход доли и право предоставить согласие (отказ) на отчуждение акций. Хотя термин «переход» шире термина «отчуждение», мы считаем возможным объединить их в единую группу для удобства изложения информации, принимая во внимание, что отчуждение предполагает переход объекта на основе сделки, а переход, помимо названного, также включает в себя любую передачу объекта (например, в рамках универсального правопреемства). В связи с этим, когда в контексте работы мы упоминаем право предоставить согласие на переход акций, то подразумеваем право предоставить согласие на отчуждение акций.

Важным в теме преимущественного права и права предоставить согласие на переход доли (акций) является также то, что они могут быть закреплены за участниками (акционерами) индивидуально, а также за непубличным хозяйственным обществом. В связи с этим преимущественное право или право предоставить согласие на переход доли (акций) при опционной сделке с долей (акциями) можно рассматривать в двух плоскостях: как реализуемое на общем собрании участников (акционеров), так и посредством предоставления участником (акционером) индивидуального согласия на переход доли (акций).

В непубличных хозяйственных обществах правом преимущественной покупки и правом предоставить согласие на переход доли (акций) могут обладать как участники, так и само общество. Общество реализует данные права посредством своих органов управления, к которым в некоторых случаях может относиться общее собрание участников или акционеров, что свидетельствует об организационном характере этих прав. В настоящем параграфе мы сконцентрируемся только на индивидуальных правах участников корпорации, которые могут повлиять на совершение опционов с долей (акциями). К таким

правам относятся право участника (акционера) преимущественной покупки доли (акций) хозяйственного общества, а также право участника (акционера) предоставить согласие на переход доли (акций) хозяйственного общества.

Важно подчеркнуть, что участники (акционеры) не всегда обладают правом преимущественной покупки акций при их отчуждении другими участниками. К примеру, в публичных акционерных обществах у акционеров нет преимущественных прав покупки акций при их отчуждении акционером третьему лицу, но уставом непубличного акционерного общества такое право может быть предусмотрено на основании п. 3 ст. 7 Закона об АО в отношении отчуждательных сделок с акциями. Аналогичным образом в акционерных обществах решен вопрос и в отношении права предоставить согласие на переход акций (п. 5 ст. 7 Закона об АО). Таким образом, преимущественное право покупки акций и право предоставить согласие при переходе акций третьему лицу не предоставляются акционерам в публичных акционерных обществах, а в непубличных акционерных обществах такие права могут быть предусмотрены уставом общества.

Что касается права участников общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) предоставить согласие на переход доли в уставном капитале ООО, то оно является диспозитивным и может быть предусмотрено соответствующими положениями устава (п. 10 ст. 21 Закона об ООО).

В обществах с ограниченной ответственностью подход применительно к преимущественному праву покупки доли в уставном капитале при ее отчуждении третьему лицу отличается. Во-первых, преимущественное право применяется только в отношении возмездного отчуждения. Во-вторых, на протяжении долгого периода времени в юридической среде была дискуссия о характере императивности данного права. К примеру, существовала позиция о том, что можно исключить из устава общества с ограниченной ответственностью применение положений о преимущественном праве покупки доли, потому что устав является особой многосторонней сделкой[194]. В пользу данной позиции обычно приводятся

[194] См., например: Кузнецов А. А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций) : комментарий к Определению Судебной коллегии

(приводились) аргументы, например, о типовых уставах[195] или деле «Яна Тормыш»[196], которые косвенно свидетельствуют о диспозитивности этого права. Тем не менее многие судебные решения и ученые упоминают (упоминали) императивный характер данного права[197]. Чтобы разрешить данную дискуссию, в Государственную Думу Российской Федерации Правительством России было внесено два проекта федеральных законов № 788656-8 и № 788669-8 (далее – Законопроект), которые направлены на обеспечение возможности отмены применения положений ГК РФ и Закона об ООО о преимущественном праве участников ООО. Суть Законопроекта состоит в том, чтобы предоставить участникам ООО больше гибкости в применении или неприменении положений о преимущественном праве. Ввиду того, что Законопроект вступил в силу, мы можем сделать вывод о том, что диспозитивный характер преимущественного права в ООО легализован на уровне ГК РФ и Закона об ООО. Так, по общему правилу участники ООО пользуются преимущественным правом покупки доли в уставном капитале при ее возмездном отчуждении третьему лицу, но своим единогласным решением теперь (после указанных законодательных изменений) участники могут исключить применение преимущественного права. При этом, чтобы вернуться к общему режиму преимущественного права, необходимо решение участников общества, которое принято большинством не менее двух третей голосов от общего числа голосов участников общества.

по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 8. С. 4–24; Чупрунов И. С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве : комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 8. С. 25–68.

[195] См.: например: Приказ Минэкономразвития России от 1 августа 2018 г. № 411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью». URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.08.2025); Поваров Ю. С. Вопросы управления в типовых уставах обществ с ограниченной ответственностью // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 4. С. 101-106.

[196] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[197] См., например: Макарова О. А. Преимущественное право покупки доли/акций непубличной корпорации // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 3. С. 28–31.

Начнем с концептуального различия между правом преимущественной покупки и правом предоставить согласие на переход доли (акций), которое состоит в том, что в первом случае участник имеет право выкупить долю или акции при их отчуждении, то есть сценарий изменения состава участников, а во втором – в возможности заблокировать переход доли (акций), то есть сохранить состав участников. Существенным отличием данных прав следует считать способы судебной защиты. Так, сделка, совершенная без согласия участника корпорации, может быть признана недействительной, а нарушение преимущественного права может влечь перевод в судебном порядке прав и обязанностей покупателя на себя. Объединяющим признаком рассматриваемых прав для целей настоящего исследования является возможность препятствовать совершению сделки, связанной с передачей доли (акций), что в том числе распространяется и на опционную сделку с долей (акциями). Именно в этом аспекте рассматриваются указанные права в настоящем параграфе диссертационного исследования.

Сфера влияния корпоративных прав участников на совершение опционной сделки, опосредующей заключение (исполнение) сделок о передаче доли (акций), является значительной, потому что данным правам корреспондирует обязанность участника (акционера), намеренного совершить опционную сделку в отношении доли (акций), соблюсти права других участников (акционеров). При совершении соответствующей сделки, которая формально вне реализации опционного права (например, до реализации права на акцепт) не является конструкцией, которая приводит к передаче доли (акций), может быть необходимым соблюсти корпоративные права других участников (акционеров) хозяйственного общества.

Участники гражданского оборота, совершая опцион на заключение договора или опционный договор, рассчитывают на достижение определенной цели, например при реализации опционного права заключить договор купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, в рамках которого доля в уставном капитале будет передана держателю опциона. Если подобная цель не может быть достигнута, то экономический смысл в совершении сделки пропадает. В связи с этим ключевым ограничением для достижения цели

опционной сделки при реализации опционного права является соблюдение корпоративных прав других участников корпорации, поскольку стороны опционной сделки технически могут совершить соответствующую сделку, но без соблюдения прав участников (акционеров) реализация опционного права будет отождествляться с нарушением прав третьих лиц. Таким образом, при совершении опционной сделки, опосредующей заключение (исполнение) договора, связанного с передачей доли (акций), может быть необходимым соблюсти преимущественное право участников корпорации и их право предоставить согласие на совершение сделки.

Определив общие аспекты влияния корпоративных прав участников (акционеров) на совершение опционных сделок, опосредующих заключение и исполнение сделок с долями в уставных капиталах, следует обратиться к ключевой проблеме – определению момента соблюдения корпоративных процедур, то есть установлению того, когда участнику общества необходимо соблюсти права других участников. При этом в обычной сделке, направленной на передачу доли (акций), этот вопрос не создает системную правовую неопределенность, поскольку предполагает совершение процедурных мероприятий, направленных на соблюдение соответствующих прав участников корпорации при намерении совершить соответствующую сделку, направленную на передачу доли (акций). В опционных сделках, в которых правовые последствия наступают только при реализации опционного права, соблюдение корпоративных прав других участников осложнено временным разрывом между совершением опционной сделки и моментом реализации держателем опциона права на акцепт или права заявить требование.

Рассмотрим этот вопрос на примере преимущественного права покупки доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью при ее возмездном отчуждении в рамках опциона на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

В соответствии с п. 4 ст. 21 Закона об ООО участники общества пользуются преимущественным правом покупки доли или части доли участника общества

по цене предложения третьему лицу. В п. 5 названной статьи регламентирована обязанность продающего участника известить в письменной форме о намерении продать долю в уставном капитале остальных участников общества и само общество путем направления через общество нотариально удостоверенной оферты, адресованной этим лицам и содержащей указание цены и других условий продажи. Намерение продать долю в уставном капитале на протяжении всего периода существования процедуры реализации преимущественного права не определено в законодательстве. Так, под намерением продать долю может подразумеваться намерение принять оферту о приобретении доли в уставном капитале, которое было сделано третьим лицом, или намерение совершить предложение о продаже доли в уставном капитале третьему лицу. При этом в случае последнего совершенная оферта в пользу третьего лица также может являться формой выражения намерения продать долю третьему лицу. В связи с этим мы понимаем, что намерение продать долю третьему лицу может быть выражено любым способом до непосредственной передачи доли третьему лицу в рамках возмездного отчуждения.

В опционе на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО вся конструкция может быть связана с предложением о возмездном отчуждении в пользу третьего лица и соглашением о предоставлении опциона, то есть с намерением стороны осуществить отчуждение по воле держателя опциона. В каждом случае совершенная оферта в рамках опциона на заключение договора как по модели колл (call option), так и по модели пут (put option) будет являться выражением намерения участника осуществить возмездное отчуждение доли в уставном капитале. Это также означает, что совершение опционов само по себе требует реализации преимущественных прав участников. При этом закон не уточняет, в какой именно момент или срок при намерении осуществить возмездное отчуждение необходимо соблюсти процедуры в рамках преимущественного права. Таким образом, возможно несколько сценариев реализации преимущественного права при совершении опционной сделки в отношении доли в уставном капитале ООО.

К примеру, Е. А. Марданшина, помощник нотариуса, предлагает одновременно с удостоверением соглашения и оферты получить отказы от преимущественной покупки доли в уставном капитале от других участников общества либо поставить необходимость получения таких отказов в качестве условия акцепта[198]. Комментируя такое предложение, следует отметить, что такой подход предполагает два диаметрально противоположных способа реализации преимущественного права. Первый предполагает, что все участники общества решили отказаться от преимущественного права именно в момент совершения нотариальных действий по удостоверению опциона на заключение договора, что может быть осложнено множеством причин, в том числе, но не ограничиваясь, количеством участников, нежеланием совершать отказ и прочее. Второй способ предполагает поставить акцепт в зависимость от получения отказов и, вероятно, истечения времени для реализации преимущественного права. В таком случае возникает вопрос о судьбе самого опциона на заключение договора в части, связанной с платой, то есть за что предоставляется опционная премия, если до акцепта один из участников может принять предложение в рамках реализации преимущественного права. На наш взгляд, наиболее демократичный способ, учитывающий интересы сторон сделки и участников общества, – это реализация преимущественного права до совершения опционной сделки в отношении доли в уставном капитале. Получается, что держатель опциона не попадает в ситуацию, когда он не знает, будут ли предоставлены отказы, а совершает соответствующую сделку только после получения соответствующих отказов или истечения времени в зависимости от того, что наступило раньше.

Еще одним способом соблюдения преимущественных прав можно назвать абстрактный предварительный отказ от преимущественного права. В частности, коллектив авторов под руководством А. Г. Карапетова считает, что такой отказ от преимущественного права в рамках покупки доли (акций) возможен, при этом обращая внимание, что в рамках действующего законодательства не существует

[198] Марданшина Е. А. Опцион на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале в нотариальной практике // Нотариальный вестник. 2021. № 11. С. 28–34.

прямого указания на такую возможность[199]. Аналогичного мнения придерживается И. С. Чупрунов, который в своей работе объясняет такой отказ диспозитивностью конструкции преимущественного права[200]. На наш взгляд, до Законопроекта вопрос о получении абстрактных предварительных отказов от преимущественного права был дискуссионным, поскольку диспозитивность преимущественного права подвергалась сомнению, но в свете принятых поправок (см. выше) не вызывает сомнений возможность получения таких отказов от преимущественного права. Более того, мы полагаем, что относительно новой тенденцией в области корпоративного управления станет урегулирование подобных вопросов преимущественного права в корпоративном договоре.

Рассмотрев базовые сценарии реализации преимущественного права, необходимо отметить существование более комплексных ситуаций, связанных с опционами. Мы уже отмечали, что опционы имеют длящийся характер и до момента реализации опционного права состав участников может измениться. При этом для нас не совсем очевидным является, может ли ранее реализованное преимущественное право распространяться на новых участников или потребуется реализовать преимущественное право снова, равно может ли оно соблюдаться при изменении доли участия в хозяйственном обществе. Можно истолковать закон таким образом, что при изменении состава участников достаточно реализовать преимущественное право один раз без повторной реализации преимущественных прав других участников, но преимущественное право – это право участника, в том числе нового участника, которому корреспондирует обязанность предоставить оферту при намерении осуществить возмездное отчуждение. К примеру, Арбитражный суд Поволжского округа рассматривал дело, в котором спор был между новым участником и держателем опциона. Из материалов дела следует, что ответчик совершил опцион на заключение договора в отношении части доли

---

[199] Общие положения о сделке: комментарий к статьям 153–165.1, 181.1–181.5 и 190–194 ГК РФ. Электронное издание. Ред. 2.0. М. : М-Логос, 2025. Автор комментария к ст. 154 – А. Г. Карапетов. С. 121–153.

[200] Чупрунов И. С. К вопросу о конструкции преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 94–219.

в уставном капитале единственного участника общества, то есть в ситуации, когда преимущественное право не требует реализации. До того, как был совершен акцепт, единственный участник подарил часть доли в уставном капитале третьему лицу. Держатель опциона совершил акцепт, и доля в уставном капитале перешла к нему, однако новый участник в судебном порядке потребовал перевода прав и обязанностей покупателя (держателя опциона) на себя. Суд встал на сторону держателя опциона, указав на то, что, во-первых, новый участник получил долю в уставном капитале безвозмездно в дар; во-вторых, одаряемый не проявил должную заботливость и осмотрительность при проверке правоустанавливающих документов дарителя; в-третьих, одаряемый знал о существовании опциона; в-четвертых, в обществе существовал корпоративный конфликт[201]. На наш взгляд, решение суда во многом может быть оправдано собирательным образом внешних обстоятельств, например получением доли в уставном капитале в дар в рамках корпоративного конфликта для целей недопущения реализации прав по опциону со стороной корпоративного конфликта. При этом в любой другой ситуации приоритизация прав держателя опциона перед новым участником кажется малообоснованным явлением, особенно если учитывать, что новый участник может и не знать о совершенных опционах. Так, асимметрия прав состоит в том, что конструкция опциона создает длящееся намерение осуществить отчуждение, тогда как новый участник реализовал свое намерение, приобрел права участника корпорации, которые не могут быть умалены соглашением с третьим лицом, в котором он не участвует. На наш взгляд, в этом примере проявляется конкуренция общего договорного регулирования и специального регулирования, приоритет в котором должен быть отдан последнему. В связи с этим следует отметить, что почти в каждом приведенном сценарии возникает дисбаланс интересов либо на стороне держателя опциона, либо на стороне участников. С одной стороны, новый участник, который мог и не знать о том, что в отношении какой-то доли в уставном капитале совершена опционная сделка, с другой стороны, держатель опциона,

[201] См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17 марта 2025 г. по делу № А55-33096/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

который мог заплатить за опцион, который оказался неисполнимым. Тем не менее важным изысканием в приведенном деле Арбитражного суда Поволжского округа является критерий знания нового участника о правах держателя опциона.

Приведенные нами выше изменения о преимущественном праве, которые вступили в силу, в этой части могли бы быть отчасти решением вопроса со сложными сценариями реализации преимущественного права. В частности, если преимущественного права нет в обществе до момента реализации опционного права, то проблема с процедурной реализацией преимущественного права становится отчасти нерелевантной. В этом смысле следует низко оценить эффективность Законопроекта в вопросах, связанных с длящимися конструкциями сделок, влекущими переход доли в уставном капитале, в том числе опционами. Это объясняется тем, что преимущественное право может быть исключено для одного, некоторых или всех участников общества при единогласном решении, но его режим действия может быть возвращен решением, принятым большинством не менее двух третей голосов от общего числа голосов участников общества. Это также означает, что участник общества с ограниченной ответственностью может совершить опцион на заключение договора о возмездном отчуждении его доли в уставном капитале, когда необходимости реализовать преимущественное право не было, но после принятия соответствующего решения общим собранием участников оно появилось. В сущности, данная ситуация аналогична той, которую рассматривал Арбитражный суд Поволжского округа за исключением вопроса о добросовестности. При таких обстоятельствах продающий участник в рамках опциона должен будет соблюсти корпоративные права участников ввиду длящегося характера намерения продающего участника. Очевидно, что в данном сценарии также существует дисбаланс между правами участников и правами держателя опциона, который требует предложения новых законодательных решений.

Другой вопрос, который связан с реализацией преимущественного права, относится к возможности уступки прав по опциону. Этот вопрос является одним из наиболее значимых для непубличных хозяйственных обществ, позиционирование которых изначально связано с объединением в большой степени

лиц, чем капиталов. Важность объединения лиц особенно актуальна в обществах с ограниченной ответственностью, для которых установлены различные возможности, не допускающие третьих лиц к управлению организацией (e. g., установленное уставом согласие на переход доли в уставном капитале к наследникам)[202]. К примеру, участник общества с ограниченной ответственностью совершил опционную сделку в отношении доли в уставном капитале, реализовал надлежащим образом преимущественное право непродающих участников хозяйственного общества, но впоследствии права из опциона были уступлены третьему лицу. В этой части проблема состоит в том, что участником общества может стать лицо, которое другие участники не согласовывали. При этом по общему правилу при реализации преимущественного права закон не устанавливает требование о необходимости указывать лицо, которому доля в уставном капитале будет передана. Предполагается, что такую функциональную роль выполняет согласие участников общества, но и в отношении согласия законом не установлено требование об определении лица, которому может перейти доля (акции). Тем не менее уровень контроля перехода доли (акций) у лица, обладающего правом предоставить согласие на такой переход, выше, чем у лица, обладающего преимущественным правом. В связи с этим считаем необходимым ввести общее правило в отношении непубличных хозяйственных обществ о необходимости предоставления участниками (акционерами) согласия на переход доли (акций) при реализации опционного права цессионарием в случае, если уставом непубличного общества предусмотрено преимущественное право участников на покупку доли (акций) и (или) согласие на переход доли (акций).

Право предоставить согласие на переход доли (акций) связано исключительно с возможностью участников или акционеров определить, кто может вместе с ними управлять хозяйственным обществом. При этом проблемы, которые мы отмечали в части преимущественного права, аналогичны тем, которые связаны с правом предоставить согласие на переход доли (акций). В частности, нарушенный

---

[202] См.: Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России : монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023. С. 167–190.

баланс интересов между участниками (акционерами) и держателем опциона, осложненный действием опционов во времени.

Мы полагаем, что может существовать способ решения проблемы асимметрии корпоративных прав и прав держателя опциона в отношении доли (акций). Самый простой способ – это установление обязанности непубличных хозяйственных обществ вести реестр сделок, направленных на переход доли (акций), в отношении которых было реализовано преимущественное право и (или) предоставлено согласие на совершение сделки. Такой реестр станет элементом информирования потенциального приобретателя доли (акций) о существующих сделках, которые потенциально могут привести к отчуждению доли (акций). Тем не менее вряд ли при помощи повышения корпоративной прозрачности можно достигнуть идеального баланса интересов между держателем опциона и участниками общества.

Предложенный механизм может косвенно усугубить положение участников, поскольку потенциальные покупатели доли (акций) могут не захотеть приобретать доли (акции) из-за наличия неопределенности, связанной с держателем опциона. Для достижения баланса интересов необходимо ввести дополнительный механизм с инверсивной логикой. К примеру, предоставить держателю опциона как лицу, обладающему охраняемым законным интересом, право воспользоваться преимущественным правом покупки доли (акций) при отказе действующих участников (акционеров) общества от преимущественного права (e. g., преимущественное право второго порядка). При этом такой механизм станет также контролем за предметом договора, подлежащего заключению или исполнению в рамках опционной сделки.

Если держатель опциона не реализовал свое преимущественное право покупки, то доля (акции) могут перейти к третьему лицу. В таком случае уже у новых участников (акционеров) должна оставаться возможность преодолеть права по опциону. Это объяснимо тем, что держатель опциона до совершения соответствующего перехода доли (акций) не обладает корпоративными правами, но обладает определенным охраняемым законом материально-правовым интересом

в обществе, при этом лицо, которое стало участником (акционером) общества, должно иметь возможность пользоваться всеми корпоративными правами. Мы полагаем, что новые участники (акционеры), которые не реализовывали корпоративные права, должны иметь преимущественное право покупки доли (акций), а также право предоставить согласие на переход доли (акций). При этом лицо и (или) лица, которые реализуют соответствующее право, должны компенсировать убытки держателю опциона.

§ 3.3. Способы применения и функции опциона на заключение договора и опционного договора в отдельных сделках с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ

Способы применения опциона на заключение договора и опционного договора в сделках с долями (акциями) хозяйственных обществ носят разносторонний характер. Это объясняется тем, что использование данных конструкций может опосредовать заключение и исполнение различных типов (видов) договоров, связанных с передачей доли (акций), – купля-продажа, мена, дарение, доверительное управление доли (акциями) и др. Вдобавок опционная сделка может быть реализована посредством предоставления соответствующего секундарного (преобразовательного) права любой из сторон названных договоров по принципу опционов пут (от англ. «put» – право продать долю (акции)) и колл (от англ. «call» – право купить долю (акции)). К примеру, в пользу покупателя или продавца, дарителя или одаряемого, доверительного управляющего или учредителя управления и др. В результате каждая модель использования опционов имеет потенциал для реализации определенной функции, что позволяет участникам гражданского оборота эффективно выстраивать свои отношения.

Опционные сделки с долями (акциями), как отмечает К. В. Севеева, могут использоваться как способ обеспечения исполнения обязательств, возврата инвестиций в хозяйственное общество, предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов, присоединения миноритарных участников к продаже

крупного пакета акций (доли в уставном капитале), а также как инструмент повышения эффективности деятельности членов органов управления и ключевых сотрудников хозяйственных обществ[203]. На основании этого ученая выделяет стимулирующую, дисциплинирующую и регулирующую функции опционных сделок с долями (акциями).

Развивая приведенный выше тезис, мы считаем, что названные функции можно также рассмотреть через призму экономически целесообразных примеров применения опциона на заключение договора и опционного договора в отдельных сделках с долями (акциями). Это позволит более подробно определить содержание и значение каждой функции опционов применительно к отдельным сделкам с долями (акциями) хозяйственных обществ.

Купля-продажа. Договор купли-продажи доли или ее части (акций) – это договор, в соответствии с которым одна сторона (продавец) обязуется передать долю (акции) другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять долю (акции) и уплатить за нее определенную денежную сумму (цену). В целом договор купли-продажи доли (акций) хозяйственных обществ можно назвать наиболее распространенным основанием возникновения обязательств по передаче доли (акций).

С учетом изложенного, на наш взгляд, опционная сделка, опосредующая заключение (исполнение) договора купли-продажи доли (акций), является наиболее востребованным способом применения опционных отношений в сделках с долями (акциями). Это явление оправдано гибкостью договора купли-продажи доли (акций) при планировании отношений, поскольку такая обязательственная конструкция предполагает возможность договориться об обмене доли (акций) на денежный эквивалент, который может быть выражен как символической суммой, так и рыночной стоимостью. Следствием этого является возможность применить опционы для решения различных коммерческих задач, в том числе, но не ограничиваясь, обеспечения исполнения обязательств, разрешения

[203] См.: Севеева К. В. Опционные соглашения в корпоративном праве : дис. … канд. юрид. наук. С. 16.

корпоративного конфликта, обеспечения интересов различных групп участников (акционеров) при продаже доли в бизнесе одним из его участников (акционеров) третьему лицу, мотивирования сотрудников и участников (акционеров) достигать более высоких экономических результатов и др.

Наиболее традиционный подход к опционным сделкам, опосредующим заключение (исполнение) договора купли-продажи доли (акций), можно связать с регулированием инвестиционных отношений. К примеру, инвестор и участники (акционеры) могут совершить опцион на заключение договора купли-продажи доли (акций), при котором опционная премия будет выполнять роль заемных средств, но при реализации соответствующего секундарного (преобразовательного) права премия будет учитываться как часть покупной стоимости актива. При этом, если опционное право не будет реализовано, такая премия может подлежать возврату. Такой способ применения опционов отчасти напоминает упрощенную версию инвестиционных договоров, предполагающих обмен финансирования в компанию на долю (акции).

Другой сценарий обеспечения возврата инвестированного может быть тогда, когда лицо приобретает долю или ее часть (акции) с обязательством осуществить вклад в имущество компании (по принципу сделки cash in), но при определенных обстоятельствах имеет право продать ее по заранее определенной цене, равной сумме вложенных в компанию средств (по принципу сделки cash out). У этого примера может существовать также инверсивная логика, когда инвестор приобретает долю (акции), но впоследствии другие участники (акционеры) или третье лицо могут выкупить такую долю (акции) обратно (buy-back-опцион), если появится инвестор с более выгодным предложением или по иным причинам. В приведенных сценариях опционные сделки, выполняя регулирующую функцию, призваны сбалансировать инвестиционные отношения, обеспечивая в некоторых случаях интересы инвестора, а в других – участников (акционеров).

В некоторых случаях опционы могут быть квалифицированы в качестве способа обеспечения обязательств по смыслу ст. 329 ГК РФ. Так, если опционную сделку, опосредующую заключение (исполнение) договора купли-продажи,

рассматривать только в качестве обеспечения, то в большинстве случаев она представляет собой конструкцию, в которой опцион используется в комбинации с иными механизмами. К примеру, в судебном споре между ООО «Сибуголь» и АО «Газпромбанк» было использовано несколько взаимосвязанных сделок, в рамках которых классический залог сочетался с опционом. Залог был предоставлен в пользу банка как обеспечение возврата кредитных средств, а опцион – в пользу третьего лица, фактически аффилированного с банком, которое приобретало долю в уставном капитале за 1 рубль[204]. Комментируя данную структуру отношений, суд сделал вывод, что обеспечение в форме опциона выполнило свою задачу, и применил к нему регулирование, свойственное способам обеспечения обязательства. Причины выбора такой структуры отношений сторонами спора нам неизвестны, но можно предположить среди прочего нежелание банка обращать взыскание на непрофильный актив или перераспределение финансовых и операционных процессов. Сама по себе функция опциона в данном деле состояла в обращении взыскания третьим лицом на долю, которое в рамках взаимосвязанных сделок прекращало долг по кредиту должника. Об этом свидетельствует стоимость приобретенной доли в уставном капитале и характер опционной премии, а также вспомогательные конструкции, которые в совокупности обеспечивали исполнение денежного обязательства.

Разрешение корпоративных конфликтов является органичным способом использования опционов на покупку доли (акций) между участниками (акционерами). Наличие конфликта между участниками (акционерами) часто мешает деятельности бизнеса компании, при этом у ее участников (акционеров) не всегда есть возможность договориться между собой о дальнейшей судьбе их взаимодействия. Решением противоречия участников (акционеров) может быть приобретение доли (акций) одной из сторон. Как правило, в период конфликта сторонам сложно договориться о стоимости актива и о том, кто должен приобрести долю (акции). В этой части могут помочь опционные способы разрешения

[204] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 марта 2022 г. по делу № А27-43/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

конфликтов. К примеру, для уже возникших могут использоваться «русская рулетка», «техасская перестрелка», «голландский аукцион»[205]. При этом в период конфликта договориться о таких способах преодоления разногласий не всегда возможно, поэтому участники (акционеры) предпочитают заранее (ex ante) предусмотреть опционные механизмы, которые определяют, кто вправе первым выкупить долю (акции) другого участника (акционера), по какой стоимости и в какой момент.

Конструкции, опосредующие заключение (исполнение) договора купли-продажи, служат действенным способом выхода из корпорации на условиях, согласованных сторонами не только в условиях конфликта. В более широком смысле опционы используются как договорный аналог обеспечения выхода и исключения участника. К примеру, после правительственных ограничений, связанных с пандемией коронавируса (COVID-19), стало очевидным, что могут быть ситуации, когда участник (акционер) не может в полной мере участвовать и способствовать деятельности совместного предприятия по причине ограничений публичного характера. Решением мог стать опцион как способ выйти из компании посредством продажи ее другим участникам (акционерам) при наступлении подобных форс-мажорных обстоятельств. Продолжая эту логику, в последние годы такие опционные сделки стали использоваться в связи с рисками санкционного и (или) контрсанкционного давления, когда компания, продолжая деятельность в той или иной юрисдикции, может нарушить законодательство государства,

---

[205] «Русская рулетка» представляет собой опционный механизм разрешения спора, в рамках которого каждая сторона договора предусматривает направление другой стороне предложения о выкупе доли (акций) другого участника (акционера) в обществе. Участник (акционер), который получил такое уведомление, имеет право продать свою долю по предложенной цене или выкупить ее у другого участника по той же цене. «Техасская перестрелка» представляет собой опционный механизм разрешения спора, в рамках которого каждая сторона направляет предложение по выкупу доли (акций) другой стороны третьему лицу. Последнее определяет сторону, которая выкупает другую по наибольшей цене. «Голландский аукцион» представляет собой опционный механизм разрешения спора, в рамках которого каждый участник (акционер) предлагает наименьшую стоимость за свою долю (акции), при этом сторона, которая предложила наибольшую цену, приобретает право выкупить долю (акции) другой стороны по цене, которая была указана в ее предложении.

См., на эту тему, например: Степанов Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики. С. 60–115.

которое вводит определенные ограничения. Примечательно, что в таком механизме могут быть заинтересованы не только продавцы, но и другие непродающие участники (акционеры), чтобы получить способ исключить участника (акционера) из корпорации, если его дальнейший статус как участника (акционера) препятствует деятельности бизнеса.

Помимо желания участников (акционеров) заранее предусмотреть способы выхода из компании, они также пытаются урегулировать посредством опционов баланс интересов сторон при продаже доли (акций) третьему лицу. В практике часто встречаются опционы tag-along[206] и drag-along[207]. Назначение названных видов опционов состоит в том, что при продаже доли третьему лицу у участника (акционера) есть право присоединить другого участника (акционера) при продаже доли (акций) в пользу третьего лица или право присоединиться к продаже доли (акций) третьему лицу. В некоторых ситуациях при продаже доли (акций) участнику (акционеру) может быть невыгодно оставаться в компании после продажи доли (акций) одним из участников (акционеров), а в других – компанию сложно продать при наличии в ней других участников (акционеров). При этом в каждом случае смысл применения опционов состоит в достижении баланса интересов участников (акционеров) при продаже доли (акций) третьему лицу.

Наконец, гибкость договора купли-продажи позволяет использовать опционы, опосредующие его заключение (исполнение), как способ поощрения участников (акционеров) и третьих лиц осуществлять определенные действия на пользу организации в обмен на возможность получить долю (акции) в хозяйственном обществе. К примеру, многие компании в качестве дополнительной системы мотивации сотрудников предусматривают различные

---

[206] Опцион tag-along – это юридическая конструкция совместной продажи компании, в рамках которой один участник (обычно миноритарий) наделяется правом требовать от другого участника (обычно мажоритария) включить его долю в уставном капитале (акции) в сделку по продаже третьему лицу на тех же условиях, что и основная продаваемая доля в уставном капитале (акции).

[207] Опцион drag-along – это юридическая конструкция совместной продажи компании, в рамках которой один участник (обычно мажоритарий) наделяется правом требовать от другого участника (обычно миноритария) присоединиться к сделке по продаже доли в уставном капитале (акций) третьему лицу на тех же условиях.

модификации программ ESOP[208] (или ее фантомный аналог – модификации VSOP[209]), которые позволяют сотруднику в организации приобрести долю (акции) при достижении определенных КПЭ (ключевые показатели эффективности). Такая система премирования выполняет стимулирующую функцию. Предполагается, что сотрудники, обладающие долей (акциями), относятся к своим трудовым обязанностям более добросовестно, что может также положительно отражаться на коммерческой деятельности организации. Похожая система повышения производительности труда может быть предусмотрена для участников (акционеров) компаний, в которых достижение высоких экономических показателей связано с материальным и (или) нематериальным вкладом участников (акционеров).

У стимулирующей функции есть оборотная сторона, связанная с дисциплинирующей функцией, которая подразумевает, что опционы могут иметь своей целью наказание участника (акционера) за определенные действия. При этом, на наш взгляд, такие «штрафные» опционы должны быть ограничены в использовании, поскольку противоречат логике опционных сделок как механизма, в рамках которого сторона, предоставляя секундарное (преобразовательное) право на заключение (исполнение) договора, может быть оштрафована посредством реализации другой стороной этого права.

Мена. Опционную сделку, опосредующую заключение договора мены доли (акций) для структурирования опционных отношений, можно охарактеризовать как эксклюзивную. Так, в соответствии с договором мены каждая из сторон обязуется передать в собственность другой стороны один товар в обмен на другой (п. 1 ст. 567 ГК РФ). Такой договор является разновидностью бартерной сделки – такой же, как и договор купли-продажи, но вместо денежных средств в обмен на товар передается иной объект гражданских прав, что в контексте способов применения опционов

---

[208] ESOP – Employee Stock Ownership Plan (программа участия сотрудников в капитале). Право сотрудника на приобретении доли (акций) хозяйственного общества при наступлении определенного события.

[209] VSOP – Virtual Stock Option Plan (программа фантомного участия сотрудников в капитале). Право сотрудника на денежную выплату, эквивалентную приросту стоимости доли (акций) хозяйственного общества при наступлении определенного события.

в отношениях, связанных с передачей доли (акций), уступает купле-продаже в части гибкости модели. К примеру, денежная выплата в купле-продаже за передачу доли (акций) представляется более удобным способом для реализации большинства задач, возложенных на опционные сделки с долями (акциями). Так, сложно представить опционную сделку, опосредующую заключение (исполнение) договора мены доли (акций), в качестве мотивационной программы или как способ обеспечить возврат инвестиций. Тем не менее мы полагаем, что могут существовать сценарии, при которых опционная сделка в отношении мены доли (акций) будет более предпочтительной.

Следует отметить, что опционная сделка в отношении мены доли по общему правилу не требует реализации преимущественного права. Такая особенность, предполагающая формальную возможность не реализовывать преимущественное право покупки доли, объясняется безвозмездным характером отношений при мене. По справедливому замечанию А. В. Иноземцевой, суд может применить к мене норму о преимущественном праве, например определив ее цель как защиту интереса правообладателя в приобретении права на доли при их возмездном отчуждении либо по аналогии основываясь на сходстве правоотношений из договоров купли-продажи и мены[210]. Продолжая данную логику, А. А. Громов отмечает, что в спорах по договору мены в отношении преимущественного права ключевым вопросом судебного разбирательства является установление факта наличия у лица намерения произвести отчуждение вещи за деньги или в обмен на другой товар[211]. Хорошим примером в подтверждение вывода ученого можно считать судебную практику, в которой сразу после обмена какого-то небольшого пакета акций последовало отчуждение основного пакета акций, а суды установили, что это – обход закона, поскольку общая цель сделок была направлена на продажу акций, а не на обмен[212]. На наш взгляд, чтобы избежать каких-либо неприятностей

---

[210] Иноземцева А. В. Проблема самостоятельного значения института обхода закона // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 3. С. 152–189.

[211] Громов А. А. Обход преимущественного права покупки // Вестник гражданского права. 2021. № 1. С. 7–49.

[212] См., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 июля 2019 г. по делу № А41-16750/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

при сложных опционных сделках, в которых только небольшая часть сделки связана с меной доли или ее части в уставном капитале (акций), необходимо реализовывать преимущественное право так, как если бы это была купля-продажа.

Ситуации, в которых конструкция опционной сделки, опосредующей переход доли или ее части в уставном капитале (акций) на основании договора мены, могут быть разные, но, на наш взгляд, такая модель применения опционов связана с регулирующей функцией. Рассмотрим это на примере акционерного общества, в котором действует опционная программа премирования с несколькими уровнями (категориями) значимости приобретаемых доли (акций). Сотрудники первых годов в рамках премирования получают только доли (акции) дочерних компаний, в которых они работают, но по мере продвижения по карьерному треку и накопления таких прав участия у специально созданной компании (SPV), владеющей акциями материнской компании, появляется право обменять доли (акции) дочерних обществ, которые были приобретены по опционной программе, на акции материнской компании. В таком контексте SPV может контролировать права участия в дочерних и материнской компаниях без ущерба для потери корпоративного контроля. В этом примере не столько задействована стимулирующая и дисциплинирующая функция, сколько регулирующая функция, поскольку она поддерживает корпоративное управление в рамках мотивационной программы премирования.

Подобная конструкция также может найти отражение в сделках по реструктуризации совместных предприятий (e. g., при конфликте, при недостижении KPI и др.), когда изначально участники (акционеры) владели разными долями участия в корпоративных организациях, но впоследствии решили оставить возможность разделить бизнес посредством обменных сделок. Аналогичная мотивация в использовании опционных сделок, опосредующих заключение (исполнение) договора мены доли (акций), может быть в венчурных фондах и (или) при синдицированном кредитовании. При этом в каждом случае такие сделки выполняют регулирующую функцию.

Дарение. Опцион на дарение доли (акций), вопреки предмету последнего, связанного с долей (акциями) хозяйственного общества, может казаться чем-то сомнительным с юридической точки зрения. Вместе с тем переход доли на основании договора дарения является частой практикой, которая может использоваться, например, в области семейного предпринимательства. Как подмечает И. В. Ершова, «…семейный бизнес основан на лично-доверительных, брачно-семейных отношениях (связях) супругов и других членов семьи»[213]. Такой характер связей часто предполагает, что люди, которые являются реальными владельцами семейного бизнеса, не являются официальными участниками (акционерами). В подобных отношениях опционные сделки, опосредующие заключение (исполнение) договора дарения доли (акций), можно частично рассматривать как перспективный инструмент, способный компенсировать «отсутствие должного нормативного правового регулирования в области семейного предпринимательства»[214]. Впрочем, такая сделка несет в себе ряд существенных ограничений и противоречий.

К сторонам опционной сделки, связанной с дарением, косвенно могут предъявляться специальные ограничения, установленные ст. 575 ГК РФ. К примеру, стороной дарения, за исключением обычных подарков стоимостью менее трех тысяч рублей, не могут выступать лица, представляющие интересы социально незащищенных групп населения (малолетние, недееспособные). Также не могут быть стороной лица, оказывающие социальные услуги (медицинские, образовательные и т. д.) гражданам (их родственникам), а также лица, замещающие государственные должности, в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Еще одним ограничением, актуальным для целей нашего исследования и, к примеру, для семейного предпринимательства, является общее правило о том, что дарение недопустимо в отношениях между коммерческими организациями. Тем

---

[213] См.: Ершова И. В. Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 67–75.

[214] См.: Левушкин А. Н. Построение и легализация современной модели семейного предпринимательства: вопросы гражданско-правовой и публично-правовой легитимации и государственной поддержки // Гражданское право. 2023. № 4. С. 2–6.

не менее у этого правила есть изъятие в рамках пожертвования (ст. 582 ГК РФ) или отношениях, в которых держателем опциона выступает физическое лицо.

Названные ограничения в части стороны применяются в отношении именно дарения, но при этом напрямую не распространяются на опционную сделку, опосредующую заключение (исполнение) этого договора. Мы полагаем, что на рассматриваемые опционы должны распространяться правила о дарении. В противном случае получается ситуация, при которой опцион может потенциально использоваться для обхода закона. Аналогичный вывод представляется уместным и в отношении опционной премии. Это объясняется тем, что опционное право на получение (предоставление) в дар доли (акций), скорее всего, не является обыкновенным подарком, поэтому опционная премия может противоречить институту дарения.

Несмотря на некоторые ограничения и абстрактный характер возможностей применения опционных сделок, связанных с дарением доли (акций), эта конструкция может органично использоваться в семейном предпринимательстве. Например, владелец бизнеса, передавая долю (акции) одному из членов семьи, может предусмотреть опцион на дарение доли (акций) в пользу себя при наступлении определенных условий по аналогии с обратным выкупом (buy-back option). В этом контексте опцион выполняет регулирующую функцию и позволяет владельцу сохранять контроль над бизнесом в рамках семьи. Отметим, что дарение может выполнять стимулирующую функцию, например в рамках семейного предпринимательства, однако в таком случае растворяется сама идея дарения.

Доверительное управление. Опционная сделка, опосредующая заключение (исполнение) договора доверительного управления доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества, на наш взгляд, является недооцененным способом заключения опционов в отношении доли (акций) хозяйственного общества. Следует начать с того, что российскому праву о доверительном управлении известно с 1 марта 1996 года. За почти 30 лет своего существования каких-то серьезных изменений этот механизм не претерпевал. Помимо подобной стабильности, определенную значимость договору доверительного управления

придает тот факт, что в ГК РФ ему посвящена целая глава (глава 53 «Доверительное управление имуществом»). В соответствии со ст. 1012 ГК РФ по договору доверительного управления имуществом одна сторона (учредитель управления) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя).

Договор доверительного управления можно считать своеобразным аналогом института траста в праве Англии и Уэльса. Как обращает внимание Е. А. Суханов, автор и разработчик положений о доверительном управлении, В. А. Дозорцев, изначально задумывал этот договор как противовес активным попыткам внедрения в отечественное законодательство траста в его англо-американском понимании[215]. Сам же В. А. Дозорцев в договорном институте доверительного управления видел способ передать имущество в управление, при этом не нагружая российское законодательство и суды дополнительными механизмами из других правовых систем, ограничить возможность для злоупотребления управляющих. Особенно ярко эта мысль ученого раскрывается в словах: «…нет оснований полагать, что все управляющие будут заслуживать полного «доверия» и можно исключить их злоупотребления в собственных интересах»[216]. Такая структура одним напоминает траст по английскому праву, когда одно лицо передает другому лицу имущество для осуществления управления в интересах выгодоприобретателя. Другие же видят в доверительном управлении услугу профессионального управляющего (исполнителя) по плановому и организованному хозяйствованию с чужим имуществом в интересах его собственника (заказчика)[217].

---

[215] Суханов Е. А. О вещном праве собственности и недвижимости // Закон. 2023. № 7. С. 32–42.

[216] См.: Дозорцев В. А. Доверительное управление имуществом (гл. 53) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая : текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М., 1996 // СПС «КонсультантПлюс».

[217] См., например: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник для вузов: в 2 т. Т. 2. М. : Юрайт, 2022. С. 322–323.

Договор доверительного управления многим известен по использованию его в наследственных делах, особенно когда в составе наследства имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления, например доли в уставном капитале или акции юридического лица. Тем не менее доверительное управление встречается и в отношениях, связанных с осуществлением коммерческой деятельности, что дает предпосылки для того, чтобы считать возможным применение на практике опционных сделок в отношениях, связанных с доверительным управлением.

С точки зрения рассматриваемого договора применительно к теме диссертационного исследования можно сразу выделить его особенности. Так, с одной стороны, по договору доверительного управления учредителем применительно к долям в уставных капиталах (акциям) всегда выступает участник (акционер) хозяйственного общества (ст. 1014 ГК РФ), а с другой – доверительный управляющий, которым может быть только лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, в том числе индивидуальный предприниматель или коммерческая организация (ст. 1015 ГК РФ). Наличие предпринимательского статуса – это своего рода защита учредителя при возможных злоупотреблениях[218]. Если переложить подобное регулирование на опционные сделки, то это означает, что одной стороной в опционе всегда будет либо юридическое лицо, либо индивидуальный предприниматель.

Договор доверительного управления и, соответственно, релевантная опционная сделка должны учитывать требования к существенным условиям заключаемого договора. Так, ст. 1016 ГК РФ закрепляет, что в подобных сделках должны быть указаны: 1) состав имущества, которое передается в доверительное управление; 2) лицо, в интересах которого осуществляется управление; 3) размер и форма вознаграждения управляющего; 4) срок действия договора. Что касается последнего, то предельный срок договора не должен превышать пять лет, при этом

[218] См.: Дозорцев В. А. Доверительное управление имуществом (гл. 53) // СПС «КонсультантПлюс».

законом предусмотрено автоматическое продление при отсутствии возражений сторон.

Одним из наиболее важных условий действительности для договора доверительного управления в отношении доли в уставном капитале (акций) и, соответственно, для опционной сделки, опосредующей подобные отношения, является его форма. Интересно, что в подобных сделках достаточно простой письменной формы, причем для ООО не требуется обязательного нотариального удостоверения, поскольку передача в доверительное управление не квалифицируется как договор об отчуждении доли в соответствии с п. 11 ст. 21 Закона об ООО (п. 1 ст. 1012 ГК РФ).

Отметим, что договор доверительного управления – это удобная конструкция при осуществлении согласованных действий. К примеру, Е. А. Суханов считает, что цели передачи имущества можно разделить: 1) на более эффективное использование собственного имущества, особенно с помощью профессиональных управляющих; 2) на обеспечение исполнения сделки с контрагентом[219]. Мы согласны с приведенным мнением и предлагаем рассмотреть его на нескольких следующих примерах.

Мотивы и (или) обстоятельства в связи с поведением учредителя (участника), планирующего передачу имущества по опционной сделке в доверительное управление, могут быть разные. Так, можно представить ситуацию, при которой доверительное управление является способом митигации ответственности за принятое решение на общем собрании участников (акционеров). Вопросы диверсификации ответственности за принятые решения являются важной составляющей предпринимательской деятельности, которое учитывает риски, связанные с уголовной, административной и гражданско-правовой ответственностью. В этой части участник (акционер) не всегда может знать о том, какое решение необходимо принять, чтобы оно отвечало интересам юридического

[219] Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 11. С. 44–56.

лица и требованиям законности. К примеру, в ООО есть несколько участников, один из которых предлагает проголосовать «за» финансирование нового проекта, другой участник не уверен в правильности такого решения, поскольку ему не хватает опыта, поэтому посредством реализации опционного права передает долю в доверительное управление и, соответственно, право голосовать по вопросу, вынесенному другим участником на голосование. В этой части институт доверительного управления, возникновение (исполнение) которого связано с реализацией опционного права, может явиться инструментом управления рисками. Получается, что доверительное управление в приведенном примере выполняет функцию регулирования ответственности за принятые решения.

Представим, что в хозяйственном обществе возник корпоративный тупик между двумя участниками, каждый из которых владеет долей в уставном капитале общества в размере 50 % (пятьдесят процентов) доли. Способов решить конфликт не так много, и большинство из них связаны с выходом одного из участников из общества, например посредством выкупа доли другого участника по опциону на заключение договора купли-продажи доли. В этом контексте опционная сделка, обуславливающая возникновение (исполнение) договора доверительного управления, будет более мягким средством для разрешения тупиковой ситуации. В частности, профессиональный доверительный управляющий может принять решение за обоих участников, которое с учетом конфликта интересов будет наиболее выгодным решением.

С помощью приведенного подхода к опционным сделкам с долями (акциями) хозяйственных обществ на примере способов их применения в отдельных сделках с долями (акциями) было установлено, что опционная сделка, опосредующая заключение (исполнение) договора купли-продажи доли (акций), может осуществлять регулирующую, дисциплинирующую и стимулирующую функции. Опционная сделка, опосредующая заключение (исполнение) договоров мены, дарения и доверительного управления доли (акций), преимущественно выполняет регулирующие функции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное диссертационное исследование является комплексной научной работой, характеризующейся методологической целостностью и системным подходом к анализируемой проблематике. Автору удалось полностью реализовать поставленную исследовательскую цель и успешно решить все сформулированные задачи. Примененный методологический инструментарий продемонстрировал высокую эффективность, что позволило исследователю сформулировать и обосновать ключевые научные положения и выводы, выносимые на защиту, а также разработать конкретные рекомендации по модернизации гражданского и корпоративного законодательства.

В 2015 г., когда состоялась реформа гражданского законодательства, было сложно учесть все аспекты, связанные с конструкциями опциона на заключение договора и опционного договора. Так, мы видим, что в разработке этих законодательных инструментов не было последовательности. Например, к первому чтению законопроекта в Государственной Думе Федерального Собрания РФ был представлен только опцион на заключение договора (в тот момент назывался опционный договор), позднее была включена и вторая конструкция, получившая итоговое название опционный договор. По прошествии какого-то времени были также учтены особенности сделок с долями в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью и введены релевантные изменения в Закон об ООО. Все это позволяет сделать вывод о том, что при инкорпорации конструкций не были учтены многие важные особенности их преломления в российской правовой действительности.

Настоящая работа восполняет эти пробелы, раскрывая специфику рассматриваемых конструкций и их согласованность с другими гражданско-правовыми институтами. В результате проведенного исследования сформулированы следующие основные научные результаты.

Во-первых, обосновано, что опцион на заключение договора и опционный договор представляют собой специальные договорные режимы, при этом оба

опциона являются многосоставными конструкциями взаимосвязанных договорных элементов. Опцион на заключение договора включает оферту и соглашение о предоставлении опциона, которое вводит специальный режим действия оферты, который предусматривает как универсальный срок действия (безотзывность), так и возможность уступки. Опционный договор состоит из обязательства и одноименного договора, который устанавливает специальный режим исполнения обязательства по требованию. Выявленное позволяет воспринимать данные конструкции как исключения из общего правового режима сделок и договоров, что позволяет их выделить, наряду с иными специальными договорными режимами, в отдельную категорию гражданского права.

Во-вторых, исследование многокомпонентного характера конструкций позволило разрешить ключевые вопросы их правового режима: определены существенные условия для действительности конструкции, охарактеризована природа прав, предоставляемых опционом, и режим их передачи, а также выявлены принципы начала и прекращения действия конструкций опциона на заключение договора и опционного договора.

В-третьих, проведенное исследование влияния режима сделок с долями в уставных капиталах (акциями) хозяйственных обществ на конструкции опционов выявило общее правило о том, что форма основного договора (подлежащего заключению или исполнению) влияет на форму всех элементов конструкции. Также выявлены проблемы асимметрии корпоративных прав участников общества и прав держателей опциона и предложены способы достижения их баланса, включая рекомендации по применению механизмов «преимущественного права второго порядка» и ведению реестров сделок, в отношении которых были реализованы преимущественное право и согласие на переход доли в уставном капитале (акций) хозяйственного общества. Кроме того, выделены функциональные особенности опционных сделок, опосредующих заключение (исполнение) различных сделок с долями в уставных капиталах (акциями), в том числе купли-продажи, мены, дарения, доверительного управления.

Таким образом, результаты настоящего диссертационного исследования могут служить основой для законодательных изменений, развития дальнейшего осмысления природы и режима опциона на заключение договора и опционного договора, разработки смежных категорий субъективных прав, а также могут быть использованы в учебном процессе и правоприменительной практике в сфере гражданского и корпоративного права.

В дальнейшем представляется целесообразным исследовать специфику влияния публичного статуса акционерных обществ на опционные сделки, в том числе в случаях изменения статуса непубличных акционерных обществ или реорганизации в публичное акционерное общество. Кроме того, развитие цифровых технологий позволяет считать перспективным использование опциона на заключение договора и опционного договора в цифровой среде, например на платформах блокчейн.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 13 января 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

3. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23 ноября 2024 г, с изм. и доп., вступ. в силу с 5 февраля 2025 г.) // Российская газета. – 1996. – № 17.

4. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 1 марта 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

5. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 1 марта 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

6. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 1 марта 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

7. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 1 марта 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3434.

8. Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (в ред. от 1 марта 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 18. – Ст. 1940.

9. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1 (ч. 1). – Ст. 11.

10. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.

11. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 24 июля 2023 г.) // Российская газета. – 1993. – № 49.

12. Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 29 (ч. 1). – Ст. 3482.

13. Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» (в ред. от 9 июня 2022 г., с изм. от 20 мая 2024 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» (в ред. от 17 февраля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 10. – Ст. 1466.

15. Указ Президента РФ от 8 сентября 2022 г. № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами» (в ред. от 15 октября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 37. – Ст. 6316.

16. Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских

юридических и физических лиц» (в ред. от 29 октября 2022 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Приказ Минэкономразвития РФ от 1 августа 2018 г. № 411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru/ – 19.08.2025.

Ранее действующие нормативные правовые акты

18. Закон РФ от 20 февраля 1992 г. № 2383-1 «О товарных биржах и биржевой торговле» (в ред. до 1 января 2010 г.; утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 18. – Ст. 961.

Проекты федеральных законов

19. Проект Федерального закона № 788656-8 «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 21.01.2025) // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/788656-8 (дата обращения: 19.08.2025).

20. Проект Федерального закона № 788669-8 «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 21.01.2025) // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/788669-8 (дата обращения: 19.08.2025).

Акты органов судебной власти

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2024 г. №34-П «По делу о проверке конституционности статей 426, 428 и 438 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Гилевской». [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гнездилова Алексея Владимировича, Гнездиловой Анны Владимировны и Плющевой Евгении Анатольевны на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 160, пунктом 1 статьи 161, пунктом 2 статьи 162, статьей 362 и пунктом 1 статьи 432 Гражданского кодекса РФ». [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Симакова Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах». [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах». [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2025 г. по делу № 19-КГ25-5-К5 (УИД 26RS0028-01-2024-000225-37). [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. по делу № А65-3053/2019. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 мая 2019 г. по делу № 56-КГ19-2. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 марта 2022 г. по делу № А27-43/2021. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

30. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 июля 2019 г. по делу № А41-16750/2018. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 июня 2018 г. по делу № А41-60107/16. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

32. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 26 июля 2012 г. по делу № А40-115878/11-78-465. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

33. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 24 декабря 2008 г. по делу № А40-5761/08-112-23. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

34. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 27 января 1999 г. по делу № А40/3549-98. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

35. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17 марта 2025 г. по делу № А55-33096/2023. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

36. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 9 ноября 2023 г. по делу № А57-23987/2022. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

37. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 ноября 2024 г. по делу № А35-6164/2023. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

38. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 августа 2022 г. по делу № А62-4800/2021. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

39. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 августа 2022 г. по делу № А63-17664/2021. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

40. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12 февраля 2020 г. по делу № А32-22379/2019. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

41. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2023 г. по делу № А40-4116/2023. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

42. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 мая 2017 г. по делу № А71-14645/2016. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

43. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 сентября 2024 г. по делу № 88-27913/2024. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

44. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 октября 2023 г. по делу № 88-35256/2023. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

45. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2024 г. по делу № 8Г-27061/2024. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

46. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 октября 2024 г. по делу № 2-408/2024. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

47. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 октября 2022 г. по делу № 88-23120/2022 (УИД 16RS0039-01-2021-002496-21). [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Акты иностранных судов

48. Beesty v Hallwood Estates Ltd [1960] 1 WLR 549 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

49. Carlill v Carbolic Smoke Ball Company [1893] 1 QB 256 (CA) [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

50. Currie v Misa [1875] LR 10 Ex 153 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

51. Dickinson v Dodds [1876] 2 Ch D 463 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

52. Dunlop Pneumatic Tyre Co Ltd v Selfridge Ltd [1915] AC 847 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

53. Helby v Matthews [1895] AC 471 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

54. Hyde v Wrench [1840] EWHC Ch J90 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

55. Re Button’s Lease [1964] Ch 263 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

56. Re Gray (Deceased) [2004] EWHC 154 (Ch) [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

57. Re Mulholland’s Will Trusts, Bryan v Westminster Bank Ltd [1949] 1 All ER 460 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

58. Routledge v Grant [1828] 4 Bing 653 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

59. Spiro v Glencrown Properties Ltd [1991] Ch 537 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

60. Storer v Manchester City Council [1974] 1 WLR 1403 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

61. Walsh v Lonsdale (1882) 21 Ch D 9 [Electronic resource] – URL: LexisNexis UK.

Научная, учебная и справочная литература на русском языке

Монографии, книги, учебники и учебные пособия

62. Алексеев, С. С. Гражданское право : учебник / С. С. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. чл.-корр. РАН С. С. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.; Екатеринбург : Проспект; Институт частного права, 2009. – 528 с.

63. Алексеев, С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 2: Специальные вопросы правоведения / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2010. – 471 с.

64. Алексеев, С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 6: Восхождение к праву / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2010. – 558 с.

65. Андреев, В. К. Корпоративное право современной России : монография / В. К. Андреев, В. А. Лаптев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2023. – 432 с.

66. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Аристотель ; ред. В. Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1976. – 550 с.

67. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник для вузов: в 2 т. Т. 2. / В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2022. – 483 с.

68. Витрянский, В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – 2-е изд., испр. и доп. / В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2018. – 528 с.

69. Габов, А. В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка / А. В. Габов. – М.: Статут, 2011. – 1104 с.

70. Гражданское право : учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2019. Т. 1 : Общая часть. – 574 с.

71. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств / Перевод с французского И. Б. Новицкого. – М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 510 с.

72. Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. К. Байрамкулов, О. А. Беляева, А. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2020. – 1425 с.

73. Дозорцев, В. А. Доверительное управление имуществом (гл. 53) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. – М., 1996. – 540 с.

74. Карнушин, В. Е. Общая теория гражданского права : учебник. – М. : Юстицинформ, 2024. – 456 с.

75. Кодификация российского частного права 2019 : сборник научных трудов / В. В. Витрянский, М. Ю. Головина, Б. М. Гонгало [и др.]. – Москва : Статут, 2019. – 492 с.

76. Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П. В. Крашенинникова. – Москва : Статут, 2015. – 447 с.

77. Козлова, Н. В. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: гражданско-правовые проблемы правового режима и оборота / Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. – М. : Статут, 2023. – 212 с.

78. Корпоративное право : учебник / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. – М. : Статут, 2019. – 735 с.

79. Красавчиков, О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – М. : Госюриздат, 1958. – 183 с.

80. Общие положения о сделке : комментарий к статьям 153–165.1, 181.1–181.5 и 190–194 ГК РФ. Электронное издание. Ред. 2.0. – М. : М-Логос, 2025. – 844 с.

81. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2006.

82. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 т. / В. А. Вайпан, А. В. Габов, Е. П. Губин [и др.] ; под ред. И. С. Шиткиной. – М. : Статут, 2021. Т. 1. – 622 с.

83. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства. – М.: Статут, 2002. [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pobedonoscev_kp_kurs_grazhdanskogo_prava_ch_ii_dogovory_i_obyazatelstva/ (дата обращения: 19.08.2025).

84. Сарбаш, С. В. Исполнение договорного обязательства / С. В. Сарбаш. – М. : Статут, 2005. – 636 с.

85. Танага, А. Н. Момент заключения договора в российском гражданском праве : монография / А. Н. Танага. – М. : Проспект, 2023. – 120 с.

86. Теория государства и права : учебник / А. А. Гогин, Д. А. Липинский, А. В. Малько [и др.] ; под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. – М. : Проспект, 2016. – 328 с.

87. Халфина, Р. О. Договор в английском гражданском праве / Р. О. Халфина. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1959. – 311 с.

88. Хохлов, В. А. Общие положения об обязательствах : учебное пособие / В. А. Хохлов. – М. : Статут, 2015. – 288 с.

89. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография / А. Ф. Черданцев. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2012. – 320 с.

90. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права: в 4 томах. Т. 2. Товары. Торговые сделки / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Юрайт, 2022. – 480 с.

Статьи в периодических изданиях

91. Ахмедов, А. Я. К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции / А. Я. Ахмедов // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 2. – С. 22–25.

92. Баранов, В. М. Юридические конструкции: сценарий компьютерного урока / В. М. Баранов, Ю. Л. Мареев // Проблемы юридической техники : сборник статей / под ред. В. М. Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – С. 725–736.

93. Бродский, А. А. Сделки с долями в ООО: цена распоряжения / А. А. Бродский // Закон. – 2023. – № 2. – С. 143–153.

94. Белых, В. С. Понятие и содержание договора купли-продажи в английском праве / В. С. Белых // Бизнес, менеджмент и право. – 2018. – № 3. – С 12–15.

95. Витрянский, В. В. Некоторые аспекты учения о гражданско-правовом договоре в условиях реформирования гражданского законодательства / В. В. Витрянский // Проблемы развития частного права : сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / С. С. Алексеев [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. – М. : Статут, 2011. – С. 288–337.

96. Горбачев, С. А. О специальных договорных конструкциях и их месте в системе гражданско-правовых договоров / С. А. Горбачев // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – № 3. – С. 107–114.

97. Громов, А. А. Обход преимущественного права покупки / А. А. Громов // Вестник гражданского права. – 2021. – № 1. – С. 7–49.

98. Долинская, В. В. Субъективные права, их осуществление и защита / В. В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 11. – С. 3–14.

99. Егоров, А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака / А. В. Егоров // Вестник гражданского права. – 2019. – № 6. – С. 51–107.

100. Егоров, А. В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России / А. В. Егоров // Вестник гражданского права. – 2011. – № 3. – С. 241–274.

101. Ершова, И. В. Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании / И. В. Ершова // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 11. – С. 67–75.

102. Зеккель, Э. Секундарные права в гражданском праве / Э. Зеккель // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – С. 204–252.

103. Илюшина, М. Н. Новеллы Гражданского кодекса об опционных договорах / М. Н. Илюшина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 2. – С. 3–10.

104. Иноземцева, А. В. Проблема самостоятельного значения института обхода закона / А. В. Иноземцева // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 3. – С. 152–189.

105. Карапетов, А. Г. Анализ некоторых вопросов заключения, исполнения и расторжения договоров в контексте реформы обязательственного права России / А. Г. Карапетов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12. – С. 21–61.

106. Карапетов, А. Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ / А. Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 3. – С. 49–72.

107. Кархалев, Д. Н. Опционный договор /Д. Н. Кархалев // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 2. – С. 32–37.

108. Козлова, К. Я. Опцион на заключение договора как драйвер развития инновационной деятельности: проблемы судебно-арбитражной практики / К. Я. Козлова // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 6. – С. 52–58.

109. Кравченко, А. А. К вопросу об определении правовой природы секундарных прав / А. А. Кравченко // Законодательство и экономика. – 2015. – № 2. – С. 49–52.

110. Красников, Н. О концепции опционного соглашения как предварительного договора по российскому праву / Н. Красников // Юрист. – 2009. – № 12. – С. 25–30.

111. Крашенинников, Е. А. Заключение договора / Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 5. – С. 60–104.

112. Кузнецов, А. А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций) : комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 / А. А. Кузнецов // Вестник экономического правосудия РФ. – 2020. – № 8. – С. 4–24.

113. Левушкин, А. Н. Построение и легализация современной модели семейного предпринимательства: вопросы гражданско-правовой и публично-правовой легитимации и государственной поддержки / А. Н. Левушкин // Гражданское право. – 2023. – № 4. – С. 2–6.

114. Левушкин, А. Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры / А. Н. Левушкин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – С. 19–26.

115. Макарова, О. А. Преимущественное право покупки доли/акций непубличной корпорации / О. А. Макарова // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2024. – № 3. – С. 28–31.

116. Малеина, М. Н. Договорные конструкции: понятие, классификации, место в гражданском законодательстве / М. Н. Малеина // Гражданское право. – 2021. – № 3. – С. 9–12.

117. Малько, А. В. Юридические конструкции как средство правотворческой политики / А. В. Малько, М. А. Костенко // Юридическая техника. – 2013. – № 7–2. – С. 461–464.

118. Марданшина, Е. А. Опцион на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале в нотариальной практике / Е. А. Марданшина // Нотариальный вестник. – 2021. – № 11. – С. 28–34.

119. Меньшенин, П. А. Опционный договор / П. А. Меньшенин // Право и экономика. – 2008. – № 5. – С. 19–25.

120. Мозолин, В. П. История цивилистической мысли в России / В. П. Мозолин, А. Н. Беседин // История юридических наук в России : сборник статей / под ред. О. Е. Кутафина. – М. : МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2009. – С. 56–100.

121. Мурдалов, Д. Р. Правовая природа опциона на заключение договора и опционного договора / Д. Р. Мурдалов // Право и политика. – 2025. – № 10. – С. 92–98.

122. Мурдалов, Д. Р. Некоторые правовые аспекты опциона на заключение договора / Д. Р. Мурдалов // Юридический мир. – 2025. – № 6. – С. 37–40.

123. Мурдалов, Д. Р. Соотношение соглашений о приобретении опциона эмитента и о предоставлении опциона на заключение договора купли-продажи акций / Д. Р. Мурдалов // Юрист. – 2023. – № 2. – С. 45–48.

124. Мурдалов, Д. Р. Сравнительный анализ опциона на заключение договора и опционного договора / Д. Р. Мурдалов // Юридические исследования. – 2022. – № 3. – С. 1–8.

125. Поваров, Ю. С. Вопросы управления в типовых уставах обществ с ограниченной ответственностью / Ю. С. Поваров // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4, № 4. – С. 101–106.

126. Подузова, Е. Б. Квалификация соглашений в предпринимательской деятельности: проблемы и противоречия / Е. Б. Подузова // Гражданское право. – 2017. – № 1. – С. 26–29.

127. Полякова, В. Э. Краудфандинг: понятие, правовое регулирование и договорные конструкции / В. Э. Полякова. – 2025. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2025).

128. Пономарев, Д. Е. Генезис и структура юридических конструкций: подходы к пониманию / Д. Е. Пономарев // Академический юридический журнал. – 2005. – № 2. – С. 4–8.

129. Пономарев, Д. Е. Юридические конструкции: становление понятия в отечественном правоведении / Д. Е. Пономарев // Российский юридический журнал. – 2004. – № 4. – С. 46–53.

130. Ралько, В. В. Опцион на заключение договора и опционный договор в российском праве / В. В. Радько // Нотариус. – 2016. – № 5. – С. 38–44.

131. Севеева, К. В. Правовая природа опционных соглашений в корпоративном праве / К. В. Севеева // Хозяйство и право. – 2023. – № 4. – С. 23–41.

132. Семякин, М. Н. Опционные договорные конструкции в системе правового обеспечения предпринимательской деятельности: юридическая природа / М. Н. Семякин // Юрист. – 2022. – № 10. – С. 23–32.

133. Степанов, Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики / Д. И. Степанов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 10. – С. 60–115.

134. Сулейменов, М. К. Специальные договорные конструкции (общие договоры) и их место в системе права. [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32801264/ (дата обращения: 19.08.2025).

135. Суханов, Е. А. О вещном праве собственности и недвижимости / Е. А. Суханов // Закон. – 2023. – № 7. – С. 32–42.

136. Суханов, Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности / Е. А. Суханов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 11. – С. 44–56.

137. Третьяков, С. В. Логическая редукция как альтернатива риторической генерализации: концепция субъективного гражданского права О. С. Иоффе / С. В. Третьяков // Вестник гражданского права. – 2023. – № 4. – С. 192–232.

138. Третьяков, С. В. «Триада Александрова» как вариант решения проблемы структуры субъективного гражданского права / С. В. Третьяков // Гражданско-правовые отношения: проблемы доктрины, законодательства

и судебной практики: сборник статей, посвященный 75-летию доктора юрид. наук, проф. Е. А. Суханова / отв. ред. В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2023. – С. 53–77.

139. Третьяков, С. В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (к публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») / С. В. Третьяков // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – С. 253–270.

140. Хаванова, И. А. Метавселенная: проблема адаптации налогово-правовых конструкций / И. А. Хаванова // Журнал российского права. – 2024. – № 7. – С. 78–93.

141. Черданцев, А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике / А. Ф. Черданцев // Правоведение. – 1972. – № 2. – С. 12–19.

142. Чупрунов, И. С. К вопросу о конструкции преимущественного права покупки доли (акций) / И. С. Чупрунов // Вестник гражданского права. – 2020. – № 4. – С. 94–219.

143. Чупрунов, И. С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве: Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 / И. С. Чупрунов // Вестник экономического правосудия РФ. – 2020. – № 8. – С. 25–68.

144. Ярош, А. В. Гражданско-правовая конструкция договора на криоконсервацию и хранение эмбриона / А. В. Ярош // Журнал российского права. – 2021. – № 12. – С. 108–119.

Диссертации и авторефераты диссертаций

145. Илюшина, М. Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте долей хозяйственных обществ: общее и особенное : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / М. Н. Илюшина. – М., 2012. – 522 с.

146. Казанцев, М. Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / М. Ф. Казанцев. – Екатеринбург, 2008. – 41 с.

147. Матвеева, Е. Ю. Специальные договорные конструкции в гражданском праве России : дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Ю. Матвеева. – М., 2025. – 477 с.

148. Меньшенин, П. А. Предварительный договор в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук / П. А. Меньшенин. – М., 2011. – 179 с.

149. Орлов, Г. Н. Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие : дис. ... канд. юрид. наук / Г. Н. Орлов. – СПб., 2018. – 422 с.

150. Рожкова, М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : дис. ... д-ра юрид. наук / М. А. Рожкова. – М., 2010. – 418 с.

151. Севеева, К. В. Опционные соглашения в корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2023. – 235 с.

152. Чевычелов, В. В. Юридическая конструкция: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Чавычелов. – Нижний Новгород, 2005. – 24 с.

153. Чевычелов, В. В. Юридическая конструкция: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Чавычелов. – Нижний Новгород, 2005. – 180 с.

Научная и учебная литература на иностранных языках

154. Beale, H. (ed.) Chitty on Contracts / H. Beale // 32nd ed. London: Sweet & Maxwell, 2018. Westlaw UK.

155. Cozzillio, M. J. The Option Contract: Irrevocable Not Irrejectable / M. J. Cozzillio // Catholic University Law Review. – 1990. – Vol. 39. – No. 2. – P. 491–523. [Electronic resource] – URL: https://scholarship.law.edu/lawreview/vol39/iss2/7 (дата обращения: 19.08.2025).

156. Corbin, A. L. Option Contracts / A. L. Corbin // The Yale Law Journal. – 1914. – Vol. 23. – No. 8. – P. 641–663. [Electronic resource] – URL: https://doi.org/10.2307/785174 (дата обращения: 19.08.2025).

157. MacIntyre, D. Lease. Option to Purchase Freehold. Running of Benefit / D. MacIntyre // The Cambridge Law Journal. – 1964. – Vol. 22. – No. 1. – P. 31–34. [Electronic resource] – URL: http://www.jstor.org/stable/4504915 (дата обращения: 19.08.2025).

158. McGovney, D. O. Irrevocable Offers / D. O. McGovney // Harvard Law Review. – 1914. – Vol. 27. – No. 7. – P. 644–663. [Electronic resource] – URL: https://www.jstor.org/stable/1326457 (дата обращения: 19.08.2025).

159. Peel, E. H. The Law of Contract / E. H. Peel, G. Treitel. – 15th ed. – London : Sweet & Maxwell, 2020. – 1650 p.

160. Poitras, G. The Early History of Option Contracts / G. Poitras // Hafner W., Zimmermann H. (eds.). Vinzenz Bronzin's Option Pricing Models: Exposition and Appraisal. – New York : Springer-Verlag. – 2009. – P. 487–518. [Electronic resource] – URL: http://doi.org/10.1007/978-3-540-85711-2_24 (дата обращения: 19.08.2025).

161. Pollock, F. Principles of Contract / F. Pollock. – 8th ed. – London : Stevens & Sons Ltd. – 1911. – 812 p.

162. The Rule Against Perpetuities as Applied to Contracts // Columbia Law Review. – 1925. – Vol. 25. – No. 1. – P. 77–83. [Electronic resource] – URL: https://www.jstor.org/stable/1113497 (дата обращения: 19.08.2025).